

В.В. АГЕНОСОВ

ВОССТАВШИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ

Антология писателей
Ди-Пи и второй
эмиграции

АНТОЛОГИЯ

**Восставшие из небытия.
Антология писателей Ди-
Пи и второй эмиграции.**

«Алетейя»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Антология

Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. / Антология — «Алетейя», 2021

ISBN 978-5-90670-527-3

Книга заслуженного деятеля науки РФ академика РАЕН В.В. Агеносова является первым в России собранием избранных произведений писателей послевоенной эмиграции и тех русских литераторов послеоктябрьской эмиграции, кто оказался после 1945 года лицами без гражданства (Ди-Пи – Displaced Persons). Все они в своей трудной судьбе сохранили любовь к России, к русскому человеку, веру в будущее своей родины. Ученому удалось дать краткие, но достаточно репрезентативные характеристики включенных в Антологию авторов, выбрать из обширного литературного наследия писателей Ди-Пи и второй волны эмиграции наиболее характерные произведения (или фрагменты больших романов и повестей) дающие представление о творческой индивидуальности каждого художника. Значительная часть авторов до сих пор неизвестна на родине. Антология В.В. Агеносова восполняет существенный пробел в истории русской литературы XX столетия. Книга рассчитана на любителей отечественной словесности, студентов и преподавателей гуманитарных вузов, исследователей культуры и литературы русской послевоенной диаспоры.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

ISBN 978-5-90670-527-3

© Антология, 2021

© Алтейя, 2021

Содержание

Несколько слов об архипелаге Ди-Пи и его писателях	9
Перечень сокращений	36
Алексеев Василий Иванович	37
«Россия солдатская»	39
Глава восьмая	39
Алексеева (псевдоним, наст. фам. Девёль, в замуж. Иванникова)	48
Лидия Алексеевна	
«Я привыкла трястись в дороге...»	54
«Подушку мха беззвучно оторвав...»	55
После налета	56
По грибы	57
«Мы поднялись развилиной ствола...»	58
«Где круто бьет и пенится...»	59
«Старый кот с отрубленным хвостом...»	60
«Вся жизнь прошла, как на вокзале...»	61
«Любовь не кончилась – она...»	62
«Слоятся дыма голубые складки...»	63
«От горя удаляясь, отдыхая...»	64
Ясень	65
«Холод, ветер... А у нас в Крыму-то...»	66
«На весенних кленах даже листьев нет...»	67
«Слушай, Жизнь! Меня, твою родную...»	68
«Из темноты и в темноту...»	69
«Не спрашивай, что будет там, потом...»	70
«В наш стройный мир, в его чудесный лад...»	71
«Спасибо жизнь, за то, что ты была...»	72
«Так странно жить на свете без корней...»	73
Моему поколению	74
«Земля устала от дневного жара...»	75
Экватор	76
Натка	77
Андреев (Хомяков, реже Отрадин) Геннадий Андреевич	79
Горькие воды	82
При взятии Берлина	82
Два Севостьяна	86
Трудные дороги	91
Вступление	91
Петр Твердохлеб	93
Анстей (наст. фамилия Штейнберг) Ольга Николаевна	96
Кирилловские яры	100
«От Рима, от Афин, где не была...»	102
Русский язык	103
«Я примирилась, в сущности, с судьбой...»	104
Пасха Христова	105
Ант (Трипольский) Владимир Николаевич	106
О танке и танке	107

Журавли	108
Катастрофа	109
Одиночество	110
Стриж	111
Камень	112
Сказка	113
Тень Апокалипсиса	114
Сенбернар	115
Тихий Океан	116
Бабенко Виктория Александровна	117
Осень	118
Слово	119
Мой город	120
Березов (Акулыпин) Родион Михайлович	122
Песня	127
«Чужие страны, люди, города...»	128
«Где жизнь творить – мне все равно...»	129
Клубочек жизни	130
Мечтатель	131
Грустные строки	132
Меньшее зло	133
Закон сердца	134
На скрининге	136
Бернер (псевдоним – Божидар) Николай Федорович	139
«Кто раз на камень каземата...»	141
«Когда б себя забыть, отбросить пережиток...»	142
Раздумье	143
«Слушай, непорочная Венера...»	144
Воспоминание	145
«Мой одинокий диалог...»	146
«Рощ бронзовых задумчивая просинь...»	147
«Благодарю тебя – слова не могут...»	148
Боброва (урожд. Рунг, по второму мужу Боброва-Цукерт) Элла Ивановна	149
«Здесь...»	152
«В последний раз...»	153
«Спокойной ночи!..»	154
Встреча	155
В больнице	157
«Мне говорят: плакучей ивой, плаксой...»	158
«Боязливость ребенка. Бесстрашие льва...»	159
О «Портрете в рифмованной раме»	160
«Пушкин...»	162
Бонгард Сергей Романович	163
Актрисе	166
«Пора расстаться нам. Давай рассудим...»	167
«Когда из этой жизни прочь...»	168
Зима	169
Отплытие	170

«Нет, поступить иначе я не мог...»	171
«Сегодня день так сумрачен и мглист...»	172
Шторм	173
Ей	174
«Вздымались и рушились тучи...»	175
«Ты помнишь, у нашей калитки...»	176
«Детство мое тихое...»	177
«С курносой смертью ежели...»	178
Дождь в засуху	179
«Присела птица сонная...»	180
Русский Парнас в рассеянии	181
Новогоднее	183
«Опять октябрь листвой сверкая...»	185
Forest Lawn	186
Туман	188
Береза	189
Влюбленные лошади	190
Осень в горах	191
У океана	192
«Не зачерствей как пень с годами...»	193
Начало бури	194
Мастерство	195
Буркин Иван Афанасьевич	196
Лагерь военнопленных	198
Тихоокеанские сонеты	199
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Владимир Агеносов

Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции

Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Подготовка Антологии осуществлялась в течение пяти лет работы автора-составителя в **ИМПЭ им. А.С. Грибоедова**.

Заключительная работа над книгой проводилась в течение трех лет работы в **Renmin University of China** (КНР), создавшем для этого самые благоприятные условия.

© Агеносов В.В., 2014

© АИРО-XXI, 2014

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Несколько слов об архипелаге Ди-Пи и его писателях

«Вспомните о нас, люди» – так назвал свои мемуары о годах, проведенных в фашистском плену, ученый-литературовед Степан Иванович Шешуков. Ему еще «повезло». Огромная рана на ноге, так и незажившая до самой смерти, позволила избежать советского ГУЛАГа. После XX съезда КПСС Шешукова восстановили в партии, позволили, хотя и не без сопротивления, издать ставшую литературоведческой сенсацией книгу «Неистовые ревнители», защитить докторскую диссертацию. И даже наградили орденом Знак Почета. Предлагалась более высокая награда, но члены парткома, обсуждавшие этот вопрос, прямо сказали: всё-таки был в плену.

Другим бывшим военнопленным повезло меньше. Одни прямо из фашистских лагерей переместились в советские. Вторые отправились в штрафные батальоны кровью смывать несуществующую вину. Даже те, кого подростками отправили батрачить на Германию, оказались надолго ущемленными в правах: их не принимали в высшие учебные заведения, предоставляли самую грязную работу. Впрочем, и здесь с годами, с запозданием, справедливость восторжествовала: и бывшие военнопленные, и бывшие рабы признаны участниками Великой Отечественной войны. Только вот воспользоваться своими правами довелось немногим: большинство ушло из жизни раньше, чем их вернули из небытия.

Даже тем, кто сотрудничал с оккупантами, вышла поблажка: Президиум Верховного Совета СССР Указом от 17 сентября 1955 года их амнистировал.

И лишь те, кто, пройдя все муки войны и неметчины, остался на чужбине, по-прежнему прокляты и забыты. Что мы знаем о них, об их жизни после Победы союзников над фашистской Германией? Практически ничего.

Вот лишь некоторые сведения из вышедшего 1948 году в парижском издательстве «Clermont» сборника статей и материалов «Перемещенные лица»¹. К 1947 году по неполным данным в Германии находилось «приблизительно 300.000 советских граждан...»².

Автор монографии «Жертвы двух диктатур»³ Павел Полян, опираясь на секретные сведения органов НКВД, называет другую цифру: на 1 января 1952 года в Европе оставалось 451.561 человек. Однако именно точность этой цифры вплоть до одного человека позволяет усомниться в ее достоверности. Совершенно очевидно, что какая-то часть ди-пийцев⁴ сумела уклониться от регистрации в советских органах.

В статье В.П. Наумова и Л.Е. Решина «Репрессии по отношению к советским военнопленным и гражданским репатриантам в СССР (1941–1956)», конкретизируется: из 452 тысяч перемещенных граждан из СССР 170 тысяч составляли военнопленные, остальные – мирные жители, депортированные в Германию во время войны⁵.

По данным В.Н. Земскова, взятым из официальных советских источников, вторая эмиграция⁶ была больше: 620 тыс. человек⁷, т. е. примерно десять процентов от числа советских граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за границей.

¹ *Personnes Déplacées*. – Paris: Editions de Clermont, 1948. – 350 p.

² *Ibid.* – P. 287.

³ Полян П. Жертвы двух диктатур оstarбайтеры и военнопленные в третьем Рейхе и их репатриация. – М., 1996. – 442 с. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть сов. военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине – М.: РОССПЭН, 2002. – 895 с. Информация о судьбах перемещенных лиц содержится также в кн.: *Вербицкий Г.Г.* Оstarбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. Изд 3-е, испр. – СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. (Библиотека журнала «Новый Часовой»).

⁴ Ди-Пи (*Deplacé persons*) – перемещенные лица.

⁵ Статья предоставлена мне Комиссией при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.

⁶ Словосочетание «вторая эмиграция» вызывает у многих литературоведов, да и самих участников этой эмиграции, сопротивление. Тем не менее, никакого более четкого определения никто не предложил. Я имею ввиду оказавшихся за пределами СССР невозвращенцев, ставших позже эмигрантами. Эмигранты первой волны, пребывавшие в лагерях Ди-Пи и обретшие

Барак в лагере Шлейсгейм – типичное здание лагерей Ди-Пи

«Основная часть этих советских граждан распределена в 380 лагерях⁸, рассредоточенных в различных регионах западной Германии»⁹, – пишут авторы французской книги.

Опекали ди-пийские лагеря две организации: UNRRA (United Nations Refugees Relief Association) и IRO (International Refugees Organization) – на дипийском языке – Ирочка.

Вот как описывает живописец и декоратор В.Д. Гашурова один из самых крупных и «литературных» лагерей Шлейсгейм недалеко от Мюнхена, где она провела детство:

«Серенькие бараки тянутся в четыре ряда, пространство между ними носили даже название улиц. Средняя, главная, – Гороховая в честь ежедневного гороха, получаемого в обед в общей кузне; другие – Церковная и казачья. Дворянский переулок вел к административному бараку... Две церкви, библиотека, театр, гимназия, радиостанция, курсы, лекции, спортивный клуб в чужой нам стране. Это была Россия в миниатюре, причем дореволюционная Россия. Не странно, что и старинные русские обычаи сохранились в полной красоте и силе».

Именно в Шлейсгеме жили И. Елагин и О. Анстей, Б. Нарциссов, И. Сабурова.

Поэт и эссеист В.А. Синкевич, бывшая жительница лагеря Фишбек, вспоминает:

«Жили мы в большом бараке – одна комната, разделенная военными одеялами... Работать – просто негде. Иностранцев никто не брал – работы не хватало самим немцам. Правда, и на шее у немецкого населения мы тоже не сидели – нас содержала оккупационная власть. Быт... Когда родилась дочка, я ведрами таскала холодную воду в барак, грела воду на маленькой электрической плитке. А если три-четыре плитки в бараке включены – электричество вырубается, начинаются скандалы...».

Но жизнь эта не ограничивалась бытом.

гражданства после 1945 года, в понятие «вторая волна» не входят, но, на мой взгляд, к ним применимо определение «послевоенная эмиграция».

⁷ Земской В.Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.

⁸ Как указывает Р.В. Полчанинов, не во всех содержались русские военнопленные. Были лагеря для прибалтов.

⁹ *Personnes Déplacées*. – Paris: Editions de Clermont, 1948. – 287 p.

В Фишбеке и особенно Цоо кампе, продолжает В. Синкевич, *«русская интеллигенция жила не хлебом единым... Здесь я впервые услышала от Юрия Павловича Иваска имя Марины Цветаевой..., встретила с семьей Марченко: отец – будущий известный прозаик Николай Нароков, и его сын – будущий известный поэт Николай Моршен».*

«Не хлебом единым» жили и другие лагеря беженцев.

Культпросвет¹⁰ лагеря Менхегоф (Кассель. Германия) провел за три месяца 1946 года 64 лекции-беседы о литературе и искусстве. Аналогичный клуб действовал в соседнем лагере Фюрстенвальд¹¹.

В ряде лагерей издавались на ротаторе газеты; выходили книги русских классиков, учебники¹², широко велась культурно-образовательная деятельность.

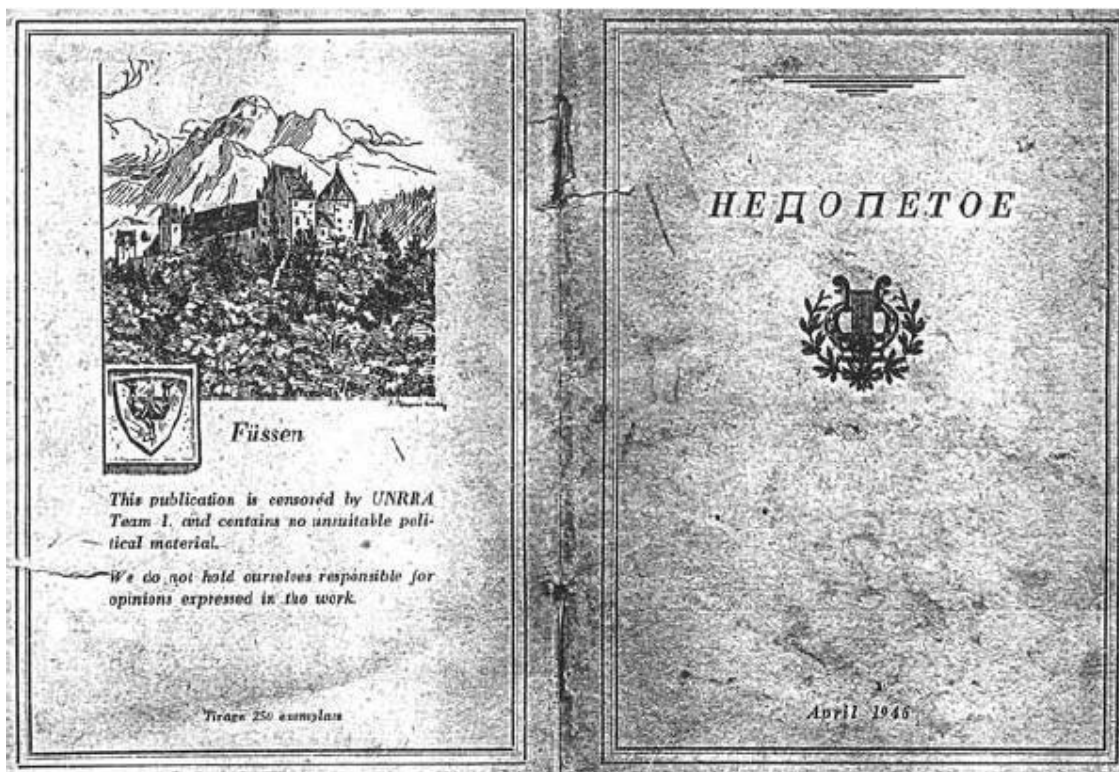
Церковь в одном из лагерей Ди-Пи (из архива В.Д. Гашировой)

Во многих лагерях читались лекции о культуре и литературе. Лекторами были как дипийцы первой волны эмиграции (Ю. Иваск, И. Сабурова), так и филологи, оказавшиеся в лагерях в 1941 -44 годах (Б. Филиппов, Н. Марченко-старший, Л. Ржевский и др.).

¹⁰ О деятельности этой организации подробно рассказывает Р. Полчанинов в статье «Менхегофский культпросвет»: За Свободную Россию. – Н.-Й., 2006, ноябрь (№ 79).

¹¹ Единство. Лагерь Менхегоф (Кассель. Германия). Изд. Клуба УМКА в лагере. – 1946. -№ 1.

¹² Список изданий см.: Штейн Э. Русская печать лагерей Ди-Пи. – [Орендж-Москва:] Antiquary, 1993. – 135 с. Исследователь перечислил 242 названия газет и журналов, выходивших в лагерях Ди-Пи и имеющихся в собрании Колумбийского Университета (Нью-Йорк), оговорившись, что это далеко не полный перечень. Ученый сообщил о том, что в лагерях Ди-Пи издавались книги классиков русской и зарубежной литературы, учебники, произведения Волошина, Гумилева, Есенина, Аверченко, Алданова, Вергинского. К сожалению, Э. Штейн ограничился описанием книг своей коллекции и не сделал даже попытки охарактеризовать периодику. Чрезвычайно интересные сведения содержатся в статье Р. Полчанинова «Книжный бум 1945–1948.» – За Свободную Россию. Н.-Й., 2006. (№ 72) В России издан список книг «Ди-Пи» из фондов библиотек Москвы и Санкт-Петербурга. См.: Базанов ПН. Издательская деятельность «дипийцев» // Вестник С-Петербургского гос. университета культуры и искусств. 2006. № 1(4) июль. С. 162–175.

Сборник молодых поэтов лагеря Ди-Пи в Фюссене. 1946

Изучение в 1999 году в библиотеках Калифорнийского (Беркли) и Стэнфордского университетов *de visu* большого количества газет и журналов показало, что, хотя большинство периодических изданий носило сугубо политический характер, были и такие, где проблемы искусства и литературного творчества беженцев занимали значительное место.

Среди них – информационно-политический журнал «На переломе», издававшийся на ротаторе Ди-Пи Центром Фрайман (Мюнхен). Именно здесь впервые увидели свет такие поэтические шедевры, как стихотворения И. Елагина «А. Грину» (№ 7), «Любезная сердцу осень...», «Ни зги, но ветер. Уличным фигляром...», «Уже последний пехотинец пал...»; О. Анстей «Разбушевался ветер в тополях...», «В пол-окна снега мои накиданы...», «Ну, вода – как молоко парное...» (№ 8, 25 сент. 1946). В этом же лагере издавался с июня по октябрь 1946 литературно-общественный журнал «Огни» (вышло 10 номеров).

Журнал «Посев», выходящий для рабочих лагерей Менхегоф, Фюрстенвальд, Ротвестен с ноября 1945 года по февраль 1946, дал в № 42 (1946, 1 сент.) статью А. Парфенова «Н.С. Гумилев», а в № 9 (1946, 7 янв.) напечатал наряду со стихотворениями А. Ахматовой «Мужество» и Н. Туроверова «Сочельник», написанное в концлагере Дахау в 1942 г. стихотворение А. Неймирока «Гитлер», а также стихи никому не известного С. Тропинина «Я считаю мучительно сроки...».

С 1946 в Менхегофе начал выходить «журнал литературы, искусства и общественной мысли» «Грани», переехавший позже во Франкфурт, где он издавался до 1991 года. С 1992 журнал печатался в Москве. Прекратил существование в 1996 году.

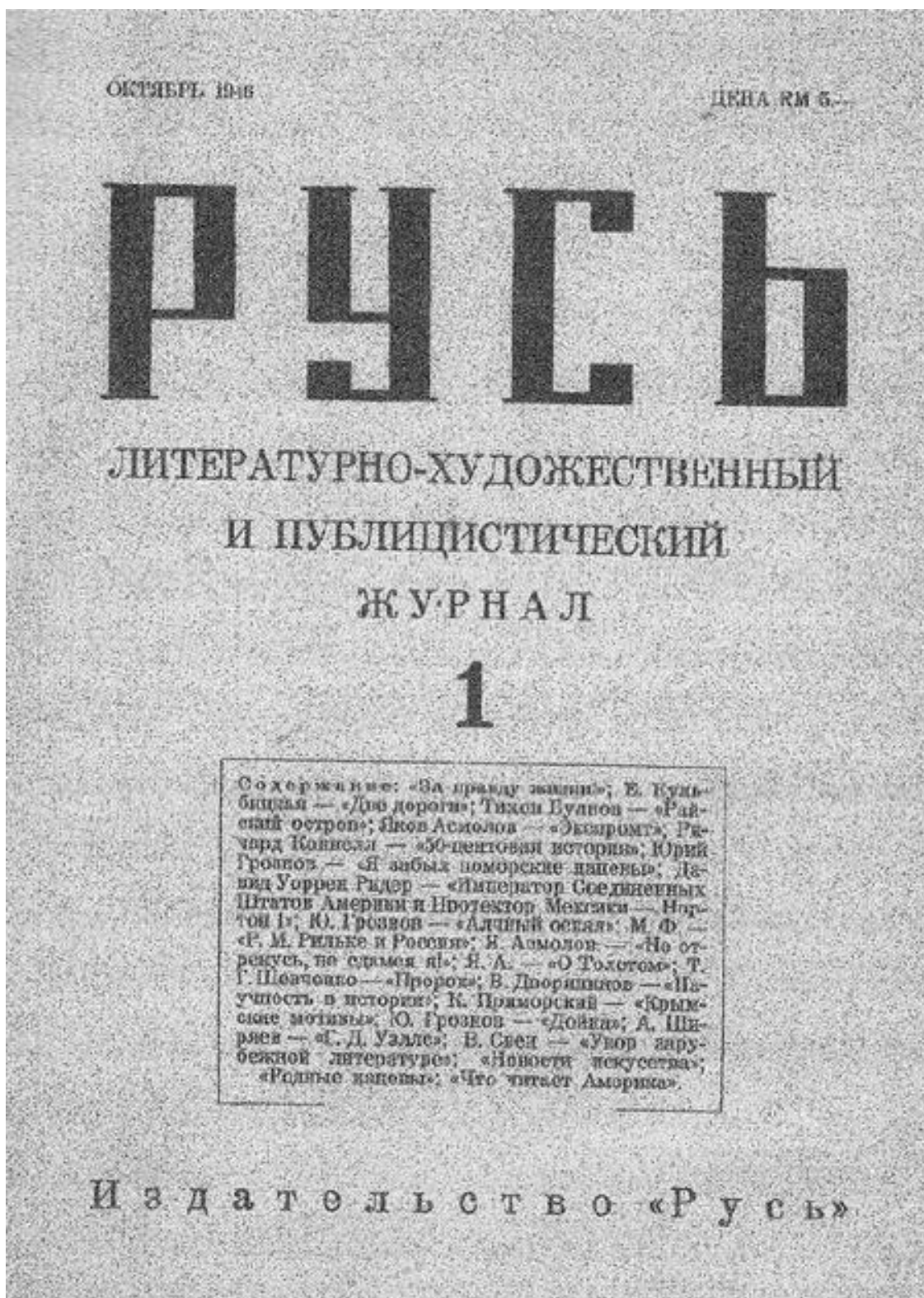
Широко была представлена поэзия и в менявшей названия газете лагеря Регенсбург: «Свободное слово» (с 21 апреля по 19 мая 1948 вышло 3 номера) и «Свобода» (с 24 июня по 11 ноября 1948 вышло 10 номеров).

Назовем также изданный Георгием Широковым под псевдонимом Ю. Грознов единственный номер журнала «Русь»¹³. Уже первая (редакционная) статья, открывающаяся обширной цитатой о Руси из «Мертвых душ» Гоголя, утверждала, что «политика бессильна перед подлинным искусством, перед правдой жизни, которой должно служить искусство». Небольшой редакционный коллектив стремился познакомить читателя и с творчеством Т. Шевченко, и с биографией Г. Уэллса, и с мнениями Т. Манна о Пушкине, Р.М. Рильке – о России. В краткой заметке говорилось о влиянии Л. Толстого на творчество советских писателей. Собственно поэзия была представлена четырьмя именами: Е. Кульбицкая, Ю. Грознов, Я. Асмолов и К. Приморский

С 1946 года в лагерях Ди-Пи стали выходить книги (точнее брошюры) со стихами самих ди-пийцев.

---

¹³ Русь. Литературно-художественный и публицистический журнал. – № 1. -Ашаффенбург, 1946, окт. – 52 с. Журнал предоставлен нам непосредственно Г.А. Широковым.

Одним из первых подобных изданий стал найденный нами в личном архиве В.В. Коловочина сборник «Недопетое: Песни юных русских изгнанников», изданный, как сказано на титуле, «группой молодежи в Русском лагере города Фюссен» в апреле 1946 тиражом в 250 экз. Представленные в книге стихотворения двух молодых людей Миши Орлова и Коли Тарасова наивны, несовершенны и подражательны. Интерес представляет тематика книги: «Родина и ее

люди» и «Лирика». Ограничусь одной цитатой – лирическим стихотворением Н. Тарасова о русской душе:

Пойте печальные эти мотивы:
Русской души никому не понять,
В ней то бывает отлив, то приливы,
То разразится весельем опять.

В ней то раздолье живет удалое,
То бесконечная грусть и печаль,
То доброта, то роптание злое,
В ней отразилась родимая даль.

В ней материнские капают слезы,
Радость звучит и звенит звонкий смех,
В ней отразились заветные грезы,
Славных сражений бессмертный успех.

Пойте ж, товарищи, песню родную,
С ней улетим мы в родные края.
С вами и я на чужбине тоскую,
Те же надежды в мечтаньях тая.

Несомненно, что молодой автор находился под влиянием советских патриотических песен своей юности. Анафоры («в ней», «то / тех»), призыв к товарищам петь, клише «славных сражений бессмертный успех» – всё это характерные признаки советской песенной традиции¹⁴.

---

¹⁴ Указано мне к.ф.н. М.Г. Павловцом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

Как известно, правлением Объединения российских писателей и журналистов был организован конкурс на лучшие стихи и рассказы.

Жюри, в составе — И. В. Елагин, Н. З. Рыбинский и А. И. Уральцев, рассмотрело около 50 работ, в том числе ряд работ не членов Объединения.

Из общего количества представленных на конкурс произведений, жюри нашло возможным отметить следующие:

Н. Моршен — стихи «У маяка» и «Время»,

Ю. Грузнов — стихи «Панегирик Северу» и отрывок из поэмы «Идущие на смерть»,

Горевьюгин — «Мои мечты», рассказ.

Г. Андреев — «Покой», рассказ.

В. Суджанский — «Случай», рассказ.

До оценки имена авторов не были известны. Оценка произведена по обсуждению формы и тематики, литературной грамотности и оригинальности.

Само собою разумеется, что оценка была и безотносительной, и — сравнительной, поскольку работ для сравнения было достаточно.

По указанию правления, лучшие (здесь перечисленные) произведения направлены редакциям наших газет: «Новости», «Обозрение», «Посев» и «Эхо». К сожалению, это единственная возможная форма выражения признательности авторам, откликнувшимся на призыв правления.

Жюри

Ю. Грознов издал в 1948 году книгу лирики «Половодье в сердце»¹⁵, куда вошли и премированные на лагерном конкурсе поэтов (был и такой!) стихотворения «Панегирик Северу» и «Идущие на смерть». Приведем одно из них:

О, Север!
Кто красу познал
Твоих
овьюженных преданий,
И солнца меркнувший опал
На бирюзовой неба длани,
И гордость сизую в очах
Сынов полуночной природы, —
Тот, жизнь никчемную влача,
К
Тебе
придет на вечный отдых.
Так я, в немилых мне краях
Внимая южных песен трелям,
Мечтаю о метельных снах
На ледяной
Твоей
постели.

Подлинным поэтическим событием стал выход в Мюнхене сборника «Стихи»¹⁶, куда вошли произведения О. Анстей, С. Бонгарта (им же создана обложка книги: зимний пейзаж Мюнхена), Влад. Гальского, И. Елагина, С. Зубарева, Н. Касима, Н. Кудашева, А. Савиновой, А. Шишковой¹⁷. Сборник был замечен русской диаспорой, хотя и получил противоположные отзывы. Если рецензент парижской газеты «Русская мысль» И. Тхоржевский в статье «Поэзия за проволокой»¹⁸ дал самую высокую оценку сборнику, то критик «Огней» А. Черных обвинил авторов книги в «потрясающе-замогильном пессимизме». Завершая рецензию-разгром, А. Черных призывал: «Мы ценим и любим наших поэтов, но мы требуем от них гражданского мужества: перебороть ощущение кажущейся беспросветности и найти в себе силы не только верить, но и вести за собой»¹⁹.

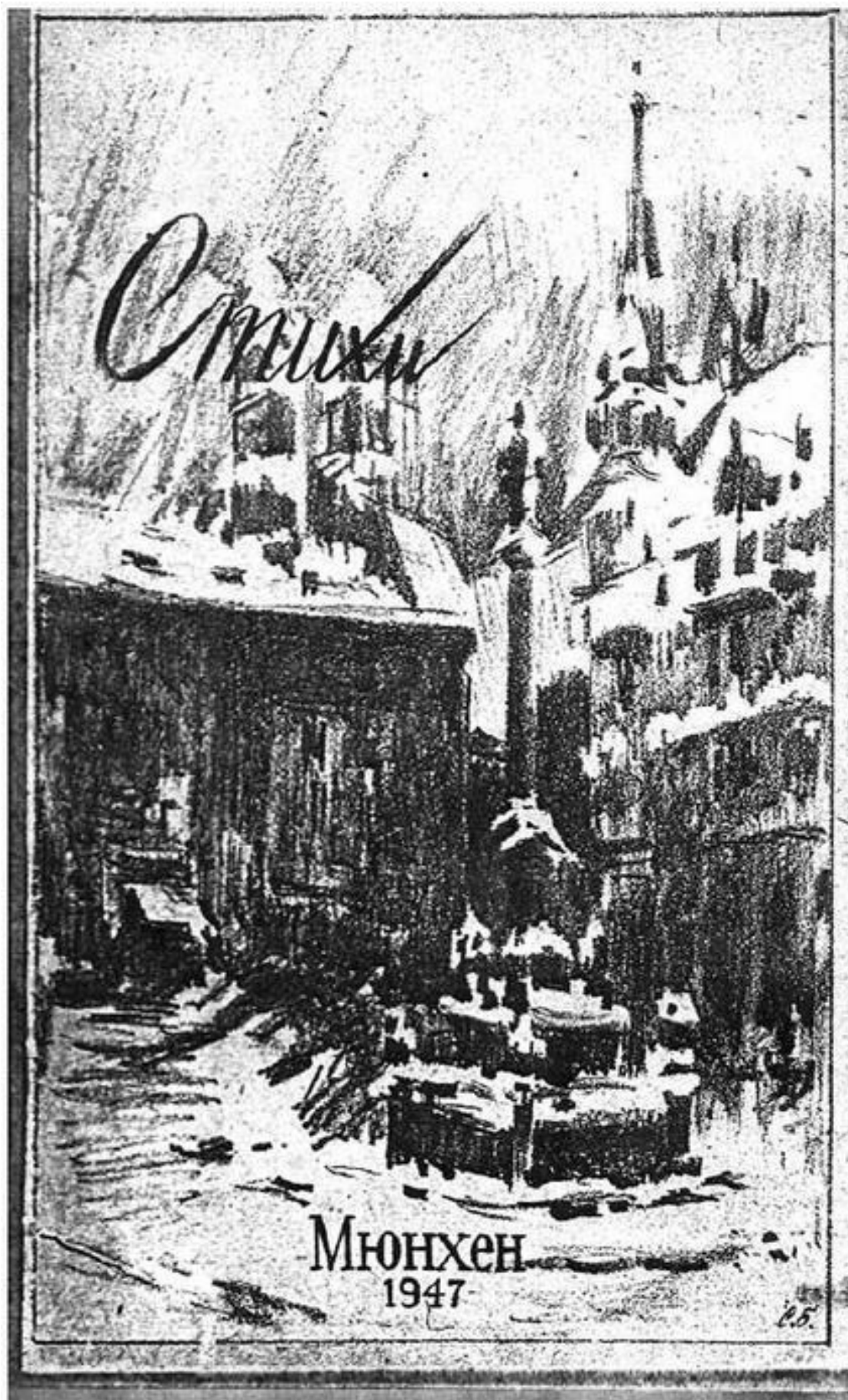
¹⁵ Грознов Ю. Половодье в сердце: Лирика (1945–1947). – «Медный Всадник». – 1948. – 27 с. Последние стихи Грознова (Широкова) написаны в 1952 г., после чего он больше не занимался поэзией.

¹⁶ Стихи. – Мюнхен, 1947. – 93 с.

¹⁷ Стихи этого сборника включены в Антологию в персоналии названных поэтов.

¹⁸ Русская мысль. – Париж, 1947. 6 дек. (№ 34).

¹⁹ Огни. Литературный и православно-общественный сборник. – Мюнхен, [б./д.]. С. 62. 65.

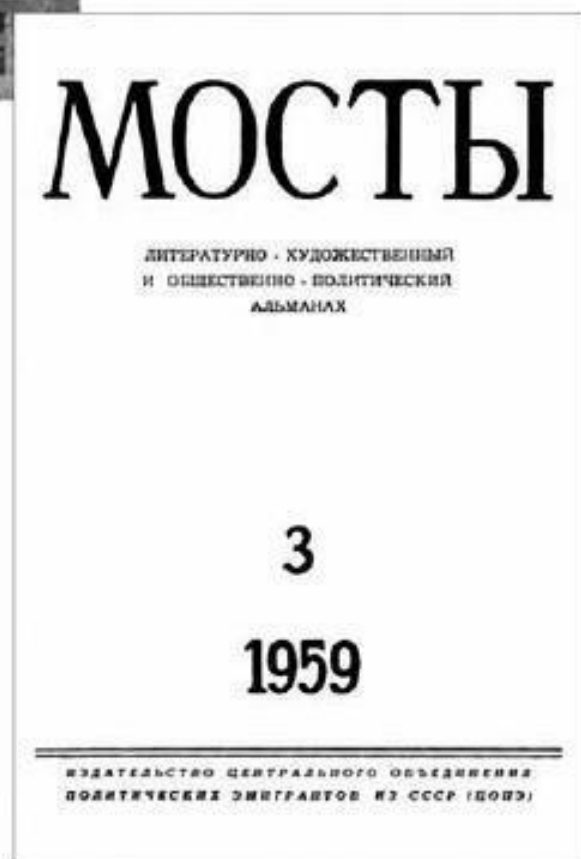
Первый значительный поэтический сборник стихов Ди-Пи. – Мюнхен, 1947. Обложка С. Бонгарта

Беспросветности в сборнике не было, но тревога ощущалась. 1945–1952 годы ознаменовались для лиц, проживавших в лагерях в американской и английской зонах, вопросом о принудительной репатриации на родину. Автор открывающей книгу «Беженцы и перемещенные лица» статьи Леон Ричард пишет: «Подавляющее большинство перемещенных лиц, которые находятся в настоящее время в Германии и в Австрии, не хочет возвращаться на родину [...] потому что политический режим, установленный там после войны, не побуждает к возврату. [...] Наученные своими личными испытаниями или под влиянием рассказов близких или друзей, они опасаются, напрасно или обоснованно, репрессий и стремятся, прежде всего, к свободе мысли и мнений»²⁰. Его мысль углубляет современный исследователь проблемы В.Н. Земсков, называющий среди факторов «способствовавших образованию “второй эмиграции”, в первую очередь... существование в СССР тоталитарного, репрессивного режима. Развернувшаяся в СССР кампания по борьбе с космополитизмом и иностранщиной, – продолжает ученый, – изрядно напугала советских перемещенных лиц. Не меньший страх вызывали вести об антирелигиозных кампаниях в СССР». Еще одной причиной исследователь называет «трудности жизни на родине, понесшей вследствие войны большие потери и разрушения. По этой причине многие тысячи перемещенных предпочитали устраивать свою жизнь в не пострадавших от войны странах»²¹.

---

²⁰ Richard Leon. Réfugiés et Personnes Déplacées // Personnes Déplacées. -Paris: Editions de Clermont, 1948.P. 24–25.

²¹ Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. – С. 3–24.

Периодические издания Ди-Пи

Из статьи В.Н. Земского прямо вытекает, что не будь Приказа Ставки Главного Командования Красной Армии за № 270 от 16 августа 1941 г., объявлявший каждого оказавшегося в плену советского солдата предателем, и многочисленных высказываний Сталина, что у нас нет

пленных, а есть только предатели²²; не создай государство репрессивно механизма обращения с вернувшимися гражданами²³, сведения о чем доходили до лагерей Ди-Пи, не было бы и второй эмиграции с трагедией Кемптена, Платтлинга, Дахау и Лиенца, когда американские и британские солдаты загоняли людей в машины и везли к поездам, где доставленных ожидали составы, прямиком отправляющиеся в фильтрационные лагеря. Стоны и плач сопровождали эти картины. Некоторые из отправляемых вскрывали себе вены, кончали жизнь самоубийством. Подчеркну, речь идет не о руководителях власовской армии, не о сотнях запятнавших себя кровью военных преступников, а о десятках тысяч человек, в том числе о 110 тысячах казаков с семьями. Они-то уж совсем не попадали под Ялтинские соглашения февраля 1945 года, ибо, эмигрировав после Октября 1917 года, никогда не были советскими гражданами.

Сообщения о насильственных репатриациях и сопутствовавших им эксцессах взволновали западную общественность. Скандал по поводу участия солдат армии Ее Величества в насилии над ди-пийцами разразился в английском парламенте. На 30-й Пленарной Сессии Генеральной Ассамблеи ООН 12 февраля 1946 года в защиту беженцев выступила представитель США жена Президента Элеонора Рузвельт. В своей речи она предлагала «ставить во главу угла права человека, которые будут рассматривать то, что делает человека более свободным: не правительства, а человека... Некоторые люди, – утверждала Э. Рузвельт, – по-прежнему не желают возвращаться назад, так как они не согласны с правительствами, находящимися у власти в их странах»²⁴, и это их право. Развивая это положение, Э. Рузвельт 8 ноября 1946 года говорила: «Наш народ всегда верил в право на убежище и полную свободу выбора. Пилигримы, гугеноты, и немцы 1848 года приехали к нам в поисках политической и религиозной свободы и более широких экономических возможностей. Они создали Соединенные Штаты. Эти люди, находящиеся в лагерях для перемещенных лиц, похожи на наших ранних поселенцев»²⁵. Огромную роль в поддержке беженцев сыграла дочь Л.Н. Толстого Александра Львовна Толстая. В 1946 году для защиты русских эмигрантов создается Программа Толстовского Фонда в Европе. К концу 1954 года было открыто 17 отделений Фонда в различных странах мира.

Уже к 1947 году помощь англичан и американцев советским репатриационным властям сошла на нет.

Но это не решило полностью судеб ди-пийцев. Они не могли вечно оставаться людьми без родины. Им нужна была новая родина и работа. Второй родиной для русских эмигрантов 40-50-х годов стала сначала Германия (преимущественно Мюнхен и его окрестности).

В Мюнхене находились многочисленные организации русских эмигрантов: Национально-трудовой Союз (НТС), Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), радиостанции, вещавшие на Россию. В Мюнхене же активно функционировал Институт по изучению истории и культуры СССР, печатавший работы многих русских эмигрантов. В 1951–1954 годы в Мюнхене выходил журнал литературной критики (альманах) «Литературный современник». В 1958 году в издательстве ЦОПЭ вышел сборник-антология «Литератур-

---

²² Ограничимся одной дословной цитатой: «Русских в плену нет. Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, то он автоматически перестает быть русским» // *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. – М., 1996. С. 32.

²³ Из 1.5 млн. военнопленных, вернувшихся из зон оккупации союзников, после проверки в ПФЛ (Предварительных фильтрационных лагерях) было осуждено 994 тыс. и расстреляно 157 тыс. человек (*Шевяков А.А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационной зоне государств антигитлеровской коалиции // *Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграция. Сб. научных трудов.* – М., 1994). Несколько иные цифры приводит В.Н. Земсков: по его сведениям к 1946 году было возвращено из зон союзников 2352906 человек, из которых 608 тыс. были отправлены в рабочие батальоны (по сути ГУЛАГ) и 89 тыс. передано в распоряжение НКВД (*Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // *Социологические исследования.* 1991. № 4. С. 3–24).

²⁴ The 410 documents in The Eleanor Roosevelt Papers, Vol. 1: The Human Rights Years, 1945–1948. – Publication Information Publisher: Charles Scribners & Sons. 2007. P. 247.

²⁵ *Ibid.* – P. 397.

ное зарубежье» с произведениями И. Елагина, С. Максимова, Д. Кленовского, Л. Ржевского, О. Ильинского, Н. Нарокова, Б. Ширяева, О. Анстей, Б. Филиппова, С. Юрасова, Н. Моршена, В. Свена – практически всех, кто потом определял развитие литературы второй волны. То же издательство выпустило 15 номеров альманаха «Мосты». В 1959 г. на страницах «Грани» (№ 44) была опубликована антология поэтов обеих волн (составитель Ю. Терапиано), позднее вышедшая отдельной книгой «Муза диаспоры» (Франкфурт-на-Майне, 1960).

Александра Львовна Толстая

Элеонора Рузвельт

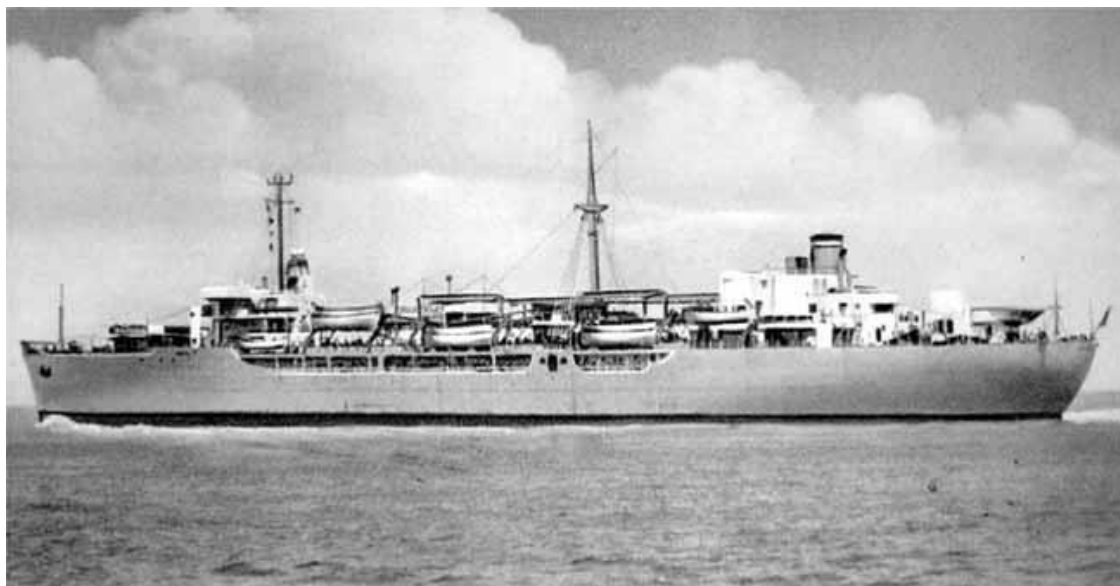
Всего в Германии и Австрии обосновались на постоянное жительство 13 тысяч человек. К 1951 году 77,4 тыс. беженцев оказались в США; 25,2 – в Австралии; 23,2 – в Канаде; 4,4 – в Аргентине; 6,4 – в Бразилии; 8,3 – в других странах (Англии, Франции, Парагвае)²⁶.

Существенную роль в оказании обретения новой родины оказал ди-пийцам Толстовский Фонд. В отличие от Правительства США, вначале разрешившего въезд в страну только работоспособным людям, Фонд помогал и старикам, и детям. При содействии Фонда в США въехали из разных стран около 40 тыс. человек²⁷.

---

²⁶ Русские. Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полещук. – М.: Наука, 1999. С. 153. В приведенных данных не разделяются русские и украинцы.

²⁷ См.: Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. – Хэмден – Сан-Франциско – СПб.: КРА, 2005. С. 503.

Корабль «Генерал Баллу»

Переправу бывших советских граждан через океан осуществляли американские транспортные корабли, чаще всего «Генерал Блэтчфорд» и «Генерал Баллу». Последний упоминается во многих воспоминаниях и в стихотворении Ивана Елагина. Там же говорится о том, что ждало переселенцев в Америке:

...Военный транспорт «Генерал Баллу»
К Нью-Йорку плыл сквозь утреннюю мглу.
И вдруг, вонзаясь в небеса упрямо,
Возникли небоскребы. Видел я,
Как в небо, сердце города, твоя
Угластая впилась кардиограмма.

О Боже, как мне было тяжело!
Всё нищенское наше барахло
Осматривала тщательно таможня.
Как, от стыда сгорая, я стоял
Над ворохом потертых одеял —
Пересказать словами невозможно.

А там, глядишь, пройдет еще дней шесть —
И у меня уже работа есть:
Я мою пол в каком-то ресторане.
Жизнь начинаю новую мою...

За первый мой американский год
Переменял я множество работ...

На судовой верфях и рыбозаводе работал Н. Моршен; убирала квартиры В. Синкевич; был разнорабочим князь Н. Кудашев. Это только три примера. Их можно множить и множить.

Со временем русское умение преодолевать трудности и находить выходы из, казалось бы, безвыходных ситуаций позволило новоявленным гражданам Запада обрести и профессию, и

положение. Стали профессорами И. Елагин и Л. Ржевский, В. Марков и И. Буркин; достигли звания академиков живописи В. Шаталов и С. Голлербах; стала библиографом Филадельфийской библиотеки и издателем альманаха «Встречи» В. Синкевич. В крупнейшего признанного историка вырос Н. Ульянов; Б. Филиппов в содружестве с Г. Струве издал и прокомментировал собрания сочинений А. Ахматовой, М. Волошина, Н. Клюева, Б. Пастернака, О. Мандельштама и других замечательных русских писателей. Обрела свой домик и садик И. Сабурова. Получили широкую известность С. Максимов, Н. Нароков и В. Юрасов: их книги были переведены на многие европейские языки.

Выходивший в Америке с 1940 года «Новый журнал» начал публиковать и произведения писателей второй волны эмиграции. Существовало несколько крупных издательств русской книги, в том числе издательство имени Чехова, опубликовавшее в 1953 году антологию «На Западе» (составитель Ю. Иваск), куда вошли стихи О. Анстей, И. Елагина, О. Ильинского, Д. Кленовского, В. Маркова, Н. Морше-на, Б. Нарциссова, Б. Филиппова, И. Чиннова²⁸. В 1966 году поэтесса Татьяна Фесенко составила и выпустила в американском издательстве Виктора Камкина, специализирующемся на издании русских книг, антологию «Содружество: Из современной поэзии русского зарубежья» (Вашингтон, 1966). Позднее объединяющим поэтов и художников второй волны стал продолжавшийся до 2007 года альманах «Встречи» (с 1977 по 1982 год – «Перекрестки»), редактируемый поэтом Валентиной Синкевич. С 90-х годов на страницах альманаха публиковались как поэты и художники второй и третьей русской эмиграции, так и писатели, живущие на родине. В 2006 году вышел юбилейный 30-й номер этого издания. Событием литературной жизни стала собранная все той же неутомимой В. Синкевич антология стихов поэтов второй эмиграции «Берега» (Филадельфия, 1992).

Так постепенно образовалась литература ди-пи и второй эмиграции со своей проблематикой, своими особенностями.

Обычно говорится, что она уступает по объему и значимости литературе первой волны. Это так и не так.

Конечно, писатели послевоенной эмиграции не обладали столь блестящей эрудицией, как их предшественники. Конечно, их творческие поиски не были столь широки, как у художников первой волны русского рассеяния. Но они видели и знали то, что не видели и не знали после-революционные эмигранты. Открываемый ими художественный мир дополнял и существенно корректировал картину, воссоздаваемую советскими писателями. (Это, как теперь стало ясно, была существенная часть единой русской литературы XX столетия). Наконец, они были талантливы. Среди них было немало творчески одаренных людей. Некоторые пробовали свои силы в литературе еще до войны.

С первой волной новых изгнанников объединяло политическое неприятие советской реальности, горечь изгнания и горечь ностальгии, а также связь с дореволюционной культурой (в 20-30-е годы, на которые пришлось их детство, остатки русской культуры не были полностью искоренены; к тому же большинство писателей происходили из образованных семей). Если беженцы первых послевоенных лет испытали ужасы революции и гражданской войны, то на долю эмигрантов второй волны выпал либо сталинский ГУЛАГ (Б. Ширяев, Н. Нароков, С. Максимов), либо ощущение «вины» за свое происхождение и страх за свое будущее (Д. Кленовский, И. Елагин, Н. Моршен, О. Анстей).

Как вспоминает З. Шаховская первыми, послереволюционными, эмигрантами «вторая волна была признана за свою»²⁹ Более того, многие из писателей первой волны оказывали помощь младшим коллегам. Постоянный интерес к литературной молодежи проявляли Б. Зай-

---

²⁸ В этом же издательстве вышли книги В. Алексеева, И. Елагина, С. Максимова, Л. Ржевского, Н. Ульянова, Б. Ширяева, В. Юрасова.

²⁹ Одна или две русских литературы? – L'Age d'Homme, 1981. – С. 58.

цев, Тэффи, Г. Газданов, Г. Адамович, Г. Иванов. На Западе опубликована переписка Г.В. Иванова с В.Ф. Марковым³⁰, из которой видно не только то, как под воздействием Иванова мужал талант его корреспондента, но и пристальное внимание мэтра к «племени молодому, незнакомому» (Иванов пишет Маркову о Н. Нарокове, Н. Моршене, И. Елагине и многих других). Встречи с Буниным и письма классика явно оказали влияние на прозу Л. Ржевского. Много и доброжелательно писал о литераторах второй волны Р. Гуль. Именно он «благословил» в «Новом журнале» первые книги И. Елагина, Н. Нарокова и Л. Ржевского; заметил рассказ С. Юрасова «Враг народа», переросший затем в роман. Творчество Н. Моршена, Б. Нарциссова и В. Синкевич получило поддержку И. Одоевцевой. Впрочем, были среди старой эмиграции и те, кто пренебрежительно относился к новым эмигрантам, упрекая их в «советскости» и недостаточной культуре.

---

³⁰ *Odojevceva Ц Ivanov G. Briefe an Vladimir Markov. 1955–1958. – Köln – Wien, 1994.*

Основанный в 1942 году, «Новый журнал» публиковал произведения и статьи многих писателей послевоенной эмиграции (И. Елагина, О. Анстей, Г. Глинки, Л. Ржевского Н. Моршенина, В. Синкевич, С. Голлербаха, О. Ильинского и др.), рецензии на их книги. Сегодня журнал распространяется в 32 странах

Процесс возвращения на родину произведения писателей ди-пийцев только начался. В 1988 году «Новый мир» опубликовал подборку стихов Ивана Елагина, Николая Моршена и еще нескольких поэтов-эмигрантов второй волны. В начале 90-х пробился к отечественному читателю Николай Нароков (сначала в «Дружбе народов», затем дважды отдельными изданиями вышел его роман «Мнимые величины»; а в 1991 году тоже отдельной книгой был издан роман «Могу!»). В том же 1991 году вышло отечественное издание «Неугасимой лампы» Б. Ширяева³¹. Усилиями поэта и издателя Е.В. Витковского издан двухтомник одного из лучших поэтов зарубежья Ивана Елагина³² и однотомник романтической сказочницы Ирины Сабуровой³³. При содействии спонсоров удалось выпустить томик стихов трех поэтесс (Л. Алексеевой, О. Анстей и В. Синкевич)³⁴, и далеко не полное избранное прозаика, критика и одного из редакторов журнала «Грани» Леонида Ржевского³⁵. Стараниями знатока и любителя поэзии директора издательства «Советский спорт» А.А. Алексеева напечатано самое полное собрание стихов и переводов Николая Моршена³⁶ и книга воспоминаний Валентины Синкевич³⁷, куда вошли очерки о совершенно неизвестных в России Вячеславе Завалишине, Татьяне Фесенко, Борисе Филиппове. Вышло несколько изданий стихов Д. Кленовского³⁸. Московское протестантское издательство выпустило 2 книги Р. Берёзова³⁹. В Томске изданы стихи, проза и мемуары Глеба Глинки⁴⁰.

Редкий случай, когда литературоведы опередили издателей: в «Филологических науках», реферативном журнале «Литературоведение» ИНИОН РАН появился ряд статей и исследований о литературе второй волны. Защищены первые диссертации о творчестве И. Елагина, Л. Ржевского, Н. Нарокова, Н. Моршена. Начало этому процессу положили очерки В. Бондаренко⁴¹, первым посетившего США по приглашению бывших ди-пийцев, и, смею думать, глава из моей книги «Литература Russkogo зарубежья»⁴². В 2005 году Заведующая сектором библиографии РГБ М.Е. Бабичева⁴³ написала о прозе и драматургии послевоенной эмиграции, впервые введя в научный оборот имена Василия Алексеева, Геннадия Андреева, Григория Климова, Виктора Свена, Михаила Соловьёва, Николая Ульянова, произведения большинства из которых еще и сегодня неизвестны отечественному читателю.

* * *

Тематика произведений послевоенной эмиграции многообразна. Вторая русская эмиграция возникла в результате войны, и война по определению не могла не отразиться в творчестве почти всех писателей этой волны русского рассеяния. За плечами одних был опыт плена, дру-

³¹ Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. – М.: Т-во рус. худож., 1991. (Белая книга России; Вып. 6). В дальнейшем неоднократно переиздавалась.

³² Елагин И. Собрание сочинений: В 2 т. – М.: Согласие, 1998.

³³ Сабурова И. Королевство Алых Башен. – М.: Гудьял-Пресс, 2000.

³⁴ Алексеева Л., Анстей О., Синкевич В. Поэтессы русского зарубежья. – М.: Сов. спорт, 1998.

³⁵ Ржевский Л. Между двух звезд: Роман. Повести. Рассказы. – М.: ТЕРРА-СПОРТ, 2000.

³⁶ Моршен Н. Пуще неволи. – М.: Сов. спорт, 2000.

³⁷ «... с благодарностью: были». – М., 2002.

³⁸ Наиболее представительное: Кленовский Д. Полное собрание стихотворений. – М.: Водолей, 2011.

³⁹ Берёзов Р. Лебединая песня: [Репринт, изд.]. – М.: Протестант, 1991. До заката: [Стихи]. – М.: Протестант, 1993.

⁴⁰ Глинка Г. Погаснет жизнь, но я останусь: Собр. соч. – Томск, 2005.

⁴¹ Бондаренко В. Архипелаг Ди-Пи // Слово, 1991. № 8.

⁴² Агеносов В.В. Литература Russkogo зарубежья. – М.: ТЕРРА-СПОРТ, 1998. -542 с.

⁴³ Бабичева М.Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Библиографические очерки. – М.: Пашков дом, 2005. – 448 с.

гих – работы в Германии в качестве остарбайтеров, третьи восприняли войну как освобождение от сталинского произвола.

Война, кровь, смерть, разрушения присутствуют в поэзии Ивана Елагина, в том числе в его знаменитом стихотворении «Когда последний пехотинец пал». С огромным уважением говорит о русском солдате М. Соловьёв («Когда Боги молчат» и «Записки военного корреспондента»), что, впрочем, не мешает ему и другому прозаику В. Алексееву («Россия солдатская») дать весьма критические описания первых дней войны, перекликающееся с первой редакцией «Молодой гвардии» А. Фадеева и появившимся несколько позже романом К. Симонова «Живые и мертвые»: паника населения, неподготовленность войск, непродуманность поведения и даже мародерство властей. Вместе с тем, никакого злорадства, полное понимание и сочувствие трагедии народа, оказавшегося заложником ошибок советской системы и высшего руководства страны как в финской кампании (до сих пор замалчиваемой в отечественной истории), так и в начале войны с немецкими захватчиками.

Трагедия оставшихся на оккупированных территориях, в том числе Бабьего Яра, задолго до Е. Евтушенко воплощена в поэме О. Анстей «Кирилловские яры». Проблема соотношения войны и нравственности пронизывает рассказ С. Максимова «Темный лес», написанный задолго до первых повестей В. Быкова. Обострение на войне жестокого начала в человеке и тема ответственности за свои поступки составляет содержание рассказа Б. Филиппова «Духовая капелла Курта Перцеля» и других новелл этого писателя.

Анализ практически всех более или менее талантливых произведений литературы второй эмиграции позволяет сделать вывод, что никто из русских писателей, включая наиболее непримиримого к советской власти Б. Ширяева, не одобрял немецкой оккупации. Произведения поэтов и прозаиков военной эмиграции неизменно несут в себе идею русского национального патриотизма. Частным подтверждением тому служит такая мелкая, но характерная деталь: даже те персонажи военных произведений писателей-эмигрантов, которые служат у немцев или во власовской РОА, говорят о Красной Армии «наши».

Заслугой одного из лучших прозаиков послевоенной диаспоры Л. Ржевского стала предельная объективность изображения фашистских лагерей для военнопленных – той стороны войны, которая вошла в советскую литературу много позже рассказом М. Шолохова «Судьба человека», повестями К. Воробьёва («Это мы, Господи») и В. Сёмина («Нагрудный знак “Ост”»). Из главы в главу романа «Между двух звезд» переходят сообщения о голоде, холоде, эпидемиях тифа, о тысячах умерших, о бесчинствах и издевательствах эсэсовцев над советскими людьми. Вместе с тем писатель показывает и тех русских людей, которые по советским законам того времени считались бы коллаборационистами за сотрудничество с немецкими властями. Военнопленный Кожевников согласился стать русским комендантом лагеря, понимая, что иначе фашисты назначат на эту должность мерзавца-уголовника; доктора Камский и Моталин соглашаются пойти работать в немецкий госпиталь, благодаря чему им удастся облегчить, а то и сохранить жизнь сотням пленных.

Столь же неоднозначно показаны в романе и немцы. «Немцы – они разные», – утверждает простая русская женщина Анна Ильинична. И автор с этим вполне согласен.

Заметим, кстати, что в 1966 году в повести В. Быкова «Мертвым не больно» появится подобное же утверждение центрального персонажа повести: *«Мое представление о немцах поколеблено. Я уже склонен думать, что среди них бывают разные. И так себе. И ничего. Впрочем, как у нас. И, пожалуй, как всюду. Люди есть люди. И в общей своей массе – не плохие и не хорошие – разные»*. Характерно, что, как следует из публикации «Вопросов литературы» (2004, № 6), даже в 60-е годы это вызвало возмущение Отделов культуры и пропаганды ЦК КПСС.

Большинство прозаических произведений писателей послевоенной эмиграции пронизывает коллизия «между двух звезд». Герои многих книг ищут и – увы! – не находят выход из

ситуации, когда служить оккупантам позорно, но и принять сталинскую действительность с ее лагерями, голодомором, унижением человека невозможно. Обозначив эту проблему, Л. Ржевский уводит своих персонажей от ее решения в личную жизнь. Подобно тому, как в «Сестрах» А. Толстого, Телегин говорит, что «все минет, а любовь останется», подобно тому, как герои Бунина на время, но все же преодолевают экзистенциальную трагедию смерти любовью, герои Л. Ржевского обретают высший смысл существования в любви. Оставляет в преддверии героической, но бессмысленной гибели своих героев, запутавшихся в неразрешимых поисках третьего пути, Б. Ширяев (цикл «Птань»).

Судьба советских граждан, оказавшихся на освобожденных союзниками территориях, их треволения составили значительную часть содержания романов Л. Ржевского («Между двух звезд») и В. Юрасова («Параллакс»). Эта тема пронизывает как глубоко трагическую «Беженскую поэму» И. Елагина, так и трагикомические рассказы Л. Алексеевой («Натка») и Р. Берёзова («На скрининге»).

Художественному обоснованию причин нежелания возвращаться в Союз посвящены эпические автобиографические повествования В. Алексеева («Невидимая Россия») и М. Соловьёва («Когда Боги спят»). Полудетективный роман С. Максимова «Денис Бушуев» рисует жизнь деревни, трагическую судьбу крестьянина-коммуниста Алима Ахтырова, искренне поверившего в коллективизацию, затем разочаровавшегося в ней и покончившего жизнь самоубийством. Судьбы интеллигенции, живущей в страхе, – тема повестей и рассказов Л. Ржевского.

Целый ряд произведений посвящен сталинским репрессиям: это рассказы С. Максимова, Б. Филиппова, Б. Ширяева и стихи Р. Берёзова и Г. Глинки, на себе испытавших все ужасы ГУЛАГа; поэзия И. Елагина и Н. Моршена, чьи отцы были репрессированы. Нетрудно найти переклички проблематики и художественной манеры названных художников с произведениями А. Солженицына и В. Шаламова. Думается, что ближе писатели эмигранты были всё-таки к автору «Одного дня Ивана Денисовича»: в их беспощадно суровых рассказах об ужасах застенков и лагерей неизменно видится не только сочувствие к каторжанам, но уверенность, что настоящий человек даже в невероятных условиях несвободы может сохранить в себе благородство и высокие нравственные качества.

В некоторых произведениях антитоталитарной тематики главными персонажами выступают чекисты, проходящие путь от слепой веры в насилие к разочарованию в идеях неуважения к людям и / или к прозрению, или к гибели. Предтечей романов Н. Нарокова «Мнимые величины» (1952) и В. Свена «Моль» (1968) можно уверенно назвать «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923) И. Эренбурга; а рассказ Н. Ульянова «Первого призыва» (1966) типологически предвдварают повесть В. Катаева «Еще не написан Вертер» (1980).

Особый интерес вызывает редкий для послевоенной эмиграции жанр исторического повествования, представленный романом «Атосса» выдающегося историка Николая Ульянова. За увлекательным рассказом о нашествии царя Дария на славян кроется мысль, что, даже дойдя до Урала, тиран оказался не победителем, а жалким ничтожеством, с позором бегущим к своим кораблям. Размышлениям писателя о причинах падения царской России посвящен роман Ульянова «Сириус».

Драматические подробности эмигрантского быта, экзистенциальные проблемы бытия почти никогда не делают их произведения беспросветными, как у многих художников Запада. Романтические краски высветляют грустные сказки И. Сабуровой. Рассказы о детях Л. Алексеевой и В. Свена продолжают юмористические традиции А. Аверченко и Тэффи.

Развивалась в литературе второй эмиграции и сатира, хотя в значительно меньшей степени. Подобно Тэффи, ди-пийцы «смехом заглушали свои стенанья». Наиболее широко юмористические произведения были представлены на страницах уже упоминавшегося межлагер-

ного журнала «Посев». На первых порах в лагерных газетно-журнальных изданиях преобладал жанр *афоризма* в стиле Козьмы Пруткова, широко известного большинству новых эмигрантов.

В 1947 году в Шонбахе вышел сатирический сборник «Бессмертие», автор которого скрылся под псевдонимом Гр. Ал. де Ивановский⁴⁴. Все 14 рассказов книги датированы 1933–1947 годами и в основном посвящены жизни в СССР.

Годом раньше крайне малым тиражом вышла «Дипилогическая азбука» И. Сабуровой – наиболее значительное сатирическое произведение второй эмиграции, полное горечи и юмора⁴⁵.

По мере того, как вчерашние ди-пийцы обретали новую родину, сатирики и юмористы всё больше обращались к воспоминаниям о своей вчерашней жизни в СССР или к событиям, происходящим в СССР сегодня.

Наряду с жанром афоризмов появлялись рассказы, стихотворные фельетоны, надписи под карикатурами, пародии. Синтез всех названных жанров присутствовал в журнале «Сатирикон»⁴⁶, издававшемся в 1952–1953 гг. в Германии.

Из авторов журнала заслуживают упоминания Николай Олин (Меньчуков), Юрий Большухин, Илья Ирклев.

Сборник сатирических рассказов издал Леонид Богданов⁴⁷.

Лучшие произведения юмористов и сатириков собраны в Антологии Б. Филиппова и В. Медиша⁴⁸, что избавляет нас как от необходимости подробно характеризовать это явление, так и включать тех или иных авторов в нашу и без того большую Антологию.

* * *

По единодушному мнению критики, наибольший вклад в развитие русской литературы второй волны русской эмиграции принадлежит поэтам. Характерно, что именно поэзия представлена в вышедших на Западе и в России антологиях, наиболее значительные из которых составлены Т. Фесенко⁴⁹, В. Синкевич и В. Шаталовым⁵⁰, В. Крейдом⁵¹ (США) и Е. Витковским⁵² (Россия). Биографические сведения о поэтах второй волны и краткие характеристики их творческой индивидуальности содержит второй раздел «Словаря поэтов русского зарубежья», написанный В.А. Синкевич⁵³.

---

⁴⁴ *Gr. Al. de-Twanovsky*. Бессмертие (юмор, сатира, чистое искусство). – Шонбах: Содружество писателей «Свет», 1947. 99 с. Книга принадлежала В.В. Колосовичу и в данное время находится в моей личной коллекции.

⁴⁵ *Сабурова Ирина*. Дипилогическая азбука. – Мюнхен, 1946. Единственный известный автору экземпляр книги имеется в коллекции Е.В. Витковского. Позднее «Азбука» вошла в книгу И. Сабуровой «О нас» (Мюнхен, 1972).

⁴⁶ Выходил с мая 1952 по 1953. Всего 25 номеров для эмигрантского читателя. В 26-м – 4 тонких листа – сказано, что журнал в дальнейшем будет предназначен для читателей «за железным занавесом». В № 1 указаны чл. редколлегии: Ф. Тарасов, А. Михайлов, С. Юрасов. С № 2 названы они же (Ф.Тарасов – гл. редактор) и дополнительно Н. Градобоев, И. Ирклев, Н. Ирколин, Г. Климов. Журнал имел широкое распространение в США, Аргентине, Австралии, Бельгии, Бразилии, Канаде, Чили, Франции, Австрии, Иране, Марокко, Норвегии, Австрии, т. е. практически во всех странах, где существовала русская диаспора.

⁴⁷ Богданов Леонид. Без социалистического реализма: сб. юмористических рассказов. – Мюнхен: изд. ЦОПЭ, 1961. – С. 12–17.

⁴⁸ Юмор и сатира послереволюционной России: Антология: В 2 т. / Сост. Борис Филиппов при участии Вадима Медиша. Т. 1. – Лондон, 1983.

⁴⁹ Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья. – Вашингтон, 1966.-562 с.

⁵⁰ Берега: Стихи поэтов второй эмиграции. – Филадельфия, 1992. – 290 с.

⁵¹ «Вернуться в Россию стихами»: 200 поэтов эмиграции. – М., 1995. – 688 с.

⁵² «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990. Кн. 4. – М., 1997. – 383 с.

⁵³ Словарь поэтов русского зарубежья / Под общей ред. В. Крейда. – СПб., 1999. С. 282–346. Из 400 имен поэтов, удостоившихся словарной статьи в этом издании, 40 – авторы второй волны.

Типологический анализ первых авторских поэтических сборников показывает, что почти все поэты второй волны начинали с политических, часто даже сатирических стихов. Иван Елагин в стихотворении «Амнистия» проклинает убийц своего отца, ему же принадлежат «Политические фельетоны в стихах. 1952–1959» (Мюнхен, 1959). Николай Моршен в стихотворениях «Тюлень» и «Вечером 7 ноября» своего первого сборника противопоставляет человека тоталитарному обществу. В. Юрасов пишет вариацию на тему поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», герой которой рассказывает о советских концлагерях, о нищенской пред- и послевоенной жизни деревни, высмеивает партийных руководителей. В эмиграции поэтам надо было прежде всего освободиться от давящей атмосферы прежней жизни и лишь затем перейти к более объективному и философски глубокому изображению реальности и своих переживаний.

С годами социальные темы почти у всех поэтов второй волны переходили в философские, а мировосприятие стремилось к обретению пушкинской гармонии.

Это видно даже из сопоставлений названий сборников. У Елагина: социально-биографическое «По дороге оттуда» (1947, 1953) сменяется философским «В зале Вселенной» (1982). У Моршена социологизированный «Тюлень» (1959) вытесняется космологическим «Эхом и зеркалом» (1979) и лирико-философским «Умолкшим жаворонком» (1996).

Со временем из среды второй волны эмиграции выделились настоящие мастера слова, которые вместе с ди-пийцами первой волны составили гордость литературы русского зарубежья. Среди них поэты Иван Елагин, Ольга Анстей, Иван Буркин, Глеб Глинка, Олег Ильинский, Дмитрий Кленовский, Николай Моршен, Владимир Марков, Валентина Синкевич и др. Близки к ним по своему мироощущению ставшие лицами без гражданства некоторые эмигранты 20-х годов (Юрий Иваск, Борис Нарциссов, Ирина Сабурова, Александр Перфильев, Александр Неймирок и др.).

Сквозной темой их творчества проходит тема России и малой родины (Петербург-Ленинграда, Киева, Волги, Днепра). Это единство не мешает многообразию художественных поисков поэтов послевоенных лет. Классический акмеистский стих Д. Кленовского соседствует с авангардистскими стихами Н. Моршена и «заумью» И. Буркина. Короткие афористичные строки Г. Глинки не имеют ничего общего с краткими танками В. Анта. Экзистенциальные оттенки почти всех стихов И. Елагина соседствуют с лирическими раздумьями В. Синкевич. Публицистика А. Неймирока – не то же самое, что гневные стихи Н. Кудашева. Оптимистические народно-поэтические строфы Р. Берёзова резко контрастируют с трагическими литературно-образными признаниями А. Перфильева.

Сб. юмористических рассказов Ал. де Ивановского о советской жизни. – Шонбах, 1947

Цель настоящей Антологии и заключается в том, чтобы не только познакомить читателя соотечественника с произведениями писателей Ди-Пи и второй эмиграции, но и показать эстетическое многообразие и богатство этого до сих пор малоизвестного пласта литературы русской диаспоры.

Антология построена по алфавитному принципу.

Каждый раздел, посвященный тому или иному автору, включает в себя краткую вступительную статью, завершающуюся списком книг писателя и его основных прижизненных публикаций. Советские довоенные издания и публикации (если они были) в библиографические списки не вошли.

Перечень книг построен по хронологическому принципу, чтобы читатель или будущий исследователь мог увидеть динамику заглавий и, возможно, даже изменение тематики и жанров произведений. Публикации даны строго по алфавиту.

Жирным шрифтом выделены издания, осуществленные на родине.

В подборе публикаций нами использован указатель Т.Л. Гладковой и Т.А. Осоргиной, библиография из книги М.Е. Бабичевой, сведения из каталога Отдела русского зарубежья РГБ и фондов Интернета. Неоценимую работу по поиску текстов и библиографической информации провел мой друг историк В.Н. Кузьмичёв.

Далее следуют тексты. Я старался выбрать наиболее характерные произведения разных лет, чтобы можно было увидеть и своеобразие творческого метода писателя и, по возможности, его творческую эволюцию.

Объем книги не позволил включить в нее романы и повести прозаиков, пришлось ограничиться рассказами того же автора, дающими представление о его художественном своеобразии. В некоторых случаях я помещал в Антологию ключевые главы основного произведения писателя, предваряя их краткой аннотацией предшествующего содержания. Предпочтение отдавалось фрагментам, которые в свое время были выбраны для тех или иных публикаций самими авторами.

Отбирая поэтические произведения, я старался представить разные этапы и темы творчества писателя, выбрать наиболее характерные стихотворения.

Антология не вышла бы в свет без постоянных консультаций с живущими в США бывшими ди-пийцами – поэтессой-издателем В.А. Синкевич, поэтессой и прозаиком Е.А. Димер, историком Р.В. Пол-чаниновым, а также без помощи издателя и поэтессы Р.О. Резник.

На создание этой книги меня вдохновили и все время поддерживали моя жена проф. Ли Иннань, коллега и друг к.ф.н. А.А. Ревякина, мои бывшие студенты, давно ставшие друзьями и единомышленниками, А.А. Алексеев, Г.А. Бордюгов, В.Г. Иванов, Н.А. Ковалевская,

В. В. Перепелица, А.М. Рыбаков, М.И. Ювкин; директор издательства АИРО XXI А.Г. Макаров; коллеги из ИМПЭ им. А.С. Грибоедова и МИГУ, мои студенты 60-х годов. Существенную помощь оказали сотрудники Отдела русского зарубежья РГБ во главе с его руководителем энтузиастом своего дела Н.А. Рыжак, а также зав. сектором библиографии РГБ М.Е. Бабичева. Моя искренняя признательность всем им!

Большая часть книги написана в период моей работы в 2012–2013 годах в Renmin University of China (КНР), создавшем для этого самые благоприятные условия.

Особые слова благодарности научным изданиям, в разное время публиковавшим мои исследования литературы послевоенной эмиграции: «Запискам Русской Академической Группы» в США⁵⁴ (во главе с покойной ныне Н.А. Жернаковой); редколлегии РЖ «Литературоведение» ИНИОН РАН⁵⁵; редакции журнала «Филологические науки» (отв. редактор к.ф.н.

---

⁵⁴ «Я их изведаль, радости земли» (к 20-летию кончины Дм. Кленовского) // Записки Русской Академической группы в США. – N.Y., 1996–1997. Т. XXVIII. С. 489–492. К проблеме изучения литературы второй волны русской эмиграции // Записки Русской Академической Группы в США. -N.Y., 2003. Т. XXXII. С. 239–272. Итоги и задачи изучения литературы Ди-Пи и послевоенной эмиграции // Записки Русской Академической Группы в США. Т. XXXIV. – Н.-Й., 2006–2007.-С. 51–60.

⁵⁵ Литература Ди-Пи: К формированию второй волны русской эмиграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение: РЖ / РАН. ИНИОН. – М., 2001. № 1. С. 143–154. Николай Моршен // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Серия 7, Литературоведение: РЖ / РАН. ИНИОН. – М., 1995. № 3. С. 72–76. Литература Ди-Пи: Истоки формирования второй волны эмиграции // Наука о литературе в XX веке (История, методология, литературный процесс): Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Отв. ред. и сост. А.А. Ревякина. – М., 2001.

Г.Г. Виноград)⁵⁶ и сахалинскому «Филологическому журналу»⁵⁷. Полученные мной результаты легли в основу настоящего введения и статей-персоналий.

Мне крайне важно, что культурная и научная общественность России поддержала мою мысль о необходимости исследования литературы послевоенной эмиграции: «Литературная газета» (главный редактор Ю.М. Поляков) опубликовала мою статью «Прокляты и забыты»⁵⁸, российский исторический журнал «Родина» поместил публикации о Н. Моршене и Владимире Шаталове⁵⁹. Цикл статей о писателях второй волны публикует по предложению Президиума РАЕН и лично вице-президента Академии Л.В. Иваницкой «Вестник РАЕН»⁶⁰.

Концепция Антологии и отдельные ее разделы прошли апробацию на международных научных конференциях в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН), МПГУ, на Президиуме РАЕН, в Иерусалимском, Шанхайском, Шандунском, Амурском, Пекинском иностранных языков университетах; на ученом совете ИМПЭ им. А.С. Грибоедова.

Я отчетливо понимаю, что собранные мной сведения далеко не полны, что возможны пробелы в списках публикаций. Но всё же надеюсь, что собранный мной материал будет небесполезен для будущих исследователей. Буду счастлив, если они углубят и расширят проделанную мной работу; если издатели заинтересуются все еще малоизвестным материком русской культуры и дадут возможность отечественному читателю самому убедиться, насколько ценно творчество помещенных в Антологию авторов. История послевоенной литературы русского зарубежья – последняя тайна российского литературоведения и, смею надеяться, что совместными усилиями эта тайна будет раскрыта.

---

⁵⁶ Проза второй волны русской эмиграции // Филол. науки. -1998. № 4. С. 13–23.

⁵⁷ «Между двух звезд» (Литература второй волны русской эмиграции) // Филологический журнал / Сост. Г.Д. Ушакова. – Южно-Сахалинск, 1998. Вып. VI. С. 4–18. Война в творчестве русских писателей второй эмиграции (роман Леонида Ржевского «Между двух звезд») // Филологический журнал. – Южно-Сахалинск, 2001. Вып. X. С. 135–136.

⁵⁸ «Три года, четыре смены власти...». Н. Моршен // Родина – М., 2007. № 10. Портрет Владимира Шаталова // Родина – М., 2010. № 3.

⁵⁹ Прокляты и забыты // Лит. газета, 2005. 26.10–11. № 44. С. 7.

⁶⁰ Вестник РАЕН, 2013 № 1; 2014 № 1.

Перечень сокращений

- Вест. Ин.* Вестник Института по изучению [истории и культуры] СССР. 1951–1960 (и. 1-35) [?]. – Мюнхен.
- Возд. пути* Воздушные пути. Альманах. Редактор Р.Н. Гринберг. 1960–1967 (и. 1–5). – Н.-Й.
- Возр.* Возрождение. Литературно-политические тетради. Ред. И.И. Тхоржевский. 1949–1974 (и. 1-243). – Париж.
- Время и мы* Время и мы. Журнал литературы и общественных проблем. Ноябрь 1975–1980 (№.1- 58). – Тель-Авив.
- Встречи* Встречи. Альманах-ежегодник. 1983–2006. Ред. В. Синкевич. С 1977 по 1982 выходил под названием «Перекрестки». – Филадельфия.
- Голос зар.* Голос зарубежья Ред. А. Курченко, И. Мусман, В. Пирожкова. Май 1976–1980 (№. 1-19). – Мюнхен, потом Мюнхен – Сан-Франциско.
- Грани* Грани. Журнал литературы, искусства [науки] и общественной мысли. Изд. Российских солидаристов. 1946–1980 (и. 1-118). – München, потом Hof bei Kassel, потом Limburg/Lahn.
- Евр. в культуре* Евреи в культуре русского зарубежья. 1992–1996 (н. 1–5) С 1998 по н/вр. Русское еврейство в зарубежье, (н.1-12) Статьи, публикации, мемуары и эссе. Сост. и изд. М. Пархомовский. – Иерусалим.
- Ковчег* Ковчег. Литературный журнал. Ред. А. Крон, И. Боков. 1978–1980 (и. 1–5). – Париж.
- Конт.* Континент. Литературный, общественно-политический и религиозный журнал. 1974-н/вр. Ред. В. Максимов. И. Виноградов – (н. 1-152 в 2012). Берлин, потом Мюнхен, сегодня Москва.
- Лит. совр.* Литературный современник. Журнал литературы и критики [потом Альманах. Проза, стихи, критика]. 1951–1952 (и. 1–4). 1954. – Мюнхен.
- Мосты* Мосты. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Изд. Центрального [Объединения] Политических [Эмигрантов] из СССР. Ред. Ю.А. Письменный. 1958–1970 (и. 1-15). – Мюнхен.
- НЖ* Новый журнал. Литературно-политическое издание. Основатели М. Алданов и М. Цетлин. Ред. Р. Гуль. Сегодня – М. Адамович 1942 – н/вр. (и. 1-268 к 2012). – Н.-Й.
- НМИ* Новый мир искусства. Журнал о современном и классическом искусстве. 1998–2009. (и. 1-68). Ред. В.И. Бибинова, зам. Сергей Голлербах и Александр Котломанов. – СПб.
- Опыты* Опыты. Журнал. 1953–1958 (и. 1–9). – Н.-Й.
- Рубеж* Рубеж. Тихоокеанский альманах. 1992 – н/вр. (и. 1-12 к 2012). Ред. А.В. Колесов. – Владивосток.
- РМ* Русский мирь. Пространство и время русской культуры. 2008 – н/вр. (и. 1–6). Ред. Д.А. Ивашинцов. – СПб.
- Совр.* Современник. Журнал русской культуры и национальной мысли. Март 1960–1980 (и. 1-47/48). – Торонто
- Струги* Струги. Литературный альманах. 1923 (№. 1). – Берлин.
- Третья в.* Третья волна. Литературный общественный политический и философский журнал. Ред. Александр Глезер. 1976–1980 (и. 1-10). – Montgeron (France).

Алексеев Василий Иванович (1906–2002) – прозаик, историк, публицист

Родился во Владимире. В 1930 г. окончил исторический факультет Московского университета. В том же году был арестован по обвинению в создании религиозно-философских кружков. Освободился в 1934 г. и работал в научных учреждениях в качестве научного сотрудника и редактора по договору. В 1941 г. был мобилизован в Красную армию и в 1942 г. оказался в немецком плену.

После войны избежал репатриации. В 1951 г. эмигрировал в США. С 1955 по 1975 гг. преподавал русский язык и литературу в университете штата Миннесота, где одновременно с преподаванием написал и защитил 1967 году докторскую диссертацию о положении Русской Православной Церкви на оккупированной немецкой армией территории во время Второй мировой войны (русский перевод этой книги был опубликован в журнале «Русское Возрождение» 1980, № 11 и 12; 1981, № 13–16; 1982, № 17–18). Читал лекции в Институте советоведения в Миддлбери (шт. Вермонт). Многие годы состоял в редакционной коллегии православного журнала «Русское Возрождение». Член Конгресса русских американцев со дня его основания в 1973.

Алексееву принадлежит 2 романа: «Невидимая Россия» (1952) и «Россия солдатская» (1954), объединенных одними героями: Павлом Истоминым, Николаем Осиповым и Григорием Сапожниковым. В первом романе рассказывается о жизни молодого поколения середины 20-х годов, не принимающего советскую действительность. Вторая книга начинается с Пролога, где теща Павла Истомина рассказывает ему о легендах, ходящих по Москве и предсказывающих скорое начало войны. На следующее утро диктор сообщает о нападении немцев на Советский Союз.

«Россия солдатская» рисует первые дни войны и отношение к ней разных слоев населения: одни впадают в панику, другие с нетерпением ждут падения советской власти, в третьих пробуждается чувство национального патриотизма, и немцы для них исконные враги России. В повести показана неподготовленность России к войне, растерянность коммунистического руководства, несовместимость призывов к уничтожению всего и вся, куда могут прийти фашисты, с жизнью простых людей, остающихся на оккупированных территориях без продовольствия и даже крова.

Автор, рассказывая в основном о судьбе призванного в армию Григория Сапожникова, показывает его глазами трагедию войны. В повести возникает эпическая картина народного бедствия.

В дальнейшем Алексеев регулярно публиковал свои статьи в журналах «Возрождение» (Париж), «Новый Журнал» (Нью-Йорк), «Русское Возрождение» (Нью-Йорк), «Irenikon» (Chevetogne, Бельгия), в «Записках Русской академической группы в США» (Нью-Йорк), в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк) и др.

Скончался в г. Миннеаполис (шт. Миннесота).

Архив В.Н. Алексеева хранится в Свято-Троицкой православной семинарии в г. Джорданвилль (США).

Сочинения

Невидимая Россия. – Н.-Й., 1952.

Россия солдатская. – Н.-Й., 1954.

Русские православные епископы в Советском Союзе, 1941–1953. – Н.-И., 1954. Иностранная политика Московской Патриархии, 1939–1953. – Н.-Й., 1955.

The Two Russian Revolutions of 1917. – Minneapolis, 1962.

The Russian Orthodox Church under German Occupation. Ph.D. Thesis. – Minneapolis, 1967.

The Great Revival: The Russian Church under German Occupation (Together with Theophanus Stavrou). – Minneapolis, 1976.

Роль Церкви в создании русского государства (Период от нашествия татар до Ивана III). – Нью-Йорк: Комитет Тысячелетия Крещения Руси Конгресса русских американцев, 1990.

Публикации

Возвращение – *Возр.* 1951. № 13.

Московские проповедники // *НЖ.* 1975. № 121.

Московские протодиаконы // *НЖ.* 1974. № 117.; 1975. № 118.

Недавно бежавшие // *Возр.* 1950. № 7.

Письмо в редакцию Вестника Института по изучению СССР // *Вест. Ин.* 1957. № 23.

Рассказ недавно бежавшего // *Возр.* 1949. № 5.

«Россия солдатская»

Глава восьмая Под Калугой

Из избытки вышел крепкий, ладно скроенный паренек в черной ватной телогрейке, черных ватных штанах и серых валенках. Холодный ветер трепал негустые русые волосы на круглой голове. Паренек больше всего напоминал Григорию концлагерного десятника из раскулаченных. Посмотрев на пополнение спокойными серыми глазами, паренек спросил:

– Стрелять из винтовки умеете?

– Нет, – ответил Григорий, – знаем теоретически миномет.

Паренек иронически усмехнулся:

– Минометов у меня для вас нет, а ночью вам придется идти в бой с винтовкой.

– В бой... – сердце у Григория екнуло. Паренек сказал это так просто, как десятник сказал бы вновь прибывшим рабочим: – Ну что же, ребята, сегодня день отдохнете, а завтра на работу.

– Утром ели? – спросил паренек, так же тихо и ласково, как говорил, видимо, всегда.

– Ели, – ответили красноармейцы.

– Тогда занесите вещи в избу и пойдете. Снег в овраге был чистый, глубокий, нетронутый. Почерневшее жестяное ведро четко выделялось на голубоватом фоне, Паренек-комвзвод растоптал вокруг себя хрупкий, хрустящий снег и лег на живот, сильно раскинув ноги.

– Целиться надо так, – он вскинул винтовку и прицелился, – спускать курок будете, не рвите, а спускайте мягко, постепенно. Теперь ложитесь и стреляйте по очереди.

Все прибывшие стали ложиться и выпускать по обойме. Никто не попал в ведро, Паренек покачал головой;

– Пополнение! Потому нашего брата так и бьют. Я неделю тут воюю: за неделю трех комвзводов убили. Последнего вчера ночью... а теперь вот самого назначили. – Комвзвод посмотрел на своих солдат пустым взглядом, взял винтовку и пошел к деревне.

На обед получили много пшена и мяса. Ни хлеба, ни соли не было. Готовила хозяйка: быстрая, решительная женщина лет сорока.

– Соли дала своей, – ворчала она у печки. – Командиры ваши жрут небось не так, а солдат без хлеба и соли...

– Не ругайся, мамаша, – возразил комвзвод, – я вот командир, а есть буду вместе с солдатами.

– Знаю какой ты командир! – набросилась на него хозяйка, – вчера еще солдатом был. В бой некого посылать, вот ты и командир... Вон у Марьи капитан и комиссар живут, те с солдатами есть не станут. Знаем мы их!

Наевшись досыта каши с мясом, Григорий неудержимо захотел спать. В комнате за кухней на полу была постлана солома и Григорий сладко вытянулся. – Как тепло и как сытно... Григорий забыл о войне и заснул без снов, как ребенок.

Вдоль деревни растянулось странное шествие, похожее на шествие духов: несколько сот человек в белых маскировочных халатах, в простынях и скатертях, накинутых на плечи, с капюшонами и полотенцами па головах. Шли тихо, молча, не торопясь. Только иногда доносились приглушенная ругань командиров. Строя никто не соблюдал. Оружие было сборное: от русских трехлинейек до немецких автоматов. Чувствовалось, что ни командирам, ни бойцам не хотелось идти почти на верную смерть. Наступать казалось бессмысленным, отменить приказ никто не мог. У Григория не было ни оружия, ни маскировочного халата. Паренек-комвзвод за полчаса до выступления разбудил его и сказал, что у него нет лишней винтовки для Григо-

рия и что Григорий пойдет в качестве помощника ротного санитаря. У плюгавого, маленького санитаря было два помощника: Григорий и здоровый, добродушный парень. Шли они сзади. Санитар на ходу объяснял задачу:

– Будем атаковать немцев. Укрылись они в деревне, вон за тем лесом, – санитар говорил нервной скороговоркой и указывал рукой на темнеющий вдаль бор. – Наше дело держаться за 11-ой ротой и выносить из огня раненых. Раненых других рот мы носить не обязаны и незачем это делать. – Санитар посмотрел на Григория и парня мышинными, бегающими глазками.

А немцы держатся упорно? – спросил Григорий.

– Три ночи уже в атаку ходили, посмотрел на него раздраженно санитар, – 60 % личного состава потеряли. Сегодня будем заходить с тыла.

Григорий опять посмотрел на бор. Он стоял на горе, отделенный от движущейся к нему части широкой долиной, состоящей из двух пологих скатов, спускающихся к невидимой подо льдом и снегом речке. Перед бором сплошной полог синевато-белого снега, над бором глубокое, брызжущее светом бесчисленных звезд, небо. Бор черной чертой разделял небо и землю и за ним был другой, неведомый мир, где большевизм был уничтожен, где впервые за 25 лет происходила встреча России и Запада.

Спустились вниз по узкой проселочной дороге и стали подниматься кверху. Чем ближе надвигался ровный строй сосен, тем более не по себе делалось Григорию. Около самого леса почему-то остановились. На дороге и около дороги темнели неправильные опалины минных разрывов – небольшие ямки в снегу и широкий размет черной пыли вокруг ямок.

Идем кучей, – подумал Григорий, – как бы не обстреляли!

Постояв минут пятнадцать, колонна двинулась вдоль леса. Потом она повернула и над головами сомкнулись отяжелевшие от снега ветви сосен и елей. От сильного мороза снег хрустел громко и сухо и Григорий опять испугался, что немцы услышат этот хруст и откроют огонь.

– Не курить и не разговаривать, – передали по рядам приказ с головы колонны.

«Значит, противник близко», – подумал Григорий.

Лес начал редеть и мельчать. За кустарником показалась опушка – большая поляна, освещенная слабым светом звезд. Колонна повернула, вытянулась, приостановилась и белые тени поползли к опушке. Санитар подозвал Григория и высокого парня совсем близко и, наклоняясь то к одному, то к другому зашептал синими дрожащими губами:

– Вытаскивать только своих раненых... тут сейчас такое начнется! Лучше всего: взял раненого, снес к саням и прячься в кусты до конца боя. – Скулы санитаря обострились, глаза фосфорически блестели. Нервное напряжение передавалось подчиненным.

Трус, – подумал Григорий, чувствуя, что и его начинает трясти животный страх.

– А где же сани? – спросил он, стараясь справиться со своими нервами.

– Пойдемте, я вам покажу, – обрадовался санитар и быстро пошел назад по той же дороге, по которой только что пришли.

Лошади были совсем недалеко, в том месте, где кончалось мелколесье и начинался крупный лес, Сани стояли в целине по обеим сторонам дороги. Покрытые инеем, лошади мотали головами, топтались и прядая ушами, напряженно прислушиваясь к тому, что делается на опушке. Бородатые старики в длинных шубах поверх тулупов суетились около саней. Волнение чувствовалось здесь больше, чем на самой передовой.

– Ну, ладно! Видели... пошли обратно, – сказал Григорий, замечая, что санитар не собирается уходить.

– Идите, я вас догоню, – страх сделал голос санитаря неузнаваемо отвратительным.

Григорий повернулся и, чтобы не потерять контроля над своим отяжелевшим телом, быстро пошел к опушке. Сзади него захрустел снег – это был второй помощник санитаря. Цепи уже залегли и их почти не было видно. Казалось, что Григорий и его товарищ идут одни по завороженному, как в страшной сказке, лесу навстречу притаившейся опасности.

– К какой роте мы прикомандированы? – спросил Григорий парня.

– Забыл, – ответил тот тихо.

Григорий не мог вспомнить, какой номер назвал санитар, когда они еще шли по дороге и не вышли в лес. Наплевать! – успокоил он сам себя. – Буду выносить тех, кого ранят, и все... Какие тут еще роты! Всего то наступает 300–400 человек, а они называют это полком!

– Давай договоримся, в случае чего, друг друга не бросать, – услышал Григорий над ухом упавший голос.

Широкое лицо парня было совсем близко; в глазах больше безнадежной тоски, чем страха.

– Ладно, – согласился Григорий, начиная чувствовать близость к своему случайному товарищу.

Дойдя до того места, откуда их увел санитар к подводам, Григорий осмотрелся. Впереди лежало несколько белых фигур, зарывшихся в снег. Григорий подошел ближе. Фигуры лежали неподвижно, вытянув ноги и положив голову на руки. Григорий прислушался и услышал ровный, тихий храп и посапывание.

– Спят черти, – прошептал парень, – давай и мы окопаемся.

Молча разрыли снег почти до твердой, покрытой льдом земли и легли в неглубокую яму.

Как они могут спать перед боем на 15-ти градусном морозе! – озноб пробежал по телу Григория. Он поправил шлем и уткнул нос в рукав шинели. – А хорошо бы действительно заснуть, забыть про предстоящий бой, про мороз, про войну.

Плечо парня упиралось в плечо Григория и с этой стороны было не так холодно. Заснув на морозе, можно вообще замерзнуть, Григорий вспомнил, что почти у всех солдат, прибывших вместе с ним, нет телогреек, что на первом же переходе, после выгрузки из эшелона, замерзло сто человек. А может быть заснуть и замерзнуть легче, чем идти в бессмысленное наступление, напрягаться, испытывать животный страх, а потом быть убитым или изуродованным? Изуродованным! – Григорий согласился бы, чтобы его сейчас, немедленно ранили и он очутился бы в теплой комнате в мягкой постели. А где сейчас теплые комнаты в России? Везде холод, террор... Где Катя, что с ней, что она сейчас делает? Может быть, она молится за меня. Господи, помоги пережить всё это!

Где-то сбоку раздался четкий хруст снега. Григорий поднял голову. Высокая фигура в белом саване, на шее автомат. Шаг широкий. Время от времени останавливается и дает лежащим в снегу какие-то приказания. Вот она подошла совсем близко, слышен голос тугой, грубой. Приказ и ругань кощунственная, отвратительная. Перед смертью они тоже вспоминают Бога, но как! – думает Григорий.

– Сигнал атаки: красная и зеленая ракеты, – долетает до Григория, – и чтобы сразу идти в наступление, а то я вас...

Кого он этим запугает или ободрит? В его собственном голосе предельное напряжение, почти отчаяние. Мерзавцы! Обокрали душу русского человека... а русские люди спят перед боем в снегу и ничего не отвечают. Едва ли они будут наступать; восстать они не могут, но объявить итальянскую забастовку под огнем противника пожалуй сумеют. А как вообще можно наступать! Пулеметчики пулеметной роты будут стрелять первый раз из пулемета, у минометчиков нет минометов, стрелки не умеют пользоваться винтовками...

Ноги стали мерзнуть. Григорий встал и, прячась за куст, стал топтаться на месте. Белые фигуры лежали неподвижно. Что-то хлопнуло и над мохнатыми от инея кустами взвилась вверх красная ракета, поднялась высоко в небо, рассыпая искры, остановилась и затем медленно поплыла вниз. В то же мгновение снова что-то хлопнуло и пересекая трассу красной взлетела изумрудно-зеленая ракета и сейчас же, ломая хрустальную тишину синей ночи, защелкали, затрещали, захлопали ружейные и пулеметные выстрелы. Какие-то белые фигуры на самой опушке стали перебегать, низко пригибаясь к земле. С двух флангов, наперекрест друг другу,

полились золотые капельки трассирующих пуль пулеметов. На белом пологе поля, за которым в неведомой дали скрывалась деревня, занятая неприятелем, красными зловещими бликами затрепетало пламя, и Григорий ясно увидел соломенную крышу сарая, в которую продолжала вонзаться расплавленная струя трассирующих пуль. Ближайшие к Григорию солдаты продолжали лежать, распластавшись в снегу, не подавая признаков жизни.

– Ложись скорее! – громко крикнул второй санитар, – ложись скорее, а то...

В общем треске и гуле стали выделяться хлопки разрывов ротного миномета. Немцы открыли ответный огонь. Григорий бросился на землю и в тот момент, когда его руки уперлись в ледяную корку, над головой что-то ухнуло и по шлему скользнул осколок.

– Не ранен? – спросил озабоченный голос соседа.

– Кажется, нет. Григорий снял варешку и ощупал плечи и ворот. В вороте шинели была совсем новая, только что появившаяся дырка. С этого мгновения воздух наполнился непрерывным свистом. Над головой всё время что-то пролетало, мины рвались почти непрерывно. Зарево увеличилось. Полежав, Григорий поднял голову и увидел, что трассирующих цепочек с флангов уже нет, а солдаты впереди лежат, как лежали, – Может быть, они уже замерзли, – подумал Григорий, – надо посмотреть.

Вставать было очень страшно и именно поэтому Григорий заставил себя это сделать, К удивлению его, близко ничто не разорвалось, и Григорий смог беспрепятственно перебежать несколько шагов вперед. По дороге попадались почерневшие ямки.

– Живы? Не ранены?

Григорий, став на колени, тряс сразу двух солдат за плечи.

– Нет... а тебе что надо? – не сразу поднялись два недовольных лица.

Григорий вернулся в свою яму и опять лег рядом с большим распластавшимся парнем.

– Есть впереди раненые? – спросил тот, не поднимая головы.

– Нет.

Григорий чувствовал некоторое удовлетворение от того, что не побоялся встать и выполнить свой долг, несмотря на огонь противника.

Хлопанье немецких мин усилилось, Впереди иногда раздавались хриплые крики команды, но в атаку поднимались только отдельные красноармейцы и, видя свое одиночество, сейчас же ложились. Сарай сторел и пламя почти погасло, Небо над деревней, занятой немцами, стало светлеть. Советские пулеметы давно молчали и раздавались только отдельные ружейные выстрелы. Бой сам собой прекратился. Слева, там, куда ушла вечером голова колонны, затрещал снег. Григорий приподнялся. Белые тени двигались от опушки вглубь леса. Наступление кончилось.

Когда Григорий проходил мимо того места, где стояли сани для раненых, он увидел несколько трупов, лежавших на помятом снегу. Лица у всех были спокойные, окостеневшие от мороза. Григорий подошел посмотреть, нет ли среди них знакомых. Нет, это были чужие, по большей части молодежь, Некоторые казались детьми. Может быть даже не все из них погибли от немецкого оружия, – подумал Григорий. Те, у которых не было телогреек, могли просто замерзнуть, заснув, как спали лежавшие впереди Григория бойцы.

Когда колонна собралась снова под прикрытием большого леса, Григорий заметил, что она сильно поредела. Из разговоров солдат он понял, что некоторые взводы и роты все-таки наступали и даже продвинулись до околицы деревни, но назад вернулись только единицы. Совсем рассвело, и можно было разглядеть лица. Все осунулись, побледнели, на всех был отпечаток радости от сознания, что непосредственная опасность миновала. Из-за того, что на большинстве были маскировочные халаты, трудно было понять кто солдат, кто офицер. Какой-то совсем молодой автоматчик, похожий на студента-первокурсника, рассказывал собравшимся около него, таким же молодым солдатам, как его командир роты остался в лесу под кустом и приказал ему вести роту в наступление, несмотря на то, что он был первый раз в бою,

как он выдвинулся вперед и перестреливался уже на поле в овраге, подходившем вплотную к деревне, с немецкими автоматчиками и не отступил бы, если бы не приказ. Звонкий голос звучал громко, молодой человек был очень возбужден и, видимо, ничего не боялся.

– Безобразие, – кончил он рассказ, – кадровые командиры прячутся, а нас, необстрелянных комсомольцев, посылают вперед.

– Комиссар идет, – сказал кто-то из группы слушателей.

– А что мне комиссар? – задорно ответил молодой человек, но все-таки замолчал.

Мимо прошел приземистый черный мужчина с автоматом, сзади шел его ординарец с большим термосом в руках. Комиссар прошел молча и неодобрительно покосился на собравшуюся группу. Григорий пошел следом за ним. Комиссар вдруг остановился и поглядел на Григория опухшими глазами.

– Почему без винтовки? – спросил он.

– Я санитар, – ответил Григорий.

– Санитар? – повторил комиссар недоверчиво и снова пристально посмотрел на Григория.

– Санитар, так помни: если раненый способен сам двигаться, то обязан вынести в тыл личное оружие. Без личного оружия раненых, не потерявших сознания, пункты первой помощи не принимают.

Комиссар повернулся и пошел по дороге, лавируя между кучек куривших солдат. Григорий стал искать старшего санитаря, чтобы вторично не нарваться на замечание. Нашел он его не без труда уже тогда, когда колонна двигалась.

Санитар посмотрел мимо Григория и сказал:

– Двадцать процентов за одну ночь потеряли.

Лицо его очень обострилось, горбатый вороний нос мрачно торчал из заросших черной щетиной щек. Как явно он боится смерти, – подумал Григорий, – и как ее трудно избежать, даже прячась во время боя по кустам.

Когда Григорий снова входил в избу, в которой стояло его отделение, то чувство радости у него уже прошло. Было ясно: дадут отдохнуть до вечера, а ночью снова погонят в наступление. Он сразу лег на солому и заснул. Спать было свободно: из 15 человек, бывших в комнате вчера, осталось 8. В обед хозяйка разбудила его есть. Снова каша с мясом. Ел Григорий с удовольствием и радовался, что в избе тепло. В конце обеда он спросил у хозяйки, не видела ли она командира взвода, симпатичного паренька в черной телогрейке. Полное лицо хозяйки с черными кругами под глазами исказилось гримасой, и она отвернулась от Григория. Григорий понял. Хозяйка утерла глаза платком и с трудом выговорила:

– Силы моей больше нет: на убой гонют. Так вот каждый день новые и новые... только которого немного хоть в лицо запомнишь, глядь и убит...

Григорий, как в тумане, посмотрел вокруг себя. Да, и он видел, как впервые, бойцов своего батальона! Только утиный нос широколицего парня, с которым он пролежал эту ночь в снегу под немецким огнем, показался ему знакомым. Восемь человек ели молча, не смотря друг на друга. Вчера их было пятнадцать, завтра будет пять или три. Зачем знакомиться, зачем вызывать друг в друге чувство дружбы или симпатии? Жизнь уже нереальна – самое большее три-четыре дня вместе... как тени, они уйдут неизвестно куда, – думал Григорий.

В конце стола сидел солдатик, казавшийся совсем мальчиком. Из не в меру широкого ворота гимнастерки торчала тоненькая шея, худое личико было миловидно, как у девочки. Это был тот солдатик, которого тульская старуха пустила ночевать в переполненную уже избу, услышав через дверь тоненький детский голос.

Еще жив, – подумал Григорий. – Сколько такой протянет хотя бы из-за одного мороза!

Хозяйка подошла и подложила подростку каши.

– Спасибо, тетенька, – начал тот отказываться, я больше не хочу.

Хозяйка хотела что-то сказать, но отвернулась и всхлипнула.

– Тебя как зовут? – спросил Григорий.

– Андреем, – ответил тот и посмотрел на Григория, – и фамилия моя Андреев.

– Андрей Андреев, – почему-то повторил про себя Григорий, стараясь запомнить это простое имя.

Наевшись, Григорий опять почувствовал апатию и безразличие и пошел на солому. Спать было плохо. Около самого дома поставили тяжелую пушку и при каждом выстреле казалось, что дом сейчас развалится, окна вылетят, а голова расколется пополам. Несмотря на это, Григорий успевал спать в промежутках между двумя выстрелами и каждый раз снова просыпался от ужасного грохота. К вечеру в избу пришли какие-то люди. Сквозь полусон Григорий услышал голос хозяйки:

– Сейчас затоплю, новых кормить надо, «Пополнение», – подумал Григорий и заснул. Пушка замолчала; снаряды, видимо, кончились.

Вереница белых теней опять шла по дороге к лесу. Скрипел снег, мороз жёг щеки и нос, и только из-за этого всё происходящее казалось не кошмаром, а реальностью.

Внутри Григория было тепло от выпитой водки. Когда полк выстроили на улице, то по взводам разнесли ящики с водкой. Старшина наливал каждому бесцветную жидкость в граненый стакан и каждый выходил из строя, пил, кричал и снова возвращался на свое место.

Опушка леса неуклонно приближалась, и с каждым шагом росло отчаяние Григория. Григорий шел и молился: – Господи, помоги, выведи, спаси... Где выход? Перейти к немцам нельзя – они отступают, они окружены. Невозможно перейти во время наступательного боя. Надеяться на ранение? Опять тыл, госпиталь, потом опять фронт или увечье, полная невозможность продолжать борьбу. Господи, дай сил, Господи, выведи...

Григорий с ужасом думал, что надо будет опять лежать в снегу, что опять будут свистеть пули. И зачем все это, зачем ему воевать против немцев? Их победа – единственный шанс избавления России. Воевать против них нельзя, быть зрителем и переживать весь этот ужас нет больше сил. – Господи, спаси, выведи... Отчаяние Григория не было таким острым, как тогда в лесу, в концлагере, когда он впервые понял, что нельзя жить без Бога. Теперь не было внутреннего кризиса, была тупая усталость, не было сил терпеть дальше.

Лучше потерять руку или ногу и отдохнуть, – думал Григорий. – Как терпят те части, которые вообще живут неделями под открытым небом? Говорят, если завернуться в плащ-палатку и зарыться в снег, то можно хорошо заснуть. Но для этого нужен очень рыхлый снег, а там, в лесу, где мы наступали, снег уже вытопан, кроме того нет плащ-палатки.

На границе бора и мелколесья стоял легкий танк и в нескольких шагах сзади танкетка. Танк только что наехал на мину и порвал гусеницу. Командир танкетки, молодой высокий лейтенант, стоял у своей машины и спорил с комиссаром. Комиссар настаивал на том, что танкетка должна пройти вперед и поддерживать наступление пехоты.

– Чего же вы глядели? – почти кричал лейтенант, – Немцы у вас под носом минировали все подступы к деревне, а вы ушли в деревню и постов даже не оставили. Разминируйте опушку, тогда я двинусь вперед, а подрываться до начала боя не имеет никакого смысла.

Пока шел этот спор, полк, вернее, неопределенного состава часть, почему-то сохранившая название полка, начала разворачиваться. Вся операция слепо повторяла то, что делалось накануне, и это было всего тягостнее для Григория. Опять он должен был выносить раненых какого-то батальона, уже не роты, и опять он не понимал, где граница фронта, занимаемого этим батальоном, кто командир и что он должен делать, имея при себе только один индивидуальный пакетик, которым самое большее можно было перевязать одного легко раненого.

Немцы пока не замечали или делали вид, что не замечают шума, поднятого разворачивающейся частью и танками. Видимо, у них не было артиллерии и мало патронов. Старший санитар пропал, как только кончилось занятие рубежа атаки. Григорий и рослый парень заняли

одну из вырытых накануне ямок, сделанную в минометной воронке. Впереди них лежали прибывшие накануне солдаты, среди которых было много татар. Татары тихо переговаривались, не совсем правильно выговаривая русские слова.

Может быть, все и не так страшно? – подумал Григорий, – может быть, немцы разбиты нашей артиллерией и взять деревню будет совсем не трудно?

Наконец, все заняли позиции, залегли, и в лесу водворилась тишина. Только мороз был такой, что деревья трещали. Можно было удивляться, почему среди русских почти не было обмороженных, Григорий всё время ждал сигнальных ракет, а их всё не было. Так прошло часа полтора. Далеко влево блеснул желтый свет. Ракета! Григорий ее чуть не пропустил. Рядом загорелась такая же красная звезда. Ракеты выбросили где-то далеко. Может быть, готовится перекрестное наступление? – пронеслось в мозгу Григория.

Опять, как вчера, затрещали ружья и пулеметы. Оба танка открыли огонь. Треск крупнокалиберного пулемета танкетки, стоявшей сзади Григория, был так силен и резок, что барабанные перепонки занули от боли. На этот раз командование видимо принимало все меры к тому, чтобы поднять цепи для атаки. Ругательства командиров едва не заглушали треск пулеметов. Немцы сразу стали отвечать с той же интенсивностью, как накануне. Татары по одному стали перебегать к опушке. Одного ранило в руку, Григорий подбежал к нему, чтобы помочь, но тот сам очень поспешно побежал в тыл. Дойдя до опушки, татары залегли и уже больше не поднимались. Вдоль леса тянулось два ряда какой-то проволоки. Очевидно, там начиналось минное поле. Ругань замолкла. Танкетка сзади продолжала раздирать слух невыносимым треском. Все больше и больше было убитых и раненых, но ни к одному раненому Григорий не успевал подойти. Легко раненые убегали в тыл сами, тяжело раненых выносили товарищи, выходя таким образом из-под немецкого огня. Понемногу стало светать. Приказа об отступлении всё не было. Огонь замирал сам собой. Григорий со вторым санитаром лежали в снежной яме у самой опушки. Впереди, в такой же яме, лежали два татарина, а в двух шагах от них взводный или отделенный командир.

– Чего вы, ребята, не стреляете? – долетел до Григория встревоженный шопот командира, бовавшегося, наверно, вышестоящего начальства. Ребята угрюмо молчали.

– Стрельните хоть по разу, черти! – настаивал командир.

Григорий приподнял голову. Один татарин взял лежавшую рядом с ним винтовку, высунул дуло из укрытия и выстрелил, не целясь. В этот момент откуда-то спереди раздался крик:

– Санитары, санитары...

– Это не наша рота, – проворчал лежавший рядом с Григорием санитар, не поднимая головы.

– Санитары, санитары, – продолжался безнадежный крик.

– Надо пойти, – сказал Григорий, приподнимаясь.

Крик доносился из кустов, острым мысом врезавшихся в поле, расстилавшееся перед опушкой.

– Это не наши. Это пулеметчики туда выдвинулись, – сказал второй санитар, тоже поднимаясь.

– Санитары, санитары, – крик был полон отчаяния и безнадежности.

– Надо идти, – сказал Григорий и быстро побежал к опушке.

Григорию казалось, что он некоторое время слышал за собой шаги своего товарища, но вскоре незаметно для себя он очутился один перед проволокой, окутывавшей опушку. Григорий остановился в нерешительности, оглянулся и увидел рядом с тем местом, где стоял, заросшее черной щетиной лицо комиссара. Комиссар лежал в цепи и, как другие, не решался преодолеть минное поле. Круглые совиные глаза на минуту остановились на Григории и отвернулись в сторону. Григорий спрятался за куст и выпрямился. Деревня была скрыта небольшим пригорком. Из-за него высывалась одна крыша почти полностью и несколько других крыш только

коньками и трубами. Между опушкой и крышами было открытое поле шириной в 300–400 метров. Справа от Григория, там, где кустарник клином врезался в поле, вдоль него шел широко растоптанный след к самому дальнему кусту, метров на 70 в поле. Там стоял замолкший пулемет. Около пулемета копошилась черная фигура, склонившаяся над чем-то, что неподвижно лежало в взрыхленном снегу.

Свой же красноармеец, надо вынести, – подумал Григорий, – так самого ранят и останешься замерзать.

Григорий опять согнулся и побежал вдоль цепи стрелков к тому месту, где пулеметчики проложили дорогу через минированное поле. Быстрее, быстрее... Переводя дух за кустами, Григорий прыгал из следа в след, приближаясь к пулемету. Вот он, повернутый куда-то в сторону, зарытый дулом в снег. К Григорию поднялось широкое монгольское лицо единственного оставшегося в живых пулеметчика. Он ничего не сказал Григорию, но в карих бархатных глазах засветилась благодарность. Раненый лежал без сознания, да был ли это раненый, может быть убитый? За треском возобновившейся перестрелки слушать дыхание было невозможно. Черные ватные шаровары продырявлены у бедра, с другой стороны тоже дыра и кровь. – Прострелен навывлет в таз, едва ли выживет, если еще не умер. Как его нести? – подумал Григорий, Он снял с себя пояс, быстро обвязал раненого подмышками и сказал оставшемуся в живых татарину:

– Поташим его волоком. Встать всё равно нельзя. Мы положим его на ящик из-под лент и поползем с двух сторон.

Пулеметчик молча послушался Григория и помог повернуть тело ногами к противнику. На бледном лице раненого застыло недоумение. Оно было такое же круглое и монгольское, как у его оставшегося в живых товарища. Может быть, братья? Потому он так и кричал, – подумал Григорий.

Желтокрасный диск солнца поднялся из морозной мглы над деревней, занятой немцами. Они сейчас откроют еще более сильный огонь, – подумал Григорий, – нашим солнцем бьет прямо в глаза.

Тащить раненого и ползти самому было очень трудно – сказывалось переутомление и упадок сил. Григорию и татарину приходилось заползать вперед и одновременным рывком подтягивать неподвижное тело к себе. Вдруг где-то совсем близко засвистали пули – зз... зз... зз... одна, другая, третья... очень близко около головы. Попали под огонь автоматчиков! Григорий распластался на земле, стараясь вдавить тело как можно глубже в снег. Живой татарин лежал рядом, тоже не двигаясь. Свист прекратился.

– Поползли дальше, – прошептал Григорий. – Раз, два. Дружно! – тихо скомандовал он. Раз, два... Опушка приблизилась еще на два метра.

Зз... Зз... Зз... – противно завизжали пули у самой головы. Григорий опять распластался. Взяли под обстрел, как дикого зверя. Пожалуй, не доползти до опушки.

Зз... Зз... Зз... – пули ложились определенно у самой головы. Странно, – подумал Григорий, – сейчас мыслю, анализирую, сознаю, а может быть через мгновение...

Зз... Зз... Зз...

Григория охватил животный ужас, необыкновенная жажда жизни. Так глупо! И зачем я побежал выносить этого незнакомого человека другой роты? Вон, залегла же цепь на опушке...

Жужжание пуль прекратилось. Наверное, автоматчик подумал, что добил-таки Григория и другого пулеметчика. Лежать было неприятно, озноб пробегал по плечам, двинуться было страшно – опять застрочит. Григорием овладели слабость и безразличие. Как хорошо было бы уснуть и перестать всё это чувствовать! Нельзя. Надо... Что надо? Надо тащить опять. Наверное, он уж умер, но встать и осмотреть его еще опаснее, тогда смерть наверняка!

Григорий очень медленно повернул голову и посмотрел на притихшего рядом с ним татарина. Круглое заросшее лицо так же тихо повернулось к нему. В выпуклых глазах застыл тот же страх, который не мог побороть Григорий.

– Поползем, – сказал Григорий и оба, повернув головы еще больше, посмотрели назад.

Солнце глядело на них чудовищным глазом великана. За красноватым светом нельзя было ничего разглядеть. Влез куда-нибудь повыше, подумал Григорий про немца, – может быть, лежит в белом халате на самой высокой крыше, используя момент, пока его прикрывает солнце.

Григорий и пулеметчик дружно потянули, торопясь уйти из-под обстрела. Тело не проявляло никаких признаков жизни. – Действительно, идиоты! – думал Григорий. – Зачем-то тащим покойника и, поддаваясь инерции, не в состоянии его бросить.

– Раз, два. Взяли! – Григорий решил действовать быстрее. – Раз, два... – но по руке Григория, тянувшей раненого, вдруг что-то ударило и она сразу повисла, как плеть. – Сейчас добьет!.. Григорий, как раненый зверь, метнулся вперед и влип в снег на протоптанном месте здоровым плечом вниз. По фронту, как искры, перебегали отдельные выстрелы, но назойливого свиста над ухом не было. Григорий оглянулся на здорового пулеметчика. Тот лежал на животе и со страхом смотрел на него.

– Я ранен, – сказал Григорий, – кто-нибудь другой тебе поможет.

Радость свободы и страх, что всё-таки добьют, одновременно охватили Григория. Он не чувствовал, как болит раненое плечо и быстро полз к опушке. Перед самой опушкой росло несколько густых елок и около них было широкое, растоптанное место, совершенно скрытое от врага. Григорий встал. Голова немного кружилась, но сил было достаточно, чтобы не потерять равновесия. Интересно, что с рукой? – Григорий попробовал ее пошевелить и пошевелил. Резкая боль заставила прикусить губу, но рука пошевелилась. – Значит кость цела. Это мне только показалось, что рука висит, как плеть...

Спереди была едва заметная просека, по ней след в глубь леса. Между Григорием и просекой открытое место и проволока. Если ползти, то взорвешься! Стараясь ни о нем не думать, Григорий шагнул, стоя во весь рост не сгибаясь, на открытое место. Ноги слушались плохо, походка была неуверенной. Шаг, два, еще... проволока кончилась. Справа мелькнуло лицо комиссара.

– Я ранен, товарищ комиссар, – сказал Григорий, придерживая раненую руку здоровой и идя все дальше и дальше.

В глазах комиссара блеснула зависть. Он лежал всё в том же месте, почти в той же позе, не имея права нарушить приказа и не находя сил, чтобы идти в атаку.

**Алексеева (псевдоним, наст. фам. Девель,
в замуж. Иванникова) Лидия Алексеевна
(1909–1989) – поэтесса, переводчица, прозаик**

Родилась в Двинске. Отец – полковник, мать – двоюродная сестра А. Ахматовой, что Алексеева никогда не рекламировала, не желая быть в тени великой коллеги. Детство провела в Севастополе, которому она посвятила цикл стихов. В 1920 семья эмигрировала через Турцию, откуда в Болгарию, а затем в Югославию. После окончания Белградского университета (1934) преподавала в русской гимназии Белграда. В 1937 году вышла замуж за писателя Михаила Иванникова. Брак распался в 1944, когда Алексеева и ее родители решили уехать из Югославии от советских войск в Австрию и Германию, где стали беженцами. «Вся жизнь прошла, как на вокзале, – писала она в одном из стихотворений, – Толпа, сквозняк, нечистый пол. / А тот состав, что поджидали, / Так никогда и не пришел».

Трагедия войны («После налета», «Старый кот с отрубленным хвостом...» и др.) – единственная социальная тема в творчестве Л. Алексеевой... «Я “тугодум”. Пишу вдруг о том, что случилось 50 лет тому назад. Почему – неизвестно. А современное скользит не задевая»⁶¹, – признавалась она незадолго до смерти.

В 1949 Алексеева эмигрировала в США, где работала на нью-йоркской перчаточной фабрике, а затем до самой пенсии в Нью-Йоркской Публичной библиотеке. Похоронив вскоре после приезда мать с отчимом, Алексеева всю оставшуюся жизнь вела отшельнический образ жизни: жила одиноко в беднейшем квартале Нью-Йорка, где ее неоднократно обворовывали местные мальчишки, была совершенно не приспособлена к быту. Единственным близким для нее человеком («верной радостью») была другая драматической судьбы поэтесса Ольга Анстей. Даже после смерти подруги, Алексеева продолжала беседовать с ней во сне:

Ты приходишь спокойна, проста, весела,
И во сне я не знаю, что ты умерла.
Мы, как прежде, куда-то стремимся вдвоем,
Мы, как прежде, торопимся, едем, плывем.

⁶¹ Письмо В.А.Синкевич. 10 дек. 1988 // Новый журнал. № 259.

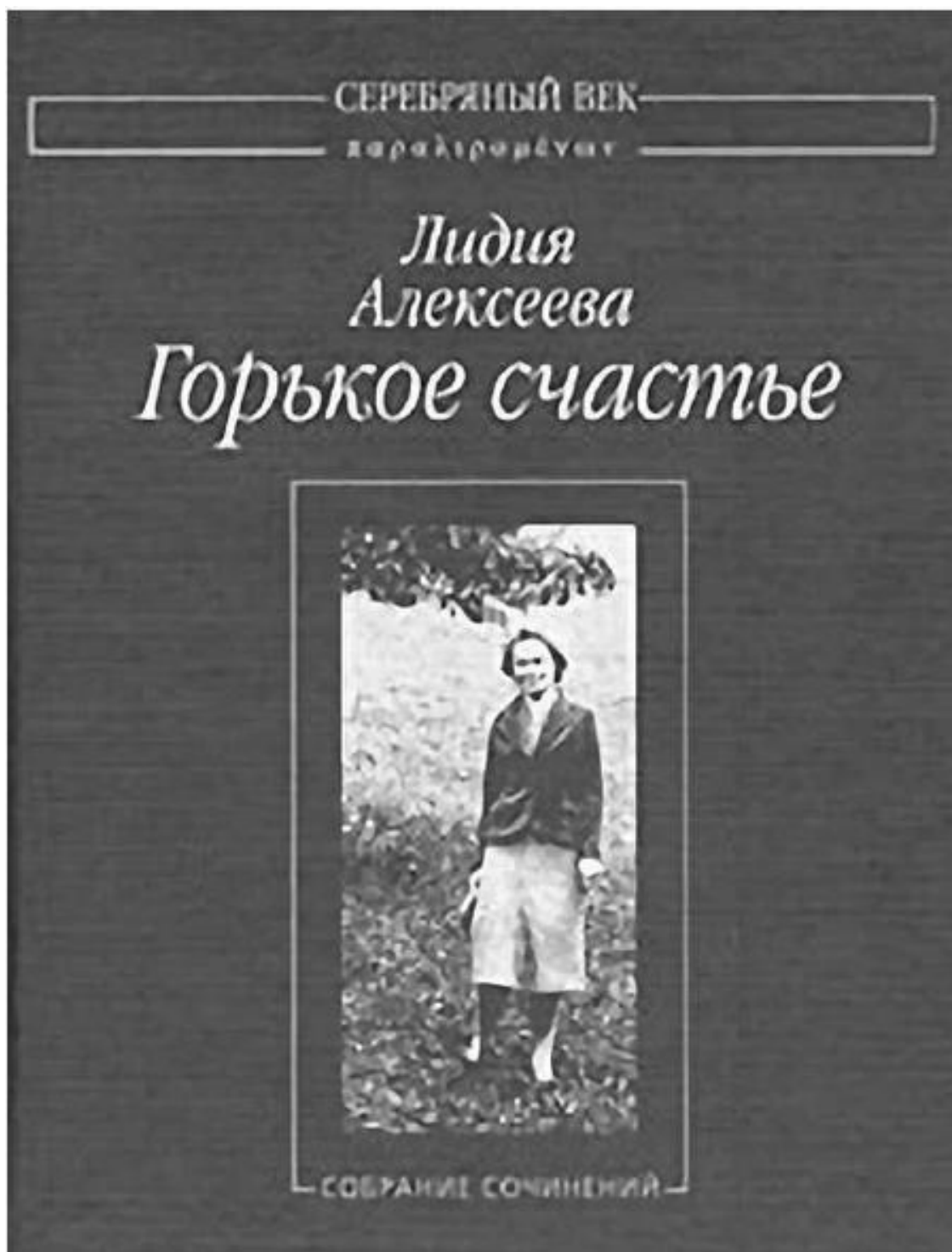
И, как прежде, уходят во мглу поезда,
Но во сне я не знаю, зачем и куда.

Нью-Йорк не стал для Алексеевой родиной, какими были Крым, Стамбул, Белград, Тироль. «Холод, ветер» – это всё, что Алексеева сказала об американском мегаполисе («Холод, ветер... А у нас в Крыму-то...»). «Так странно жить на свете без корней», – скажет она в одноименном стихотворении.

Одиночество – одна из важнейших тем поэзии Алексеевой. Впрочем, люди были ей неинтересны. И свое вдохновение она черпала из общения с природой, куда она уезжала из Нью-Йорка каждое лето. «В лесу я <...> дома <...> одно с тобой, земля», писала она в одном стихотворении. А в другом утверждала свое «родство с косулей, крокусом и тлей – / Кровное со зверем, травное с землей». Поэтесса осознавала вину перед природой («В наш стройный мир, в его чудесный лад / Мы принесли разбой, пожар и яд») и просила: «Пока дышу, пока жива – / Прости мне лес, прости меня трава». «Хорошо бы отстать от погони / За придуманным счастьем людским, / И остаться на солнечном склоне, / И довериться соснам моим», – писала она в одноименном стихотворении. В свою очередь природа отвечает лирической героине Алексеевой полным доверием:

Перебирая пальцами траву,
Как шерсть любимого большого зверя,
Я ничего цветущего не рву,
Мне даже серый одуванчик верит.

И бабочка, мне на руку садясь,
Подробно шарит хоботком по коже, —
Рука роняет травяную вязь,
Рука от счастья двинуться не может.

В 2007 году в московском издательстве «Водолей Publishers» вышло первое на родине собрание стихов Л. Алексеевой

Ведь для меня в доверьи малых сих —
Предчувствие, воспоминанье рая:
Оно, как в детстве незабытый стих,
Горит в душе и греет, не сгорая.

Природа и поэзия примиряют грустную лирическую героиню с жизнью. Не случайно о поленнице на вырубке лесной писательница скажет: «Крест-накрест в ней набросаны / Смолистые стихи». «Холод одиноких бдений» соседствует в ее жизни в «Броженьем светлым в крови, готовых зазвучать стихотворений». И потому Алексеева скажет: «Спасибо жизнь, за то, что ты была». Благодарность теперь уже Богу «за песок на прибрежном камне, <...> за суровый берег и море» и даже за возможность легко уйти «в ту страну, где смолкает память» звучит в стихотворении «Молитва».

Своему четвертому сборнику Л. Алексеева дала название «Время разлук». В нем она вспоминает детство и негромко говорит об уходе из жизни: «Отрекайся, душа, понемногу / От любви осязанья слепой / И готовься в большую дорогу, / Где лишь звезды и ветер пустой». Смерть поэтесса воспринимает как «мерное движенье / Вечного огня / И покой уничтоженья / Мира и меня» («Ототкнуть земные двери...»). Глубоким философским смыслом и мудростью наполнено стихотворение «Не спрашивай, что будет там, потом...».

Алексеева так и ушла из жизни, как писала в своих стихах: тихо, незаметно. В одно из посещений уже смертельно больной Ольги Анстей Алексеева упала и сломала бедро. Сделанная ей операция выздоровления не принесла. Лидия Алексеевна по-настоящему уже не поправилась, неизменно страдала. В конце концов она отказалась от дальнейших усилий врачей продолжить борьбу за ее жизнь и тихо скончалась в нью-йоркской больнице.

Архив писательницы не сохранился: после ее смерти хозяин квартиры сжег все бумаги своей постоялицы.

Художественный мир Л. Алексеевой практически не менялся на протяжении всей ее жизни, хотя и обогащался новыми темами. Поэтесса привержена к ясности и классическим размерам. «Я безнадежно старый режим в “смысле осмысленности” и если не понимаю, что к чему, для меня стихи не существуют»⁶², – писала она В. Синкевич в сентябре 1985 года. Тонкость пейзажной миниатюры достигается в ее стихах зоркостью взгляда, умением передать детали, неизменной связью изображаемого и переживаемого. Лирическое «я» выражено через особенности красоты природы. О чем бы ни говорила поэтесса, ей всегда присуща сдержанная интонация. Для ее лирического «я» характерно неизменное чувство меры и всегда ровная и сдержанная интонация.

Алексеева – автор нескольких рассказов о детях и подростках («Тедди из Стокгольма», «Мой осколок», «Ложная весна», «Мужское достоинство»), в том числе о быте ди-пийцев («Экватор», «Как мы были артистами», «Золотые туфельки», «Падение Семена Семеновича» и «Натка»). Ее проза точна в деталях и проникнута мягким юмором.

Л. Алексеева была хорошим переводчиком. Среди ее лучших переводов стихи эстонского поэта большого друга Алексеевой Алексиса Раннита (1914–1985), поэма «Слёзы блудного сына» Ивана Гундулича (1589–1638), вышедшая отдельным изданием в 1985. С сербохорватского поэтесса переводила Милона Ракича и Десанку Максимович, с украинского – Игоря Качуровского, с английского – Мэри Элизабет Фрай.

Сочинения

Лесное солнце – Франкфурт-на-Майне, 1954

В пути. – Н.-Й., 1959; 2-е изд. – 1962

Прозрачный след. – Н.-Й., 1964

Время разлук. – Н.-Й., 1971

Стихи (избранное) – Н.-Й., 1980

Алексеева Л., Анстей О., Синкевич В. Поэтессы русского зарубежья. – М.: Сов. спорт, 1998

⁶² Синкевич Валентина. Поэт своего поколения: Лидия Алексеева (1909–1989) // Новый журнал. № 259. 2010, июнь.

Горькое счастье. – М.: Водолей Publishers, 2007

Публикации

- «Белка носит жолуди...» //НЖ. 1956. № 44.
«Бывает день – уже с утра...» // Соер. 1962. № 5.
В захолюсты //Возр., 1959. № 93.
Весенний цикл //Грани. 1953. № 17.
«Вошел, как вестник...» //НЖ. 1970. № 101.
Все как было //Возр. 1950. № 9.
«Вся жизнь прошла, как на вокзале...» //НЖ. 1956. № 44.
«Где круто бьет и пенится...» //НЖ. 1955. № 42.
«Говорили мудрые люди...» //НЖ. 1970. № 101.
Гроза //Грани. 1951, 13. 12.IX. 1944. //НЖ. 1969. № 95.
«День лежит лазурной повязкой...» //НЖ. 1970. № 99.
Детство //Возр. 1959. № 93.
Душа. //НЖ. 1956. № 44.
«Если б нам деревьями...» //Грани. 1964. № 55.
«Еще звенело в трубах водосточных...» // Соер. 1975. №№ 28 / 29.
«Жизнь была натянута как парус...» //НЖ. 1970. № 101.
Засуха//НЖ. 1963. № 71.
Зима на Бродвее //Лит. совр. 1951. № 1.
«Из каких четвертых измерений...» //НЖ. 1958. № 53.
«Из моего дыхания...» // Соер. 1962. № 6.
«Как влюбленный, кого забыли...» // Соер. 1963. № 7.
«Как тень горы, упала тень разлуки...» //НЖ. 1959. № 56.
Картинка с улицы. // Соер. 1976. № 32.
Карусель //Возр. 1949. № 6.
«Леса и звезды и метели...» //НЖ. 1957. № 51.
Лесной мадонне //НЖ. 1956. № 46.
«Лесопилку бором обступило...» //НЖ. 1968. № 90.
Ложная весна //Лит. совр. 1954.
Маленькие рассказы //Грани. 1953. № 20.
«Метелью веяло в бору...» //НЖ. 1954. № 37.
Мой осколок //Грани. 1954. № 22.
«На закате вода густая...» // Соер. 1972. № 24.
«На людми затоптанной полянке...» // Соер. 1974. №№ 26 / 27.
«Не жена и не любовница...» //НЖ. 1955. № 42.
«Нет, в ней разрыва нет...» – Мосты, 1968. №№ 13 / 14.
«Ни к чему не примыкая стану...» //НЖ. 1976. № 125.
«Осенняя раскрывалась синева...» // Соер. 1962. № 6.
Осень //НЖ. 1954. № 37.
«Пахнет горькой водой и медузами ветер прибрежный...» //НЖ. 1963. № 71.
«Перебирая пальцами траву...» //Грани. 1963. № 53.
Письма М.Г. Визи (публикация) //НЖ. 1998. № 211.
«По песчинке стачивалась боль...» //Грани. 1963. № 53.
«Позабудь и стоны и хрипы...» //НЖ. 1969. № 95.
Посещение //НЖ. 1970. № 99.
Причастность глубине //Грани. 1960. № 45.
«Прозрачно море с пристани до дна...» //НЖ. 1957. № 51.

- Пять стихотворений //НЖ. 1966. № 83.
Пять стихотворений //НЖ. 1966. № 85.
«Расточительных слов не надо...» //Лит. совр. 1954.
«Речка чернеет в снегу...» //НЖ. 1969. № 95.
Северное сияние // НЖ. 1963. № 71.
«Сидел мальчонка маленький...»//Мосты. 1968. №№ 13 / 14.
«Слетает легкий лист один...» //НЖ. 1968. № 90.
«Слушай жизнь! Меня, твою родную...» // Соер. 1963. № 7. НЖ. 1969. № 95.
«Снега деревенского простор...»//НЖ. 1954. № 37.
Стихи //Возр. 1971. № 228.
Стихи //Грани. 1954. № 23; 1955. № 26; 1956. № 30; 1957. №№ 34 / 35; 1958. №№ 37, 39;
1959. №№ 41, 43, 44; 1960. № 48; 1976. № 100.
Стихи //НЖ. 1968. № 93; 1971. № 103; 1972. №№ 106–109; 1974. № 117; 1976. № 124;
1978. № 131.
Стихи // Встречи. 1977, 1979, 1982, 1984, 1986, 1987. 1988, 1989, 1990, 1995, 1999.
Стихотворения //Возр. 1967. № 190; 1969. № 213.
Стихотворения //Мосты. 1958. №№ 1, 2, 4, 6, 9, 11.
Стихотворения //НЖ. 1962. № 68.
«Стою и шурюсь удивленно...» // Соер. 1976. № 32.
«Там, где лодки на причале...» //НЖ. 1952. № 28.
Три стихотворения //НЖ. 1960. № 60.
Три стихотворения //НЖ. 1961. № 63.
«Уходишь, все легче во мглу скользя...» //НЖ. 1970. № 99.
Ушедшей //НЖ. 1956. № 46.
«Это было – нет, уже не помню дат...» //НЖ. 1968. № 90.
«Я привыкла трястись в дороге...» //НЖ. 1952. № 28.

Отзывы о книгах

- Александра Васильковская. Узелок//НЖ. 1958. № 53.
Клавдия Пестрово. Цветы на подоконнике //НЖ. 1965. № 81.
Н. Белавина. Синий мир //НЖ. 1961. № 65.
Олег Ильинский. Стихи //НЖ. 1961. № 65.

«Я привыкла трястись в дороге...»

Я привыкла трястись в дороге —
И не будят тоски во мне
Спящий кот на чужом пороге
И герань на чужом окне.

Но молюсь, как о малом чуде,
Богу милости и тепла,
Чтоб кога не испугнули люди
И чтоб жарче герань цвела.

1954

«Подушку мха беззвучно оторвав...»

Подушку мха беззвучно оторвав,
Я черный плат земли нашла под нею —
И, наклонившись, медленно пьянею
Прохладным соком нерожденных трав.

Смотрю, как нежная лесная тля
На корешок вползает невесомо, —
И, как она, в лесу я тоже дома,
И, как она, одно с тобой, земля!

1954

После налета

Ударом срезана стена —
И дом торчит открытой сценой
Для улицы, где – тишина
Под ровно воющей сиреной.

Отбой... Но лестница назад —
Лежит внизу кирпичной грудой,
И строго воспрещен возврат
Наверх, в ушедшее, отсюда.

Смотри, на третьем этаже,
Вся розовая, как в Помпее
Раскрыта комната – уже
Не смеющая быть моею.

В сквозные окна льется свет,
Стоит на полке том Шекспира,
И на стене висит портрет
И смотрит из бывшего мира.

Мне не войти туда, как встарь,
И не поправить коврик смятый,
Не посмотреть на календарь
С остановившеюся датой.

...А здесь, внизу, под кирпичом,
В сору стекла, цемента, пыли,
Квадратный детский башмачок,
Который ангелы забыли..

1954

По грибы

После грозы, разразившейся днем,
Чистая звездная ночь за окном.
Капли, срываясь, лепечут в саду...
Я по грибы на рассвете пойду, —
Влажной тропинкой, в сырой тишине,
С облаком, спящим на сизой сосне.
Где у часовни под липой скамья,
Весело встретимся – солнце и я.
В первом тепле на скамье отдохну —
Облако тихо покинет сосну,
К легкой и новой плывя синеве.
А на опушке, в блестящей траве,
За ночь пробьется в зеленую брешь
Рыжик – молочно-оранжев и свеж.
Капля во впадине шляпки легла —
Так маслянисто и нежно кругла...
Пальцы зарю в сырую траву —
Ножку нащупаю, выну, сорву
И приложу осторожно к губам,
Солнцу смеясь, и земле, и грибам!

1954

«Мы поднялись развилиной ствола...»

Мы поднялись развилиной ствола,
Но ты – на солнце, крепче, тяжелее,
А я – слабей, я к северу росла,
И тенью счастлива была твоею.
Бывало с ветром бросится листва
Моя к тебе – и этот теплый шорох
Был нам и хлеб, и ласка, и слова,
Ни в чьих неслыханные разговорах.
Но молнии бездумный произвол
Нас расщепил, и слабый сук отбросил,
И он лежит, безлистый, на откосе,
И одинок твой уцелевший ствол.
Ни слез, ни боли. Только пустота
И отдых на земле, которой стану.
А солнце на стволе залечит рану,
И засверкает с каждого листа.

1959

«Где круто бьет и пенится...»

Где круто бьет и пенится
Поток над крутизной,
Мой стих растет поленницей
На вырубке лесной, —

Пахучей, неотесанной,
Увянувшей во мхи;
Крест-накрест в ней набросаны
Смолистые стихи, —

А под корой древесною
До срока залегло
Для очага безвестного
Таимое тепло.

1959?

«Старый кот с отрубленным хвостом...»

Старый кот с отрубленным хвостом,
С рваным ухом, сажей перемазан,
Возвратился в свой разбитый дом,
Посветил во мрак зеленым глазом.

И, спустясь в продавленный подвал,
Из которого ушли и мыши,
Он сидел и недоумевал,
И на зов прохожего не вышел.

Захрустело битое стекло,
Человек ушел, и тихо стало.
Кот следил внимательно и зло,
А потом зажмурился устало.

И, спиной к сырому сквозняку,
Он свернулся, вольный и надменный,
Доживать звериную тоску,
Ждать конца – и не принять измены.

1959

«Вся жизнь прошла, как на вокзале...»

Вся жизнь прошла, как на вокзале, —
Толпа, сквозняк, нечистый пол.
А тот состав, что поджидали,
Так никогда и не пришел.

Уже крошиться стали шпалы,
Покрылись ржавчиной пути, —
Но я не уйду с вокзала,
Мне больше некуда идти.

В углу скамьи под расписанием,
Просроченным который год,
Я в безнадежном ожидании
Грызу последний бутерброд.

1959

«Любовь не кончилась – она...»

Любовь не кончилась – она
Живьем разлуке отдана,
Чтоб в снах и в песнях длиться, —
И влагой перья вороша,
Слетает к ней моя душа,
Как в летний полдень птица.

Она – прозрачный водоем
В имени облачном моем
И с радугой в соседстве, —
Где всё бывшее во плоти,
Где можно бусинку найти,
Потерянную в детстве.

Где можно молодость опять
Цветком ромашки ощипать
По лепестку – до «любит»...
Любовь не кончилась – она
Мне светит с голубого дна,
Из самой тихой глубины.

1964

«Слоятся дыма голубые складки...»

Слоятся дыма голубые складки,
Опал костер, мерцает рыхлый жар, —
Но подметенных листьев отпечатки
Еще хранит осенний тротуар.

Сгорело всё, что эта жизнь дала мне,
Подметено. И пепел сер и чист.
И лишь стихов прозрачный след —
на камне
Запечатленный лист.

1964

«От горя удаляясь, отдыхая...»

От горя удаляясь, отдыхая —
Вдруг изумиться: всё еще жива?
Под инеем легла полусухая,
Но крепкая октябрьская трава.

А утром солнце иней растопило,
Его роса по-летнему светла, —
Трава живет.
Ей тоже больно было,
Но боль прошла. Почти совсем прошла.

1964

Ясень

Вот свежий пень и щепок след:
Здесь ясень мой срубили.
Стоял он много тихих лет,
Крепчая в стройной силе.

И, так спокойно сожжены,
Золой распались жгучей
Все сорок три его весны
И осени летучих.

Мой друг, – с покорной простотой
Тепло отдавший людям,
Теперь твой дух за той чертой,
Где все мы вместе будем.

Теперь ты в облачном саду,
Где жечь и резать – нечем,
И я иду к тебе, иду
Для неразлучной встречи!

1971

«Холод, ветер... А у нас в Крыму-то...»

Холод, ветер... А у нас в Крыму-то
У кустов – фиалок бледных племя,
И миндаль, как облако раздутый,
Отцветает даже в это время
Там, над морем. А у нас в Стамбуле
По террасам над Босфором синим
На припеке солнечном уснули
Плети распущенные глициний, —
Разленилось. А у нас в Белграде,
Хоть ледок еще по лужам прочен,
Но вороны с криком гнезды ладят,
И трава пробилась у обочин
Тех тропинок... А у нас в Тироле
Мутный Инн шумит в весеннем блеске,
И в горах, где дышится до боли,
Зацветают вереск и пролески.
И стоит сквозной зеленый конус
Лиственницы нежной на пригорке.
До нее я больше не дотронусь,
Не поглажу. А у нас в Нью-Йорке...

1971

«На весенних кленах даже листьев нет...»

На весенних кленах даже листьев нет,
Только красноватый неумелый цвет.

Не трепещет тенью серых веток взмах
И морщин слоновых лепка на стволах.

Под высоким солнцем медленно иду,
Ощущая радость остро, как беду,

И родство с косулей, крокусом и тлём —
Кровное со зверем, травное с землей.

1971

«Слушай, Жизнь! Меня, твою родную...»

Слушай, Жизнь! Меня, твою родную,
Тоже где-то в мире сохрани, —
Я тебя к стихам моим ревную.
Я уйду – останутся они.

Ими полны многие страницы —
Легкий нержавеющий сосуд, —
Чей-то с ними взгляд соединится,
Чьи-то губы их произнесут...

Я беру лицо твое в ладони:
Посмотри и улыбнись опять.
Неужели ты меня прогонишь,
Словно невнимательная мать?

Мне недолго пить красу земную,
Но пока я вижу и дышу —
Я тебя, любимая, ревную
Даже к моему карандашу.

1971?

«Из темноты и в темноту...»

Из темноты и в темноту,
Как по висячему мосту,
Бреду по жизни осторожно.
И мост мой солнцем освещен,
Но хрупок он, но зыбок он,
И так легко сорваться можно.

И слева – черных туч полет,
А справа – радуга цветет...
Держусь за шаткие перила.
Иду – и откровенья жду,
Не знаю ведь, куда иду,
Откуда вышла – позабыла.

Идущих вижу впереди,
Идущих слышу позади —
Несчетна наша вереница.
Но всех ведет единый путь,
И ни вернуться, ни свернуть,
И ни на миг остановиться.

1971

«Не спрашивай, что будет там, потом...»

Не спрашивай, что будет там, потом,
Когда настанет миг прощанья и свободы, —
Ведь если что-то ждет – какое чудо в том!
А если ничего... Какой великий отдых!

1971

«В наш стройный мир, в его чудесный лад...»

В наш стройный мир, в его чудесный лад,
Мы принесли разбой, пожар и яд.

И ширится земных пожарищ дым,
Обуглен сук, где всё еще сидим.

Пока дышу, пока еще жива —
Прости мне, лес, прости меня, трава!

Хочу упасть на эту землю ниц,
Просить прощенья у зверей и птиц...

Последней жизни обрывая нить,
Прости нам, Боже! – Хоть
нельзя простить.

После 1971

«Спасибо жизнь, за то, что ты была...»

Спасибо жизнь, за то, что ты была,
За все сиянья, сумраки и зори,
За мшистый бок тяжелого ствола
И легкий парус в лиловатом море,

За всё богатство дружбы и любви
И тонкий холод одиноких бдений,
И за брожение светлое в крови
Готовых зазвучать стихотворений, —

Со всем прощаясь – и не помня зла —
Спасибо, жизнь, за то, что ты была!

После 1971?

«Так странно жить на свете без корней...»

Так странно жить на свете без корней,
Перелетать легко чужие страны,
И только тайно вспоминать о ней —
Несбывшейся, жестокой и желанной.

Так я бреду – невидная почти
В чужой стране, всё тише и покорней, —
Стараясь незаметно пронести
Мои судьбой оборванные корни.

1981

Моему поколению

С облаков наплывают летучие тени
В чашу кленов, осин и берез.
Мы – последние листья на ветке осенней,
Многих ветер, играя, унес.

Но пока еще солнце проходит по кругу
И последняя птица поет,
Мы дрожим на ветру и киваем друг другу,
Собираясь в прощальный полет.

И о счастье зеленом своем вспоминая,
Лист листу, торопясь, говорит...
А когда облетит наша ветка родная,
Всех нас ласковый снег усмирит.

Май 1987

«Земля устала от дневного жара...»

Земля устала от дневного жара,
Взошла луна над Южной Стороной.
И музыка с приморского бульвара
Далекая струилась под луной.

А мы сидели над прибрежной кручей
На мягко остывающей скале,
И запах пены свежей и шипучей
Всплывал над морем, дышащим во мгле.

И мы не знали, ничего не знали,
И сердце билось мерно, как прибой, —
А он вставал в еще невидной дали
Тяжелый крест над нашей судьбой.

I–VII-88

Лидия Алексеева (она же Медведь)

Экватор

– А мы едем в Бразилию, – сказал Тосик и присел на корточки, рассматривая, что делает из грязного песка Маринка. Пришлепывая ладошкой не то пирожок, не то черепаху, Маринка ответила, не поднимая глаз:

– А мы в Чили.

Тосик помолчал, потыкал бережно пирожок:

– А отчего не в Бразилию?

– В Бразилию бабушек не берут, – вздохнула Маринка и стала счищать с пальцев палочкой налипшую грязь.

– А сестер берут? – заинтересовался Тосик и прибавил по ассоциации: – Наша Ленка дрянь, я ей морду набью, так будет знать!

– Так нельзя говорить, – сказала Маринка строго и стала. Она была худенькой и самоуверенной девочкой и в балетной школе считалась лучшей ученицей. Тосик же был приземист и тяжеловат, в крупных веснушках и с соломенными бровями. Он прекрасно умел свистеть, ходить на руках и постоянно оказывался на крыше барака, откуда его снимали с приставной лестницей. Отравой его жизни была старшая сестра Ленка, докладывавшая матери обо всех художествах. Казалось, у нее не было другого дела, как следить за ним, не сводя глаз, и, когда его предприятия достигали критического пункта, лететь к матери, задыхаясь от негодования и радости; «Ма-а, Тоська разбил сейчас окно в 23-м бараке. Ма-а, Тоська порвал штаны на колючей проволоке... Тоська застрял под забором и его не могут выдернуть!»...

Мать вытирала о фартук усталые руки и, бросив стряпню, шла за Ленкой. «Вот придет отец, подожди», – говорила она только что выдернутому чаду, плетущемуся за ней в легкой расслабленности после пережитых сильных ощущений. Отец приезжал под вечер со своей работы, загорелый, перемазанный и изодранный не лучше сына. Довольный, что наконец дома, он не мог заставить себя его выпороть. Он пускал только страшный блеск в глаза и говорил мрачно: «Марш в угол!» И хотя угол был плотно привален всяким барахлом, Тосик послушно и неудобно протискивался в него и застывал в жалкой позе, обняв мешок с картошкой. Если о нем забывали, он громко тянул носом, и отец подмигивал матери на унылый мальчишеский затылок:

– Что, мать, простим уж – так и быть, – и мать улыбалась рассеянно: «Да уж как хочешь!» – и примаскивалась под лампочкой чинить мужнины носки. Лампочка была тускло-вата и висела голая, без абажура, на пропыленном шнурке. Под ее светом склоненная голова матери поблескивала невеселым лоском. А отец, дымя, разглаживал на столе шершавыми ладонями карту Южной Америки, сдувал дым на сторону и говорил с наслаждением:

– Да, а тут вот – это все тропические леса, тут белых еще и не бывало; а тут болота, желтая лихорадка. А вот тут самый экватор проходит... Думала ли ты, мать, что поедешь на экватор? – И она ухмылялась, откусывая нитку и не поднимая глаз: «Заедешь и на экватор»... – говорила тихонько и кончала многоточием, за которым стояло в прошлом столько пролитых слез, столько бледного ужаса и просиженных ночей: «заедешь и на экватор»...

Ленка мыла посуду, а Тосик подходил к отцу и смотрел на карту тоже, на ее зеленые, синие, коричневые пятнышки, – и ему было совсем не страшно попасть на экватор. Он уже представлял себе, как интересно будет пролезть под самым этим канатом, вокруг земли обтянутым, и как индейцы помогут ему, бледнолицему брату, из-под него выдернуться.

Мать же, крестясь на ночь на темную иконку над койкой, шептала: «Господи, сделай чудо, не допусти. Чтобы не надо было экватора. Сделай чудо, Господи!»...

Натка

Пол в бараке был шершавый и зыбкий. Когда Натка, припрыгивая, бежала по коридору, то ей казалось, что она уже на пароходе и качка начинается. Вообще в лагере ей нравилось все – и то, что здесь много детей, и то, что все они собираются уезжать, и то, что никак уехать не могут. Нравилось, что стены тонкие и слышно, как пьяный сосед, приходя домой, швыряет консервные банки и начинает скверно ругаться. Только в самом интересном месте мама с папой, переглянувшись, перебивают его громким разговором о предстоящей дезинфекции. Натке нравилось даже то, что в ПРО дважды затеряли их рентген, и пришлось ездить поездом в далекий город. Натка страшно любила поезда, и вечером, после молитвы, добавляла про себя, виновато косясь на родителей: «Господи, сделай, чтобы в ПРО опять потеряли наш рентген!..» Натке даже нравилось стоять в очереди за молоком, там можно было много чего послушаться, а иногда разыгрывались очень занятные скандалы, а тогда и очередь пропустить не жаль было, засмотревшись и заслушавшись.

Шла Натке уже седьмая весна. Еще год тому назад она была совсем маленькой и даже не знала азбуки, а сейчас сама читает сказки, и даже немецкий «ферботен» узнает, куда бы его ни налепили. Был смех зимой с таким ферботеном. Холодно было в бараке, как на полюсе, а дров не было. Папа ходил по вечерам промышлять у заборов. В темноте оно не видно, – притащил раз со щепками какую-то доску, посмотрели, а это ферботен. Ну, ничего, горел он весело, только краска шипела и трещала на огне, – одним ферботеном меньше, не пропадут немцы. Так папа сказал, и Натка повторила – не пропадут немцы. И правда – не пропали, все тут. Они же у себя дома, им ехать некуда. Разве что на велосипеде в соседнее село: на плечах гороховая крылатка, на голове шляпа с метелочкой стоймя, во рту трубка, и сквозь рыжие усы – вонючий-вонючий дым. Они сами по себе, лагерь сам по себе, и немцы Натку интересовали мало. А весна интересовала – и как ломались и звенели гигантские сосульки, падая с крыш барачков, и как толевые эти крыши мягко дымились на солнце, и как во всех сияющих лужах лагеря отражалось яркое небо с быстрыми белыми облаками, и как вылезал народ на лавочки блаженно посплетничать на солнышке, и деревья по горам стояли в молочнолиловой дымке – набухали крепкими почками. Было почему-то весело, и немножко сдавливало горло, как перед выступлением на елке, перед тем, как сказала первые слова: «Здравствуй, русская красота» – дальше стало тепло и легко, и не хотелось уходить со сцены.

И вот ведь оказалось – опять перед выступлением. Пришло вдруг распоряжение наткиному семейству ехать в город, уже к консулу, на разговор. Мама и папа подготовились и принарядились, Натку умыли, и за ушами тоже, всю дорогу нервно переговаривались – что на какой вопрос отвечать, а она придавилась носом к стеклу и только смотрела, как забавно поворачиваются на ходу горы – одним боком, потом лицом, потом другим боком. Натка долго косила глазом вслед горе – не повернется ли задом, – нет, не поворачивается, на смену вылезает другая и охорашивается перед Наткой.

У консула до приема долго ждали, было скучно и душно, и какой-то мальчишка из чужого лагеря показал Натке язык и скосил глаза. Ну, наконец позвали и их, маму и папу разговаривать, а Натку напоказ. Консул был большой, молодой, курносый, с толстыми черными бровями и глаза щелочками. Не страшный. Но мама и папа сидели на краешке стула и смотрели на него широкими глазами, как дети в школе. Консул нет-нет да и посматривал на Натку, улыбался ей – и она ему так же хитро. Она совсем не прочь была бы поговорить с этим дядей. И он, видно, тоже. Он наскоро договорил со старшими, сказал «о-кэй», и указал Натке место на стуле. Родители переглянулись, а Натка с удовлетворением влезла на стул и спросила у переводчицы

- Этот дядя нас повезет в Америку?
- Что она говорит? – оживился дядя.

Та перевела. Дядя кивнул ей и что-то спросил.

– А кто ты такая, спрашивает дядя.

– Я русская эмигрантка.

– Где ты родилась?

– В Вене.

– Значит, ты австриячка?

– Нет, я русская эмигрантка. Как мама и папа.

– От кого же они бежали?

– Ну, от большевиков, конечно.

– Почему ты хочешь ехать в Америку?

– Чтобы подальше-подальше от большевиков.

– А они плохие?

– Они самые плохие, и они забрали всю нашу Россию.

– А если их не будет?

– Тогда мы вернемся, понятно.

– Но ты уже будешь американкой?

– Почему?

Ответ последовал не сразу. Он вообще не последовал. Консул встал, прошелся по комнате, чуть хмурясь. Мама и папа окаменели. Наткино выступление захватило их врасплох. Консул быстро глянул на них, усмехнулся и потом попросил их через переводчицу поднять правую руку и повторять за ним слова присяги. Натка тоже подняла руку и пробовала повторять, она любила торжественность.

Мама с папой вышли, как из бани, но у Натки настроение было прекрасное.

– Какой смешной дядя, правда? – спросила она мать, топоча по лестнице.

– Ах, Натка, Натка, – сказала та, не зная, смеяться или плакать. Отец же поймал ее за косичку и сказал:

– Ну, дочка, вывела ты нас на чистую воду!

На улице их обуял хохот, и Натка присоединилась с удовольствием. Улицы широко сияли солнцем, лужи в городе уже высохли и было совсем тепло. Натка прыгала то на одной то на другой ноге, и думала, что хорошо бы еще раз приехать поговорить с дядей.

Андреев (Хомяков, реже Отрадин) Геннадии Андреевич (1904–1984) – писатель, общественно-политический деятель

В возрасте 15 лет исключён из школы по обвинению в «контрреволюционной деятельности». По окончании средней школы (1926) работал в губернской газете. В 1927 арестован и осуждён на 10 лет лагерей. Срок отбывал в разных местах, в том числе и на Соловках. В 1935 освобождён с запретом на право проживания в 41 городе СССР.

В 1941 призван в армию. В 1942 в Крыму попал в плен. Находился в лагере военнопленных в Норвегии.

После освобождения отказался репатриироваться. Вступил в НТС [Национально-Трудовой / Народно-Трудовой Союз], был членом Совета НТС и редактором журнал «Посев», работал на радиостанции «Свобода». Жил и работал в Мюнхене. В сентябре 1954 из-за разногласий с руководством вышел из НТС.

В 1958 в Мюнхене принял участие в создании «Товарищества зарубежных писателей». В 1959 году Г. Андреев стал главным редактором альманаха «Мосты», издававшегося ЦОПЭ (Центральным объединением политических эмигрантов из СССР). В 1963 году в связи с прекращением деятельности ЦОПЭ, прекратилось и субсидирование альманаха, Г. Андреев все же продолжил издание на деньги сотрудников и других сочувствующих лиц до 1970 года.

После эмиграции в США (1967) жил в Нью-Йорке. Сотрудничал в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк), на страницах которой еженедельно печатал статьи на общественно-политические и злободневные темы. В 1975 стал соредактором «Нового Журнала», в 1980–1981 редактировал журнал «Русское возрождение» (Нью-Йорк – Париж – Москва).

Первые рассказы опубликовал еще в СССР в 1926 г. в своей газете. В 1946 возобновил литературную деятельность под псевдонимом Г. Андреев. Писал прозу, в основном автобиографического характера: «Соловецкие острова» (1950), очерки и рассказы «Горькие воды» (1954), повести «Трудные дороги» (1959), «Минометчики» («Новый журнал», 1976–1978). Автор пьесы «Награда» (1951 – в соавторстве с Л.Д. Ржевским).

Умер Г. Андреев в 1984 году. Похоронен возле Лейквуда в штате Нью-Джерси.

Сочинения

Горькие воды. Очерки и рассказы. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954.

Трудные дороги. – Мюнхен, 1959.

Публикации

Будет хорошо // *Грани*. 1953. № 18.

В дни короткого отпуска // *НЖ*. 1958. № 55.

Встреча: Рассказ // *Грани*. 1949. № 5.

Два Севостьяна // *НЖ*. 1952. № 28.

День гнева: Рассказ // *НЖ*. 1951. № 51.

Звезда над Парижем // *Мосты*. 1965. № 11.

Мертвая петля // *Мосты*. 1961. № 6.

Минометчики: Очерки // *НЖ*.

Берлинские скитания. 1978. № 133.

В дурном мареве. 1976. № 125.

- В запасном полку. 1975. № 119.
В подземелье Джумушкая. 1976. № 123.
В стране Амундсена, Ибсена, Гамсуна. 1978. № 131.
К горе Митридата. 1975. № 120.
Края отдаленные. 1976. № 122.
На аэродроме. 1977. № 126.
На исходные позиции. 1978. № 130.
Награда: Пьеса // *Грани*. 1951. № 12. – (в соавторстве, с Л. Ржевским).
Новелла о танке // *Грани*. 1948. № 4.
Опять за проволоку. 1976. № 124.
Письмо из дома // *Опыты*. 1955. № 5.
Покой // Лит. сборник. – Рогенсбург: изд-во газ. Эхо, 1948. № 1.
После концлагеря // *Грани*. 1952. № 16.
Прекрасный вид // *Мосты*. 1966. № 12.
При взятии Берлина // *Грани*. 1951. № 13..
Северная Робинзонада // *Лит. совр.* 1954. № 2
Соловецкие острова: Повесть // *Грани*. 1950. № 8.
То же в сокращ // *Лит. зар.* 1958.
Тамара: (Из записок стареющего человека) // *Грани*. 1950. № 10.
Тень на стене // *Мосты*. 1959. № 3.
Холм – Сулековек. 1977. № 127.
«Шпионское гнездо». 1977. № 128.

Литературная критика и публицистика

- Без победы и без награды; заметки на полях // *Опыты*. 1956. № 7.
В двойном свете / Н. Отрадин // *Мосты*. 1961. № 7.
В отраженном свете // *Мосты*, 1972.
Вокруг разоружения и вооружения / Н. Отрадин // *Мосты*. 1962. № 9.
Годы рождения 1927–1930 // *Грани*. 1951. № 11.
Грустная книга / Г. А // *Грани*. 1951. № 12.
Один: Роман из эмигрантской жизни. – Париж: Дом книги, 1951.
Для отвода глаз? / Н. Отрадин // *Голос зар.* 1978. № 11.
Долгий разговор / Н. Отрадин // *Мосты*. 1958. № 1.
Еще одна Голгофа // Дело Пастернака: 1958.
Загадка Чехова // *НЖ*. 1975. № 118.
Заметки публициста / Н. Отрадин // *Мосты*. 1959. № 2.
Из того, что было // *НЖ*. 1982. № 148.
Иные времена // *НЖ*. 1956. № 245.
Молчавшие должны заговорить // *Мосты*. 1960. № 4.
Не необходимая книга / Г. А // *Грани*. 1952. № 16
О национальных задачах и общественном идеале / И. Отрадин // *Мосты*. 1968. № 13/14.
По способностям, по потребностям: Заметки публициста / Н. Отрадин // *Мосты*. 1961.
№ 8.
После Сталина и Хрущева: Заметки публициста / Н. Отрадин // *Мосты*. 1965. № 11.
После Толстого // *НЖ*. 1972. № 107.
Роман о наших днях / Г. А // *Грани*. – 1952. № 16.
Россия и объединенная Европа // *Мосты*. 1963. № 10.
Современный роман / Г. А // *Грани*. 1952. № 15.
Только верой // *НЖ*. 1973. № 112.

Тяжелая ноша // *Мосты*. 1959. № 2.

Эмиграция и молодые партийцы: Заметки публициста / Н. Отрадин // *Мосты*. 1959. № 3.

Горькие воды Очерки и рассказы

При взятии Берлина

Свет из полу заваленной двери нехотя пробивался в убежище. Вблизи от двери еще можно было разглядеть нахохлившиеся фигуры женщин, стариков, детей, сидевших на чемоданах и узлах, дальше всё пропадало во тьме. То, что темь тоже полна людьми, угадывалось по шорохам и по какому-то особенно гнетущему настроению, пропитывающему вонючий воздух. Тишину изредка прерывал вздох, плач или крик ребенка, громкий шепот, – если говорили, то почему-то только шепотом.

Сверху доносилась винтовочная и пулеметная стрельба, автоматная трескотня, ухали орудийные взрывы, в городе шел бой.

Борис Васильевич Обухов, когда-то капитан царской армии, а потом шофер берлинского такси, сидел неподалеку от двери, прислонившись к стене и сжав руками опущенную голову. Голова болела, тело ныло: в шестьдесят пять лет не легко просидеть в подвале четверо суток безвыходно. Выходить было некуда, над подвалом развалины, вокруг тоже развалины, а в них рвутся снаряды и пронизывают воздух пули.

Теперь взрывы удалились, значит, подходят. За много лет в Берлине Борис Васильевич так и не научился сносно говорить по-немецки, жить кое-как жил, а мыслями оставался в России. Сейчас Россия входила в Берлин, Россия пришла к нему. Это волновало, влекло, но было и жутко. Какая она? Что сделает с ним? За четверо суток он всё передумал. «Расстреляют, как белогвардейскую сволочь. Хорошо, если на месте, а может, потащат в Чеку. Как она, нынче называется? НКВД? Будут мучить. Или еще что?» Но в мучения и смерть не верилось, почему-то казалось, не может быть. А что может быть? И страшно было не за себя, не за свою жизнь, – хватит, пожил, – а за что-то еще, может быть, за свою мечту, за свою двадцатипятилетнюю изгнанническую и, наверно, слишком сентиментальную, а поэтому и немного стыдную любовь.

Проходили часы, дни, наверху не утихало, и мысли уже перепутались, притупились. Он сидел среди насмерть перепуганных немцев, в нудной паутине страха и ожидания, устав думать и ждать, и тупо смотрел в одну точку.

Борис Васильевич задремал и не увидел, как в изломанной дыре двери показался красноармеец. Прижимаясь к стене, солдат осторожно переступал через камни, выставив перед собой нацеленный в темноту автомат, подвале тихо охнуло, шелестнулось, люди непроизвольно сжались, подались назад. Солдат щелкнул фонариком, в снопе света на мертвенных лицах засветились десятки застывших в нечеловеческом страхе глаз.

Смелее переступив, с автоматом на изготовку под правым локтем, солдат повел фонариком по подвалу, потом обернулся и крикнул:

– Давай сюда, калым есть!

Спустились еще двое в невиданных Борисом Васильевичем пилотках и в кофтах-телогрейках с тесемками вместо пуговиц, еще держа автоматы наготове, они стояли и приглядывались. Вошедший первым был невысок и широк, похож на катыш, второй, худощавый, должно быть был подвижным и юрким, третий, высокий и спокойный, наверно, был самым серьезным.

– Подкалымить можно богато! – тонким голоском воскликнул юркий, и пошёл вглубь.

– Не бойсь, фрицы, мы вас от Гитлера освобождаем! – хохоча, кричал первый, с круглым лицом и веселыми глазами, и тоже подался к сжавшейся толпе, лучом света прорезая себе путь. Третий остался стоять у двери.

Со смехом и прибаутками, будто они были на прогулке, двое быстро шарили среди людей и барахла. Не прошло и минуты, как Борис Васильевич услышал хватающий за сердце женский вскрик:

– Was wollt ihr von mir? – и хохочущий ответ курносого:

– Не бойсь, голубка, давай добром!

Борис Васильевич поднялся. Сердце колотилось, тело трясла нервная дрожь, но он собрал силы и сказал, громко передохнув:

– Вы что безобразите, вы?

Солдаты мгновенно обернулись. Три автомата нацелились на Бориса Васильевича. Катыш, светя фонариком, быстро подкатился к Обухову.

– Ты русский?

– Кто бы я ни был, а безобразничать с мирным беззащитным населением не позволю, – твердо ответил старик.

– Власовец? – не веря, протянул катыш, разглядывая седую голову, морщинистое лицо и потрепанный пиджак Бориса Васильевича.

– Не. Наверно эмигрант. Из беляков, я таких видал, – тихо сказал юркий, смущенно поглядывал на старика.

– А что ты за немцев заступаешься? Что они тебе? – уже не так смело спросил катыш. Видно было, что солдаты смущены, высокий тянул юркого за, рукав и говорил: «Бросьте, ребята, пошли. Чего вы...».

– Я русский и мне стыдно за русских, если они позорят свою солдатскую честь, – продолжал Борис Васильевич, чувствуя себя как в бреду.

– Да мы что... Мы же только так... – совсем замялись двое, только катыш, скрывая смущение, еще тараторил:

– Что ты, старый! Мы что, грабители? Да нам и время нет прохлаждаться с вами! Пошли, хлопцы! – один за другим они исчезли в двери.

Борис Васильевич перевел дух и сел на прежнее место. Теперь болело и сердце. «Пришли. Россия пришла. Что ж, радоваться таким?». Как будто то, что говорили о советских, оправдывалось. Хорошего ждать не приходилась. Возникла и досада: «Я же хотел не выдавать себя, сначала присмотреться. Выскочил, неизвестно, зачем». Но и радовало сознание, что удалось защитить немцев, солдаты всё-таки ушли? Значит, не такие они плохие, на них можно повлиять? Немцы еще не оправались от волнения и сидели окаменело.

Через несколько минут в двери опять показался красноармеец. Не входя в подвал, он крикнул:

– Кто здесь русский, выходи!

Борис Васильевич встал, перекрестился. С трудом передвигая тяжелые ноги, пошел к выходу. Солдат посторонился, пропуская его. Карабкаясь по камням, завалившим ступеньки, Борис Васильевич приготовился: сейчас будет расплата и за защиту немцев, и за то, что он белый, и за его двадцатипятилетнюю любовь. Сразу за всё.

Во дворе сияло солнце. Только минуты через две он разглядел, что стоит перед двумя военными, о чем-то его спрашивающими. Они были тоже в телогрейках с тесемками, в шапках ушанках и грязных стоптанных сапогах. По ремням с пистолетами на боку и по планшеткам Борис Васильевич заключил, что они офицеры. У одного было худое, заросшее рыжеватой щетиной лицо, серое от пыли, на правой стороне пот проделал в пыли неровную дорожку от виска до подбородка. Второй, пониже ростом и поплотнее, блестел возбужденными глазами на широком лоснящемся лице. Нахмуренный и энергичный, первый хлопал по левой руке планшеткой с раскрытой картой.

– Шевелись отец! Ты здешний? Местность знаешь? – повторяя, спрашивал высокий офицер.

– Знаю. Двадцать лет в этом доме живу.

– Вот и отлично! Смотри, можешь провести вот сюда? – ткнул офицер в карту и тотчас же захлопнул планшетку:

– Да черт тут разберет! Смотри, лучше так расскажу..

Офицеры торопились. Фланги по другим улицам ушли вперед, а на этом участке продвижение задержалось. Впереди была почти уцелевшая школа, в ней засели эсэсовцы и простреливали из пулеметов и автоматов все подходы. Подойти в лоб невозможно, артиллерийский обстрел вызвать нельзя, слишком близко свои. Сил мало, а продвигаться необходимо, еще несколько часов – и конец! Победа, которую ждали сотни дней и ночей миллионы людей – вот она, за этой школой! Офицеры были распалены и нетерпеливы, школа должна быть взята. Но в развалинах ничего не понять, груды битого камня и кирпича завалили город, где улицы, дворы, проходы, не разобрать.

Оглянувшись, Борис Васильевич не узнал, где он, всё лежало в развалинах. От дома, в котором он жил, осталась половина боковой стены. Впереди на высокой груде кирпича примостились солдаты и куда-то стреляли, должно быть в школу, невидную за кучей. Слева короткими очередями, нервно, в том же направлении бил пулемет.

– Скорей соображай, отец! – торопил офицер. – Ты военным не был? Нам надо...

Он не договорил и, качнувшись, упал на Бориса Васильевича. Старик инстинктивно распахнул руки и поддержал, он еще успел увидеть, как странно захлопнулись глаза офицера на неизменившемся лице, словно очень уставший офицер мгновенно уснул.

Подбежали солдаты, вместе со вторым офицером подхватили убитого и опустили на землю. Шальная пуля угодила в спину, пробила сердце, на телогрейке уже расплылось красное пятно. Офицер снял шапку, нагнулся над товарищем.

– Эх, Коля, не дотянул! – горестно воскликнул он. – Тысячи километров осилил, пустяка не одолел!

Солдаты на груде кирпичей оглядывались. Один, круглый и крепкий, немного сполз вниз и крикнул, еще не веря:

– Капитана убило?..

Борис Васильевич узнал того, который первым вошел в подвал. Катыш поднялся, распахнув телогрейку, он вскочил на гребень кучи и, полосуя из автомата по невидимой снизу цели, с бешенством кричал:

– Получай, гады! За, моего капитана, гады! – потом взмахнул автоматом и скovyрнулся вниз.

– Готов! – словно с ноткой восхищения сказал стоявший рядом с Борисом Васильевичем солдат.

Офицер провел рукой по лицу, будто стирая пот и гримасу горя. Взяв Бориса Васильевича за рукав, он отвел его немного в сторону от трупа. Продолжая начатое другим, он говорил также нетерпеливо:

– Надо обойти школу и взять. Понял, батя? Это пустяк, их там немного, от отчаяния палат, с перепугу. Обойти – вылезут. Проведешь там, правее? – показал он рукой. – Ты не военный?

– Капитан русской армии.

– Ну, чего больше! Батя, я тебе дам людей, действуй! А мы о того бока пойдем. Договорились?

– Но я не знаю ни нового оружия, ни новой тактики, – ошеломленно, не поверив ушам, оказал Обухов.

– Э, тактика!.. Ну, ладно, поведешь только. Старший сержант Семенчук! Ко мне! Бери своих людей, слушай задачу..

Через пять минут Борис Васильевич пробирался со старшим сержантом Семенчуком, таким же широколицым и курносым, как убитый солдат, среди развалин в обход школы. За ними, где пригибаясь, где ползком, двигались солдаты Семенчука. Кто-то сунул Борису Васильевичу винтовку, – он сжал её в руке и почувствовал, как захолонуло сердце, трехлинейная, образца 1893 года! На секунду остро вспомнилось, как взял впервые винтовку в руки, в военном училище, почти полвека тому назад.

Он не понимал, что происходит с ним. Эти две простые солдатские смерти, точно такие же, какие так часто приходилось когда-то видеть ему самому, тоже ежечасно подвергаясь смертельной опасности, и то, как офицер реагировал на смерть друга, жалея, но ни на минуту не забывая о своем военном долге, рождали чувство, что он сам – на месте этих офицеров, что он такой же, как они, – а то, что он снова взял в руки винтовку и ведет за собой русских солдат, вдруг спутало всё, странным образом стерло последние тридцать лет, зачеркнуло его изгнанничество, бездомность, и он опять оказался среди своих и сам им свой. Конечно, это свои, на солдатах, что ползут за ним и Семенчуком, незнакомые пилотки, у некоторых даже со звездочками, но под пилотками такие же точно лица, какие были и у солдат его роты в Первую мировую войну. Это ведь те же Гришки, Петьки, Ваньки, Сашки, Семенчуки, Обуховы, Сидоренки, Степановы, грубые, нескладные, но и такие живые, непосредственные, умеющие так мирно и лихо принимать смерть. Борис Васильевич с трудом понимал, где он и что что с ним.

Семенчук вопросительно оглянулся, впереди стена, справа и слева груды камней. Куда? Усилив воли прогнав мешавшие мысли, Борис Васильевич осмотрелся. На углу полуобваленной стены висел клок плюща, под ним вдавался зеленый желоб водосточной трубы. Борис Васильевич вспомнил, третий дом от угла. Если обойти справа, через переулок, выйдешь к боковой стене школы. Он кивнул Семенчуку и, почувствовав давно забытый боевой азарт, нагибаясь, полез по камням в обход стены...

Спустя полчаса со школой было покончено. Офицер с чувством потряс руку Бориса Васильевича, благодаря за помощь. Семенчук, левой рукой вытирая пилоткой пот с лица, тоже жал ему руку и говорил:

– Пойдем с нами, папаша, из тебя солдат на все сто! Сильно воюешь! – Солдаты шутили, на прощанье совали ему кто пачку махорки, кто папиросы, кто банку консервов. Но прощанье было недолгим, они торопились. Путь к победе расчищен, надо идти вперед. И они спешно двинулись дальше.

Посмотрев им вслед, Борис Васильевич повернул назад. Горело справа, слева, пахло гарью, под ногами из-под развалин кое-где тоже курился дымок. Перебираясь через кручи камней, Борис Васильевич чувствовал себя странно. Еще трудно было освоиться с внезапным возвратом в молодые годы, на тридцать лет назад, в нем еще бродило недоумение, что произошло? Он чувствовал себя усталым и от этого внезапного превращения, и от только что пережитой схватки в школе. Но усталость была приятной, освежающей, и схватка – часть превращения. В ней он еще раз увидел, что он среди своих. Сколько у солдат ловкости, смелости, но и умения, осторожности! Как просто они шли в бой, этот последний для них бой, которым они были разгорячены до опьянения, и не жалели себя, не страшились смерти, но и как они были ловки и умелы! Такими же были его солдаты тридцать лет назад, таким же был и он сам. И Борис Васильевич чувствовал, что будто бы нашел завершение своим тяжелым многолетним думам, оправдание своей доселе безответной любви.

Около остатков своего дома он увидел других солдат. Наверно, это была резервная часть, они никуда не торопились и располагались по-домашнему. Некоторые спали, прямо на грудах кирпича, другие сидели группами и курили, разговаривали, третьи закусывали. Из подвала еще пугливо выглядывали немцы. Но и из них кое-кто уже осмелел, чуть дальше среди развалин стояла походная кухня, у нее, после грохота гранат и выстрелов в школе, был удивительно мирный вид, и рыжий рябой солдат раздавал немцам остатки пищи. Перед кухней, кучкой человек

в пятнадцать, стояли с мисками и тарелками старики, женщины, подростки, солдат выливал им в посуду что-то дымящееся, наверно вкусно пахнущее, и добродушно разглагольствовал:

– Не толпись, всех оделю. Оголодали с Адольфом, ну, я досыта покормлю. Теперь нацизме вашей крышка, в людей вас будем перекрещивать. То-то, садовые головы. Чего совались? Шутка вам, на Россию переть? Макитры у вас на плечах заместо голов поодеваны?

Он взгляделся в старика, протягивающего миску, взмахнул черпаком:

– Ты что, во второй раз? А совесть у тебя есть? Как всем, так и тебе, за добавком к Адольфу иди. Тут по справедливости, несознательный ты старик. Иди, иди, а то тресну по черепку, разом перевоспитаешься. Малого пропустите! – указал он на нерешительно мявше-гося позади подростка. Немцы, словно понимая всё, что говорил кашевар, раздались и пропустили подростка.

Посмотрев на раздачу, Борис Васильевич почувствовал, как ком подкатил к горлу. Он сходил в подвал, достал из вещей кастрюльку и пошёл к кухне. Обождав своей очереди, протянул кастрюльку кашевару и, с трудом справившись с волнением, сказал:

– Ну, плесни и мне вашего варева...

Два Севостьяна

Окно госпитальной дежурки выходит на прямую дорогу, уставленную унылыми черными метелками в деревянных кадках. Месяца два назад в госпиталь приезжало большое начальство, для его приема по сторонам дороги расставили кадки с пальмами, собранными со всей округи, из вилл местных фабрикантов, – когда начальство уехало, о пальмах забыли. В первые легкие заморозки пальмы померзли, – они стоят теперь, с обвислыми лохмотьями листьев, нелепо и безобразно. За дорогой, вдалеке, начинаются домики небольшого села, затянутые сеткой мелкого, как изморозь, дождя гнилой немецкой, зимы.

От дождя, или от безобразных пальм, которые ему примелькались до одури, у Севостьяна, младшего сержанта, обслуживающей госпиталь команды, подавленное настроение. Он сидит на широком подоконнике и тоскливо смотрит в окно.

Севостьян, азербайджанин, призванный в армию в 1942 году, собственно, не Севостьян, но у него такое мудреное имя, непривычное русскому уху, что солдаты окрестили его, по созвучию с настоящим именем, Севостьяном. А это имя прилипло так крепко, что, пожалуй, Севостьян и сам забыл, как его зовут по-настоящему.

Севостьяну скучно. Время тянется медленно, делать Севостьяну нечего, сиди и жди, когда позовут и куда-нибудь пошлют. Севостьяна держат на побегушках, на другое он вряд ли способен. Сегодня его никто не зовет и неизвестно, куда убить время.

Вздыхнув, он опускает голову и закрывает глаза. В памяти смутно, как туманная пелена дождя за окном, проплывают неясные картины. Родная деревня, глубокая лощина между холмами, подняться на них – совсем близко лиловеют вершины Кавказа. Склоны холмов в зелени садов и виноградников, желтеют домики дач: недалеко большой город. За дачами темнеет лес, а сверху пылающее солнце льет жару, истому, лень. Хорошо бы сейчас очутиться дома, бродить босиком по саду, лежать под палящим солнцем – Севостьяна мобилизовали шестнадцати лет.

Севостьян вздохнул еще раз. А какие девушки, наверно, выросли за те четыре года, что он не был дома! Какое было бы ему, Севостьяну, раздолье: мужчин мало, перебили на войне, а он молодой, здоровый. И почему его держат здесь? На днях спросил замполита – тот обругал. Что ему делать в Германии – смотреть на эту проклятую дорогу? На кой чёрт ему сдалась Германия? А дома томятся, ждут Севостьяна девушки. Теперь бы жениться, в самый раз, и спокойно жить...

Он чувствовал себя очень несчастным, обиженным, только неизвестно, кем или чем. Судьбой, что ли? Верно, судьба к нему несправедлива. Вот, вчера, в пивной встретил

девушку, – у Севостьяна зашумело в ушах, когда он разглядел нежную белую кожу лица и рук, голубые глаза, завитые, как у барашка, волосы немки-блондинки. Мучительно, до пота, силясь придумать, что бы сказать ей для первого знакомства, он совсем собрался пересесть за столик блондинки, как пришли три летчика с соседнего аэродрома. Конечно, ничего не вышло: этим летчикам везде первое место! Блондинка смеялась, болтая с летчиками, а Севостьян остался ни с чем и бессильно злился, почему летчикам привилегии: разве Севостьян не такой же человек? И чего они суются в пивную, облюбованную госпитальной командой?

Глубоко обиженный, он заказал у стойки пива, – пожалуй, только для того, чтобы почувствовать себя еще несчастнее: пиво было кислое, противное, пахло гнилой трухой. Глотая пиво, он увидел на стойке очки хозяина пивной, простые, круглые, в железной оправе. Севостьян вспомнил об Ольге Петровне и, незаметно взяв очки, сунул в карман. Это его обрадовало и немного примирило с жизнью: какой он, Севостьян, ловкий, как хорошо ему удалось стащить очки! Поскорее заплатив за пиво, он ушёл.

Вспомнив вчерашнее, Севостьян достал из кармана очки и повернулся. У стены за столом что-то пишет Ольга Петровна. Ворчливая старушка, но Севостьян испытывает к ней чувство, которое он не умеет объяснить. Справедливая старушка. Севостьяну иногда хочется сделать для неё что-нибудь хорошее, приятное, но получается как-то так, что он каждый раз забывает об этом. У старушки очки связаны ниткой, одно стекло лопнуло: она, наверно, плохо в них видит. Севостьян подошел и положил перед Ольгой Петровной очки.

– Возьми, тётка, тебе, – он всегда называл её тёткой.

Ольга Петровна подняла глаза, удивленно посмотрела на Севостьяна.

– Что за очки? Откуда взял?

– Тебе очки, Где ни взял, взял, тебе принес. Твои плохие, бери.

– А кто тебя просил?

Севостьян почувствовал раздражение, почему не берет? Дают, а она не берет!

– Зачем просить? Я сам захотел, для тебя. Бери, даю, – настойчиво сказал он и пододвинул очки ближе.

Ольга Петровна улыбнулась, примерила – стол перед ней расплылся. Она сунула очки в руку Севостьяна.

– Когда ты, Севостьян, чему-нибудь научишься? Очки, чудак-человек, надо подбирать по глазам, по номерам. Эти мне не годятся, возьми.

Севостьян, еще не понимая, не убирал руки со стола.

– Не берешь? Почему не берешь?

– Я уже сказала, что они мне не годятся, где ты их взял? Небось стащил? И иди, пожалуйста, не приставай, у меня работы много.

Севостьян постоял у стола, вертя очки в руке. Судьба к нему не благоволила. Вздохнув, он огорченно отошёл на свое место, открыл окно и выбросил очки во двор. Тщательно закрыв окно, сел на подоконник и опять стал смотреть на пальмы, похожие на метелки.

Украдкой наблюдая за Севостьяном, Ольга Петровна покачала головой и тоже вздохнула. – Детинушка! Господи, что же с ним делать? Что делать с таким детинушкой, способным свалить быка? Руки, как рычаги, упрямое, цвета порыжевшего сапога лицо, а ведь сущий ребенок. И не плохой, – думала Ольга Петровна. На прошлой неделе его поставили старшим в палату легочников. Он забежал на минуту к Ольге Петровне, довольный, радостный, что ему поручили такой ответственный пост, сделал таинственное лицо и сказал:

– Знаешь, кто я теперь?

– Кто? – с любопытством спросила Ольга Петровна.

– Я... я... – не находя слов, тарачил глаза Севостьян; потом махнул рукой и выпалил: – Я – два Севостьяна!

Она удивилась. Заглядывая ей в глаза, Севостьян немного подождал, радуясь произведенному впечатлению.

– Не веришь? Нет? Один Севостьян – я, сам, младший сержант. Второй тоже я – старший палаты. Теперь веришь? – и столько простодушного довольства светилось у него в глазах, что оно обезоруживало.

К вечеру, впрочем, опять остался один Севостьян. В палате легочников строго запрещали курить, но легочники всё-таки иногда покуривали, – рьяно взявшийся за свои обязанности Севостьян сначала предупредил больных, а потом, застав за курением двоих, одного чуть не задушил одеялом, у другого отнял папиросу и силой уложил больного в кровать, так, что солдат жаловался, будто Севостьян сломал ему спину. Больные взбунтовались – главврач распек Севостьяна и прогнал на старое место. Севостьян не понимал, почему его прогнали, он же только наводил порядок? А как с ними поступать, если они не слушаются?..

Эмигрантка с 1919 года, Ольга Петровна работала в госпитале переводчицей. Начальство сторонилось её, – с солдатами она была своей. Прямая характером, привыкшая «резать правду-матку в глаза», Ольга Петровна сурово выговаривала солдатам за проделки, но и писала им письма, подолгу с ними разговаривала... Отвыкшие от семьи, от матерей и жен, многие охотно поверяли ей свои думы об оставленных родных, о доме, советовались о нею. Умея слушать, Ольга Петровна внимательно выслушивала длинные рассказы, поддакивала, где надо, старалась помочь, чем могла, чтобы подбодрить, поддержать простодушных людей. За душевную ласку солдаты платили тоже, чем могли и как умели: зная, что ей живется не сладко, они старались передать ей что-нибудь из пайка, или папирос, махорки, чтобы она могла обменять у немцев на продукты. Как она ни отказывалась, ей редко удавалось отказаться. Позавчера один из солдат позвал её и за дверью, чтобы никто не видел, сунул в руку пакетик и убежал. В канцелярии Ольга Петровна развернула сверток: в грязной газете была половина жареной курицы, почерневшей, с прилипшими обрывками бумаги, сдавленной, – солдат, наверно, прятал её под подушкой, если не под матрацем. Диетик, он не съел курицу за обедом, а оставил Ольге Петровне. Она не знала, радоваться ей или плакать, глядя на этот подарок, который вряд ли можно будет съесть, – жалкий подарок, но и такой дорогой, щедро данный от чистого сердца.

– Дети, дети, – часто повторяла она, вспоминая вечерами окружавших её солдат.

И Севостьян, сильный, здоровый, ударом одной руки могущий сбить с ног, тоже ребенок. Надо только по-человечески относиться к нему, он послушается и не будет красть очки, чтобы потом выбрасывать их. Слушают же её другие? Но иногда Ольгу Петровну пробиравал страх, да понимает ли она Севостьяна? Что может справиться с его упрямой силой?..

В коридоре загромыхали быстрые шаги и в дежурку не вошёл, а вбежал помглавврач, за ним молодая женщина-военврач.

– Почему сразу не доложили, что лаборантки нет? – раздраженно говорил помглавврач.

– Но я вступаю на дежурство в десять, а Ильза приходит в девять. Я ничего не знала, – оправдывалась военврач.

– У нас никогда никто ничего не знает! Всегда так! – горячился помглавврач. – Севостьян! Возьми винтовку, пойдешь в село! Ольга Петровна, не вышла на работу Ильза Кранц, а сейчас прибежала её соседка и говорит, что к ним забралась какие-то два солдата и безобразят. Чёрт знает, что! Пойдите с Севостьяном, узнайте, в чем дело. Ильзе скажите, чтобы шла на работу, дело стоит. Севостьян! Действуй энергично! Солдат заведи и приведи сюда, потом отправить в комендатуру. Живо, одна нога здесь, другая там!..

Гордый возложенной на него задачей, Севостьян так спешил, что Ольга Петровна едва поспевала за ним. Входя в село, Севостьян бубнил:

– С аэродрома солдаты, я знаю! Они всегда шляются, где не надо. Узнают они Севостьяна! Севостьян им даст!

Он был не на шутку разозлен. Опять с аэродрома и опять за девушками! На Ильзу Севостьян не обращал внимания: маленькая, черненькая, запуганная, она тенью проскальзывая на работу, также уходила домой – посмотреть не на что. Ильза работала в госпитале, когда он еще был немецким, новые хозяева оставили её, пока не было замены. Нет, Ильзой Севостьян не интересовался, но то, что к ней пришли чужие солдаты, распалило Севостьяна.

У небольшого двухэтажного домика остановились, Севостьян забарабанил прикладом в дверь.

– Тише, не надо прикладом, – попросила Ольга Петровна, но он продолжал стучать.

Сквозь грохот было слышно, как в домике поднялась беготня. Через две-три минуты дверь открыла старая заплаканная женщина. Что-то бормоча, вскрикивая, она пропустила их.

Севостьян бегом ворвался в комнату – на столе посередине стояла пустая бутылка из-под водки, два стакана, но в комнате никого не было. В кухне легкий ветерок колыхал оборванную занавеску на открытом окне.

– Они выскочили в окно! – по-немецки кричала женщина. Севостьян подбежал, глянул. – окно выходило в узкий дворик, никого в нем не было.

– Ушли, – буркнул Севостьян. Раздраженно захлопнув окно, он посмотрел на женщин, что предпринять? Потоптавшись, махнул рукой и недовольно поплелся в первую комнату.

Женщины вошли следом. Встав у притолоки, немка-мать продолжала невнятно стонать и жаловаться, а дверь во внутреннюю комнату открылась и показалась Ильза. На её лицо спускались растрепанные пряди темных, почти чёрных волос, от них лицо казалось еще блее. Синенькая кофточка была разорвана до пояса и открывала такие же белые плечи и ничем не прикрытую жалкую и трогательную грудь. Сжавшись, нагнув голову, Ильза стояла, не шевелясь, и молчала.

Ольга Петровна начала было утешать плачущую мать, но заметила взгляд Севостьяна и остановилась: Севостьян слишком пристально смотрел на Ильзу. Медленно, словно не решаясь, он шагнул к ней, сделал еще шаг – и уже быстро подошёл к Ильзе и крепко взял за руку. Девушка вздрогнула, еще ниже опустила голову.

Поняв, Ольга Петровна бросилась к Севостьяну, схватила за рукав:

– Ты чего? Назад Севостьян!

Не видя, он глянул на неё горящими глазами:

– Уйди!

– Оставь, Севостьян! Идем, нам время...

– Уйди.

– Что ты хочешь?

– Я сказал уйди, – бормотал Севостьян, отрывая Ольгу Петровну и оттесняя в сторону.

Ольга Петровна упорствовала, борясь изо всех сил.

– Севостьян, перестань, как тебе не стыдно!

– Я тебе говорю, уйди! Хуже будет! – тяжело дыша, он оттолкнул её и бросился в комнату, втолкнув туда и девушку. Ольга Петровна вцепилась в шинель:

– Стой, Севостьян!

– А, – рассердившись, вскрикнул Севостьян. – Тебя не хватают, ты не дрыгай! – и с силой толкнул её.

Падая, Ольга Петровна видела, как захлопнулась за Севостьяном дверь. Немка стояла, притихнув, и остановившимися глазами тоже смотрела на дверь.

Ольга Петровна почти ползком добралась до кресла в углу, села, прикрыла глаза рукой. Она чувствовала себя словно окаменевшей, в ней будто всё вдруг застыло, опустело.

Через несколько минут Севостьян вышел, одной рукой оправляя шинель, а другой волоча, за собой винтовку. Хмуро и немного смущенно посмотрев на Ольгу Петровну, он буркнул:

– Идем, тетка. – Видя, что она не встает и не отнимает руки от глаз, помолчав, Севостьян добавил: – Ты не серчай. Я говорил, уйди. Зачем в мое дело мешаешься? А ей всё равно, два или три...

Трудные дороги

*Человек не рожден для поражений.
Его можно убить, но не победить.
Человек побеждает всегда.*
«Старик и море». Э. Хэмингуэй

Вступление

Не знаю, как кому, а мне это совершенно необходимо, хотя бы изредка. Иначе, может, и не выдержать. И мне это не трудно: не надо даже особенно настраиваться, внутренне готовиться, наверно потому, что задолго до урочного часа я живу томимым Предчувствием освобождения. Я знаю: оно неминуемо будет. И я одно из утр я просыпаюсь с чувством удивительной легкости. Легко пробуждение, легки несуматошные сборы: вещи сами попадают под руку. Набит вместительный портфель – и довольно, в таком путешествии не нужно обременять себя ничем лишним.

Стакан чаю на дорогу, оглянуться – не забыл ли чего? – и я готов. Вчера и позавчера, все выющееся вокруг тебя и в тебе каждодневные (ты втиснут в него, как неразличимое колесико в неоглядную машину, сложенную из одних необходимостей, бессмысленно-огромно размахивающую своими маховиками и вертящую тебя в путанном, рассчитано-бестолковом ритме) остается в комнате, как ненужная одежда. К ней еще придется вернуться, это неизбежно, – я и сам не могу не вернуться, – пока пусть повисит за дверью на гвоздике.

Выхожу на непривычную мне улицу раннего утра. Немного свежо. На остановке трамвая поживают те, кому на работу. А мне не надо. И то, что не надо, а воздух, еще не испакощенный автомобильной вонью, прозрачен и чист – тоже тонкое и тихое удовольствие. Мне становится весело; я могу даже насвистывать что-нибудь умопомрачительно-нелепое, вроде буги-вуги. Я могу сейчас со всеми примириться и любовно, – мысленно, конечно, – даже всех обнять, вовремя вспомнив, что все люди братья. А глубоко во мне шевелятся чертики. Я подмигиваю сам себе: похоже, я кого-то ловко обвожу вокруг пальца. Будто я от кого-то убежал. Обман еще не состоялся, но дело в полном разгаре и он состоится, я в этом убежден!

На вокзале покупаю билет – кусочек картона, открывающий входы. Жаль, надо называть конечную станцию; было бы еще увлекательнее, если бы ее не знать, на худой конец, утаить. И от самого себя. Такая игра стоит свеч. Но не переступить, случайный партнер в темно-синей форме, за стеклянным оконцем, – разве он может участвовать в этой игре? Я капитулирую, утешаясь, что это меньшее из зол.

Может быть, со стороны, с точки зрения нормы (в чем она?), это смешно, отласт сумасшедшинкой, но я уже в поезде. Иду по вагонам, ищу свободное купе. В голове легкое кружение: могу делать, что хочу, ехать, куда хочу, ходить, где мне нравится, видеть и не видеть людей, уходить от них и от самого себя, отдаваясь тому, что ни к чему не обязывает и, допускаю, никому незачем не нужно. Это-то и хорошо! И не на один, а на много дней! Может, даже до бесконечности: а что, если возьму и не вернусь? И чувство отрешения растет, когда поезд трогается: мосты сожжены, концы отданы...

Закрываю глаза. Пусть отгрохочет на вокзальных стрелках, промелькнут пригороды и дачная смесь, которую я не люблю, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Поезд вырывается из городской ловушки, – я опускаю окно, с наслаждением высовываю голову.

Ветер дыбит волосы, рвется в легкие. У самого полотна ершится щетка седой травы ночью был мороз. Пробежала деревушка – теневая сторона ее черепичных крыш вымазана белым,

с другой иней уже слизало солнце. Солнца не видно, оно у меня за спиной, но я чувствую, какое оно еще горячее, летнее. Черные тени телеграфных столбов прыгают назад и выскакивают навстречу; по откосу без усталости мчится густая тень поезда.

Промелькнуло приплюснутое здание, с надписью, во всю стену: «Корнхауз». Я бы предпочел вытянутый в синь неба элеватор, где-нибудь в наших местах. И чтобы вместо этих аккуратных станций проплывали другие, скажем – Алексиково, Аксай, Зимовники. Чего стоит одна музыка слов! И не нужно бы этого пронзительного, такого европейского, поросычьего-железного визга тормозов. Хорошо бы сидеть не в этой узкой крысоловке, а в нашем просторном вагоне. Покачиваясь, он неторопливо вез бы тебя по нескончаемым степям, пропахшим горечью полыни, ромашки, ковылем. По степям, спешить по которым некуда и незачем: давным-давно ведь сказано, что каждое путешествие, какое бы оно ни было и куда бы ни вело, рано или поздно приходит к концу.

Но я не ворчу. Я доволен обманом. Озорное чувство не оставляет меня. Поезд грохочет. И чувствуя себя частью его, брошенной вперед, я готов крикнуть паровозу:

– Давай, милый, наддай, наддай!

Я в недоумении отхожу от окна. Что случилось? Мне показалось когда-то, очень давно, мне также хотелось высунуться из окна и кричать то же самое. Когда это было и было ли вообще? Это ведь бывает, скажешь слово, сделаешь жест – и на миг тебе покажется, что точно такой же жест ты уже делал однажды, а когда, вспомнить невозможно. Ты хорошо знаешь, безошибочным чутьем, что делал этот жест, но у тебя ощущение, будто ты делал его сто, двести, может быть и тысячу лет назад, не в этой даже, а в какой-то другой жизни. Глупость, конечно, но упрямо кажется, что ощущение твое верное. Может, этот жест сделал твой дед, прадед, почему знать? У меня в таких случаях на секунду – тревожное чувство, будто я прикоснулся к неразрешимой тайне.

Ничего таинственного нет. Я вспомнил. Ну, да, после трех лет в тайге конвой привел нас и посадил в арестантский вагон. И когда я забрался в тепло, в тьму верхней полки и через несколько минут почувствовал полет поезда, я опьянел от радости. В коридоре, за решеткой, покачивался штык конвойного – мне не было до него никакого дела. Мысленно я высовывался из окна и кричал паровозу: «Давай, милый, жми, вперед». Тогда я тоже знал мосты сожжены.

Это не плохое воспоминание. Но от него трудно отделаться. Оно тянет за собой нитку, с болтающимися на ней обрывками других воспоминаний, требующими, чтобы их подобрали по порядку, привели к какому-то итогу. Как будто можно подвести итог. Я закуриваю, выхожу в коридор.

В купе незаметно, а здесь видишь, как мотает вагон болтается из стороны в сторону длинная коридорная пустота. Я качаюсь вместе с ней. Опираюсь на стену. В нос лезет цветной лоскут «Где хотите провести свой отпуск?» Париж, Рим, Неаполь, Афины, Мадрид, Лондон. По лоскуту ползут красные, желтые, синие линии. Одна, черным изломом сверху вниз, что-то напоминает. Я отмахиваюсь от нее. На повороте снова пронзительно завизжали тормоза. Чорт, я отлично помню такой же однажды вывернувший меня наизнанку визг! Полночь, томный коридор, дверь. Перед дверью плотная черная фигура. Я заносу над ней длинный нож – и в уши, в грудь, в сердце ввинчивается этот ни на что не похожий сумасшедший визг... Я таращу глаза, тру лоб, вздыхаю: мне не везет. Я хорошо помню и эту жирную черту, и поросычий визг. Их не забудешь. И не выкинешь из головы, даже сейчас.

С досады швыряю сигарету. Теперь нитка поползет – и скрутит крепче нейлоновой веревки. И с ней ничего не поделаешь. Пока ее не размотаешь, она не даст покоя. Что же получится с моим бегством, как уйду я в свое утлое освобождение? Игра проиграна, обман обнаружился. Впору прыгать в окно, как Подколесину.

Нет, я не сдамся. Я знаю верный способ. Пока поезд идет, у меня есть время. Я лягу сейчас на скамейку, положу под голову портфель, буду курить без передышки – и размотаю эту нитку до конца...

Петр Твердохлеб

Узкая, вытянутая в длину камера. С одной стороны – две койки из жердей, на одной Твердохлеб, напротив я. С другой стороны – нары на несколько человек, там Хвощинский. Посреди камеры круглая печка из куска обсадной трубы. Против нее – запертая снаружи дверь в коридор; в стене щель, вместо окна, на уровне головы.

В уборную и на прогулку выводят, держа наган в руке. За проволокой встает еще один охранник с винтовкой. Нас крепко стерегут – для смерти.

Так надо прожить еще три месяца. Как это томительно долго! И как мало осталось нам жить!..

Сначала Твердохлеб много рассказывал о себе. Неторопливо, по частям, он говорил о своем детстве, о селе, о побегах, о тюрьмах. Части складывались – получалось целое, странное и загадочное, чего до конца, наверно, никогда не понять – получалась жизнь человека.

Твердохлеб не помнил родителей, он вырос в семье дяди. С малых лет пас птицу, потом скотину, подростком работал в поле. Безногий солдат научил его читать, по копеечным книжкам с лубочными картинками. И ему захотелось узнать, откуда взялись слова, почему стол называется столом, а не иначе? Почему возникла странная связь слов, взявшая человека в плен?

Он по-своему догадывался, что от этой связи таинственным образом зависит вся жизнь людей – и хотел разгадать чудо. В селе откуда-то нашелся толстый энциклопедический словарь. Твердохлеб вызубрил его от доски до доски, считая, что если он узнает значение каждого слова, он будет знать все. Но слова были мудреные, непонятные, и знания не получалось, в голове образовалась каша – она еще сильнее будоражила, заставляя думать, искать дальше. Он пошел в церковь, прислуживал священнику, брал у него Евангелие, Библию, читал Жития Святых, – чтение увлекало, но многое оставалось непонятным и, как казалось ему, он не находил того, что ему было нужно. Спрашивал священника – тот оказался невежественным и только оттолкнул мальчика от церкви.

В селе был, как водится, колдун, была и своя ведьма. Твердохлеб долго приглядывался к ним, было жутко, но, может быть, разгадка у них? Он вошел в доверие к колдуну, по его наущению следил за ведьмой, с которой колдун враждовал; подглядывал ночью к ведьме в окно, лез на крышу и смотрел в трубу, ожидая, как ведьма вылетит на помеле. В горшке варил кости черной кошки, нашептывал заклинания; проверяя чудодейственную силу колдуна, сидел ночью на кладбище, ходил на перекресток дорог и бросал в вихри остро отточенный нож – не окрасится ли он кровью бесов, поднявших вихрь? Долго занимала его всякая нежить и нечисть. Ему казалось, что он видел, как уносилась на помеле ведьма к звездам, слышал лешего в лесу, русалок в речке, встававших из могил мертвецов, – обливаясь от страха потом, он упрямо старался разгадать свои видения. Потом словно вдруг прозрел и понял, что никакой нечисти нет и стал зло издеваться над колуном и ведьмой, разоблачая их перед односельчанами.

В пятнадцать лет, по совету нового священника, Твердохлеб пешком отправился в Киев. По дороге в первый раз увидел железную дорогу, на Днепре пароходы, хотя то и другое давно знал по энциклопедическому словарю. После глуши Подольщины, Киев удивил, но не понравился: еще путаннее, непонятнее. Он поступил в духовную семинарию. За год с небольшим в ней Твердохлеб совсем отошел от церкви: преподавание казалось ему сухим, церковные догмы черствыми и связывающими, семинаристы распутными. Живая душа Твердохлеба. не нахо-

дила в семинарии самого важного, чего он искал: живого проникновения в жизнь, ее разгадки. Он вернулся в село.

Несколько лет заняло упорное желание забыть все, что он узнал в семинарии. Он чувствовал так, что семинарские знания только мешают его непосредственной связи с жизнью. Твердохлеб вернулся к Библии, годами перечитывал ее, одолевая сам и понимая по-своему.

К двадцати пяти годам Твердохлеб нашел себя. Годы напряженного раздумья привели его к тому, что он стал основателем новой секты и ее проповедником. Его учение было просто и понятно крестьянам: надо жить по слову Божию, подчиняясь десяти заповедям. Выше нет закона для человека. Кто нарушит и раскается – к тому надо быть, снисходительным, он такой же брат, как и любой человек. Но к тому, кто не раскаялся и продолжает преступать – надо быть беспощадным. Духом Ветхого Завета веяло от суровой веры Твердохлеба.

Он женился и показывал односельчанам пример нравственной жизни. С женой был строг, но справедлив и человечен, детей своих любил и ласкал, но не баловал, прилежно работал и хорошо вел хозяйство. И Твердохлеб стал духовным вождем и авторитетом для крестьян всей округи. К нему шли слушать проповедь, – он не, поучал, а беседовал с людьми, сидевшими рядом с ним на куче дров или прямо на земле. Твердохлеб задавал вопросы, сам отвечал на них, приводил примеры из жизни своих односельчан. Шли к нему и за советами, был он и крестьянским судьей.

Давно установилась советская власть, но в этой глуши она не мешала крестьянам. Твердохлеб признавал власть, пока она не слишком докучает людям. Налоги надо платить, повинности нести, без этого нельзя, но, повинности не должны быть несправедливыми, очень большими, И все обходилось – пока не началась коллективизация.

Твердохлеб ее не принял. Коллективизация, считал Твердохлеб – против Бога и против человека. К нему валом валили крестьяне – он открыто говорил свое мнение и стал вождем стихийного сопротивления. Он не предлагал убивать присылаемых из города партийцев, разгонять уже собранные в колхозы кучки активистов, противиться хулиганству комсомольцев, но крестьяне партийцев убивали, комсомольцев били, не вступали в колхозы, и власть знала, что во главе крестьянского волнения в районе – Твердохлеб. Его арестовали, увезли в город, там дали десять лет и отправили в концлагерь.

Он принял это прежде всего, как ужасающую несправедливость по отношению лично к нему. Чуть не двадцать лет ему понадобилось, чтобы создать себе веру, как надо жить, он был твердо убежден, что его вера правильна, в ней не было ничего против человека, недаром же он приобрел уважение крестьян. Это внушало ему уважение и к себе. Теперь оказалось, что он будто бы неправ. Ошибка, преступление?

В тюрьмах он узнал о массовых расстрелах, о раскулачивании и высылке миллионов крестьян, увидел тысячи других – невиновных людей. Впервые трагедия раскрылась перед ним не в рамках его села, а в масштабе всей страны. Это его потрясло. Он не любил города и считал, что праведная жизнь может быть только в деревне, на земле, – в нем возникла острая ненависть к городу. Но рядом сидели горожане, они мучились вместе с ним. Честность ума Твердохлеба не позволяла ему обвинять огульно город и горожан, – нет, в этой вакханалии надо разобраться. Откуда она, как не от человека, такого же, как он? И постепенно начала подтачиваться и рушиться его вера в человека, в жизнь, – и в ту веру, которую он создал себе с таким трудом.

В тюрьмах Твердохлеб встретил ученых людей – профессоров, инженеров, политиков. Он осторожно выпытывал их, выспрашивал, потом и спорил, стараясь защитить свою веру. Многие из этих искушенных в диалектике людей, кто насмешливо, кто мягко, но настойчиво, легко клали Твердохлеба на лопатки. Он не соглашался, уже яростно отвергал их неоспоримые доводы, ограждая себя, – а в душе копились сомнения, ей наносились раны, образовывалась пустота. Его поразило, что все может быть относительным, все условным и нет силы, на которой можно встать и утвердиться. Это окончательно рушило, его веру и уважение к человеку.

Человек оказался дьяволом, лишаящим самого себя основания для унижения. Жизнь – только ад и можно верить лишь в этот ад, созданный неизвестно зачем.

В пересыльном корпусе Бутырок Твердохлеб долго сидел с анархистами, они посвятили его в тайны организации государства и власти и утверждали во мнении, что все зло от них и от них нельзя оставлять камня на камне. Уже не зная, что слушать, Твердохлеб сначала прислушивался к анархистам, потом даже не отверг, а отвернулся, – от этой встречи осталась только уверенность, что все несправедливо, все надо отринуть. Но что надо утверждать?..

Дикий, взъерошенный, Твердохлеб был, как в огне. Его съедала ненависть, презрение, отвращение и к себе самому, и ко всем на свете. Не во что было больше верить и ничего не было достойным уважения. В душу вполз разъедающий цинизм, в ней хаос из обрывков мыслей и сжигающих страстей. Кое-как подчиняться внешним установлениям, не имеющим никакой внутренней ценности, чтобы кое-как влачить потерявшую смысл жизнь? Он подчинялся, скрывая в себе клокочущий бунт.

Когда в лагерь пришло злополучное письмо⁶³, Твердохлеба ничто не могло бы удержать. Два раза он пересек Россию с севера на юг и убил председателя колхоза. Он знал, что председатель – ничтожный винтик, но не мог совладеть с собой. Он убивал, мстя за уничтожение своей веры, уничтожая самого себя, – Твердохлеб не мог жить, ни во что не веря...

В нашей камере он казался мне огнедышащей горой. Укрытый на своей койке бушлатом с головой, он глухо стонал, скрежетал зубами иди шумно, на всю камеру, дышал, будто непрерывно вздыхая. В другой раз я наталкивался на упорный взгляд раскаленных глаз, – он неподвижно смотрел на меня, но меня не видел. Страшно становилось от этого взгляда. Что еще, какие сны и мысли мучают его? Негасимое пламя ест его, заставляет стонать и корчиться, – но не так ли корчится и вся Россия? Не так ли корчится и весь мир?..

---

⁶³ Твердохлеб получил письмо, что его жену принудил к сожительству председатель колхоза.

Анстей (наст. фамилия Штейнберг) Ольга Николаевна (1912–1985) – русская и украинская поэтесса, переводчица, прозаик, критик

В 19 лет окончила Киевский Институт иностранных языков со специализацией в английском и французском языках. Работала машинисткой и переводчицей.

В 1937 году вышла замуж за Ивана Матвеева (будущего поэта Елагина). Вместе с ним покинула в 1943 году оккупированный Киев. Свое неприятие фашистских зверств Анстей выразила в поэме «Кирилловские яры» (1943), проникнутой библейской символикой. Этот был первый поэтический рассказ о трагедии Бабьего Яра, находившегося рядом с Кирилловой церковью.

В 1946-м супруги оказалась в лагере Шлейсгейм, где велась довольно активная литературная жизнь: издавались на ротаторе журналы, приезжали с лекциями жившие в Германии писатели послеоктябрьской эмиграции Ирина Сабурова, Нонна Белавина, Юрий Иваск, навещали Матвеевых Борис Нарциссов и Борис Филиппов. Жизнь в мюнхенском лагере Ди-Пи нашла отражение в ряде стихотворений Анстей. Не напечатавшая на родине ни одного стихотворения, Анстей начинает с 1946 года активно печатать свои стихи, рассказы, статьи, рецензии в эмигрантских журналах. Ее имя значится в знаменитом сборнике поэтов-«дипийцев» «Стихи» (Мюнхен, 1947), высоко оцененном поэтами первой волны. В Мюнхене же в 1949 г. вышла ее книга «Дверь в стене», включивший 34 стихотворения 1930–1948 гг. Хорошая знакомая поэтессы Татьяна Фесенко считает, что стеной был неприемлемый для Анстей немецкий и лагерный быт, а дверью – поэзия и любовь.

Еще в лагере Ольга Николаевна влюбилась в поэта князя Николая Всеволодовича Кудашева. Любовь эта не была счастливой и ассоциировалась самой поэтессой с фёном – юго-западным ветром, вызывающий болезненные ощущения и даже помешательство. Но чувства поэтессы «свечение женское» воплотились в целом ряде замечательных стихотворений («Сон пугает сказкой былой...», «На тебя доказчиков немало...», «Я примирилась в сущности с судьбой»), проникнутых и страстным чувством прыгнуть в омут любви, «как с бревна купальни в пруду»; и болью («в разлуке леденею»); и страхом за судьбу любимого. «Любовь не судит – любит», – смиренно утверждает поэтесса.

Переехав в 1949 году в США вместе с мужем (так того требовали правила американской эмиграции), Ольга Николаевна настояла на разводе.

Не принес счастья и второй брак (1951) с прозаиком, поэтом и литературоведом Борисом Филипповым. Расставанию через год после бракосочетания способствовало и то, что Анстей

любила Нью-Йорк, где у нее была интересная работа переводчицей в ООН, а Филиппов должен был жить в Вашингтоне.

Правда, не прекращались дружеские отношения с Елагиным. Этому способствовало и общее горе потери первой дочери (глубоко верующая поэтесса посвятила девочке стихотворение «На юру»), и забота о талантливой, но очень непростой второй дочери Елене, родившейся в берлинском бомбоубежище в 1945 году. Более того, О. Анстей сблизилась с новой семьей Елагина, подружилась с его женой Ириной Даннгейзер. «Неизжитая материнская сила» воплотилась в ее любви к их сыну Сергею, которому посвящено стихотворение «Сыну названному». Тесная дружба связывала поэтессу с другой одинокой женщиной – тонким лириком и прозаиком Лидией Алексеевой, хотя и относившейся к первой эмиграции, но прошедшей все испытания, выпавшие на долю ди-пийцев.

Критика дружно отмечала, что переносить тяжести жизни, гармонизировать, «переплавлять», подобно тому, как это делал ее любимый персонаж Б. Пастернака доктор Живаго, в прекрасное и вечное поэтессе помогала глубокая религиозность. Анстей была не только верующим человеком, но и воцерковленным: псаломщицей Свято-Серафимовского храма в Си-Клиффе (штат Нью-Йорк). «Безбольной радости на этом свете нет». «Этот мир, как трудные роды / Убивает и жить велит». И все «мы в руках Живого Бога», – писала она в стихотворении «Ночью». Целый цикл ее стихов назывался «Паперть». Ряд произведений посвящен церковным праздникам. Особенно любит она Пасху. При этом библейские образы поэтесса связывала с родным ей Киевом. Днепр у нее – святой, река Вавилонская; а столица Украины – «многохолмный наш Сион». Говоря о Риме или Афинах, писательница неожиданно завершает стихотворение словами о «печальном русском снеге». Анстей любит фольклорные образы, примером чему являются стихотворения «Обет», «Полынок (заклинание)». Впрочем, целый ряд ее произведений включает в себя персонажи античной мифологии.

В последние годы жизни Ольга Николаевна дважды (в 1965 и 1971) посетила Киев и с радостью отметила, что «открывает уста страна моя». И тут же – очередной евангельский образ: «поднялась гробовая плита».

Нет, наверное, ни одного поэта, который бы не задумался о своем отношении к литературе, к слову. Анстей – не исключение. Целый цикл ее стихов близок своим названием к циклу М. Цветаевой: у Цветаевой – «Стихи о столе», у Анстей – «Стол у окна». Автор говорит о «Божьих дарах» поэта, о «сердце, хлопающем веселым сквозняком», когда создаются стихи. Поэзию она считает и искусством, и мастерством, требующим полной самоотдачи:

Пока не свалят на покой,
Пока рукой к перу тянуса,
В высокой верности клянуса
И ремеслу и мастерской.

(Клянусь нахмуренной водой...)

Поэт, по Анстей, – бог на «празднике, на званом пиру», ему «никто не страшен», но вечен только русский язык, который и после ухода поэта с пира, «бушует дале».

Высшим образцом мастерства и искренности Анстей считала Б. Пастернака. Еще в 1951 году она написала статью «Мысли о Пастернаке». В 1960 – «Новый Пастернак». Пастернаку посвящены стихотворения «Выходной день», «Именины», «Твои похороны». Анстей принадлежат статьи-эссе «Златоустая Анна всея Руси», «Сама по себе: О поэте Лидии Алексеевой», «Мастер и Они: О стихах Бориса Нарциссова» Новый Журнал. 1983.? 151

В 1976 году в Питтсбурге вышел второй и последний сборник поэтессы – «На юру», включивший в себя 66 стихотворений, в том числе несколько старых, из предыдущего сборника.

В дальнейшем стихи Анстей продолжали печататься в «Новом Журнале» и в альманахе «Встречи» (Филадельфия). Два рассказа О. Анстей «Фонарик» и «Утром» опубликованы в 126 номере «Нового журнала» (1977).

Перу Анстей принадлежит несколько стихотворений на украинском языке, в том числе переводы ее русских стихов. Блестящий знаток английского языка, она перевела повесть Стефана Винсента Бенэ «Дьявол и Даниэль Вебстер» (Нью-Йорк, 1960). Известны ее переводы прозы и поэзии А. Теннисона (1809–1892), Р. М. Рильке (1875–1926), Г.К. Честертон (1874–1936), Д. Уолтера Де Ла Мара (1873–1956) драматурга Д. Хаусмана (1902–1988). Это свидетельствует о широком круге интересов писательницы.

Умерла Ольга Николаевна Анстей 30 мая 1985 г. в Нью-Йорке.

Архив писательницы погиб.

Сочинения

Дверь в стене: Стихи. – Мюнхен, 1949.

На юру: Стихи. – Питтсбург, 1976.

Алексеева Л., Анстей О., Синкевич В. Поэтессы русского зарубежья. – М.: Сов. Спорт, 1998

Публикации

Бабье лето // *Грани*. 1946. № 2.

«Было утро первозданных теней...» // *НЖ*. 1952. № 28.

Душная ночь в Манхеттене // *НЖ*. 1970. № 101.

Златоустам Анна всея Руси // *НЖ*. 1977. № 127.

Карнавал // *Возр*. 1951. № 17.

Колодец Дианы в Мюнхене // *НЖ*. 1949. № 22.

Лесные глаза // *Грани*. 1954, 23.

Моей девочке // *НЖ*. 1970. № 101.

Мысли о Пастернаке // *Лит. совр*. 1951. № 2.

На юру // *Конт*. 1977. № И.

Новый Пастернак // *Грани*. 1960. № 45.

Оно // *НЖ*. 1952. № 28.

«Открывает уста моя страна...» // *НЖ*. 1981. № 142.

Отрывок // *Грани*. 1959. № 41.

Песня о песне // *Лит. совр*. 1954.

Польнок // *НЖ*. 1970. № 101.

Пушкин и общемировая культура // *Лит. совр*. 1954.

Рассказы // *НЖ*. 1977. № 126.

Сама по себе. О поэте Л. Алексеевой // *НЖ*. 1980. № 141.

Сказки. (Посвящается А.М. Ремизову) // *Возр*. 1957. № 66.

Стихи // *НЖ*. 1957. № 48; 1971. № 103; 1974. № 117; 1975. № 119; 1977. № 126, 128; 1979. № 137.

Стихи // *Встречи*. 1977, 1979, 1983, 1986, 1990, 2000.

Стихи // *Мосты*. 1959. № 2.

Стихи // *Грани*. 1951. № 14; 1954. № 21; 1958. № 37; 1959. № 44; 1976. № 100.

Стихотворение // *Опыты*, 1953. № 2.

Три стихотворения // *НЖ*. 1962. № 70.

Три стихотворения // *Мосты*. 1958. № 1.

Четыре стихотворения // *НЖ*. 1960. № 62.

Это // *Лит. совр*. 1951. № 1.

Кирилловские яры

I

Были дождинки в безветренный день.
Юностью терпкой колот терновник.
Сумерки и ковыляющий пенъ,
Сбитые памятники, часовни...
Влажной тропинкой – в вечерний лог!
Тоненькой девочкой, смуглой дриадой —
В теплые заросли дикого сада,
Где нелюбимый и верный – у ног!..
В глушь, по откосам – до первых звезд!
В привольное – из привольных мест!

II

Ближе к полудню. Он ясен был.
Юная терпкость в мерном разливе
Стала плавнее, стала счастливей.
Умной головкою стриж водил
На меловом горячем обрыве.
Вянула между ладоней полынь.
Чебрик дрожал на уступе горбатом.
Шмель был желанным крохотным братом!
Синяя в яр наплывала теплынь...
Пригоршнями стекала окрест
В душистое из душистых мест.

III

Дальше. Покорствуя зову глухому,
На перекресток меж давних могил
Прочь из притихшего милого дома,
Где у порога стоит Азраил —
Крест уношу, – слезами не сытый,
Смертные три возносивший свечи,
Заупокойным воском облитый,
Саван и венчик выдавший в ночи...
Будет он врыт, подарок постылый,
Там, в головах безымянной могилы...

Страшное место из страшных мест!
Страшный коричневый скорченный крест!

IV

Чаша последняя. Те же места,
Где ликовала дремотно природа —
Странному и роковому народу
Стали Голгофой, подножьем креста.
Слушайте! Их поставили в строй,
В кучках пожитки сложили на плитах,
Полузадохшихся, полудобитых
Полузаваливали землей...
Видите этих старух в платках,
Старцев, как Авраам, величавых,
И вифлеемских младенцев курчавых
У матерей на руках?
Я не найду для этого слов:
Видите – вот на дороге посуда,
Продранный талес, обрывки Талмуда,
Ключья размытых дождем паспортов!
Черный – лобный – запекшийся крест!
Страшное место из страшных мест!

«От Рима, от Афин, где не была...»

От Рима, от Афин, где не была,
На памяти остался взмах любовный
За пазухой, под радугой крыла
Комочек, птенчик, шарик теплокровный
Ладони дно едва обнажено
Прошли сады, а в них купалось солнце
Здесь нежности льняное полотно
Под нами до рассвета развернется
Средь душных апельсиновых цветов
Сольются наши голоса и лица
У моря жар, бронхит у городов
И мчит Афина к ним на колеснице
И бледная после июльских нег
Встает Европа, здравствуй, привиденье
И все идет печальный русский снег
И голуби пасутся в отдалении...

Русский язык

Он снился мне титаном-кораблем
Под вздутыми седыми парусами,
И чудилось: пока мы с ним, на нем —
Мы даже, может быть, титаны сами.

На малый час – но счастливы сполна,
Хоть за корму крутую подержаться,
Пока за борт не смоем нас волна...
А он – титан – он будет дальше мчаться.

Иль так еще: он – праздник, званый пир.
И мы званы! И мы вкушаем брашен
И пьем живую воду из кратир, —
И боги мы, и нам никто не страшен.

Но знаем: ненадолго мы в гостях,
И на глоточек лишний жадно метим,
Сжимаем хлеб преломленный в горстях
И прячем от стола объедки детям.

Для новых бражников нужны места —
И смена яств идет в высокой зале,
И нас, еще не вытерших уста,
Уводят спать. А пир бушует дале.

«Я примирилась, в сущности, с судьбой...»

Я примирилась, в сущности, с судьбой,
Я сделалась уступчивой и гибкой.
Перенесла, что не ко мне – к другой
Твое лицо склоняется с улыбкой.

Не мне в твой зимний именинный день
Скобленный стол уставить пирогами,
Не рвать с тобою мокрую сирень
И в желтых листьях не шуршать ногами...

Но вот когда подумаю о том,
Что в немощи твоей, в твоём закате —
Со шприцем, книжкой, скатанным бинтом —
Другая сядет у твоей кровати,

Не звякнув ложечкой, придвинет суп,
Поддерживая голову, напоит,
Предсмертные стихи запишет с губ
И гной с предсмертных пролежней обмоет —

И будет, став в ногах, крестясь, смотреть
В помолодевшее лицо – другая...
О Боже, я в мольбе изнемогаю:
Дай не дожить... Дай прежде умереть.

Пасха Христова

Евангельской простоте,
Евангельскому веселью
Раскрыты недели те,
И двери раскрыты в келью,

И сдвинут, как камень, пост,
Виниться нельзя и не в чем,
И с краешка крыши дрозд
Орудует горлом певчим.

Кругом обступает меня,
По дому вихрем летая,
Ребячья, щенячья возня,
Ликующая, святая!

Вбегают в пасхальный свет,
Смеясь и ласково вздоря,
Как будто и не было лет
Немого железного горя,

Как будто зелёный венец
Апрелем для них уготован.
Как будто не завтра конец —
Как будто...

И падает слово.

Ант (Трипольский) Владимир Николаевич (1908–1980) – поэт, художник-график

Родился в Киеве в семье директора женской гимназии. Отец умер рано и его с сестрой воспитывала мать. Получив техническое образование, работал инженером-гидротехником на строительстве речного порта.

В сентябре 1943 г. вместе с потоком беженцев оказался в Германии, а в 1951 году эмигрировал в США: жил в Нью-Йорке, а с 1964 в Сан-Франциско, принимал деятельное участие в общественной и в работе кружка поэтов и писателей «Литературные встречи»

Стихи начал писать еще в Советском Союзе, но не печатал.

В 1964 вышел его первый сборник стихов «Мои танки: лирические миниатюры» с рисунками С.Л. Голлербаха и предисловием Вяч. Завалишина. «Танка» – форма японского стиха, означает «короткая песня». Танка не знает рифмы, но имеет ритм и состоит из пятистишия и 31 слога. В своих лирических миниатюрах Ант не соблюдает этих требований, но стремится сохранить философский характер стиха, придать японской лирической танки русский дух, внести в ее содержание радости и скорби жизни русского эмигранта.

Несколько стихотворений Анта посвящены животным, в том числе, маленькая поэма «Двугорбый», построенная на реальном факте спасения его заболевшего отца в степных сугробах на санях, запряженных обозным верблюдом.

Ант едва ли не единственный в литературе послевоенной эмиграции, кто создал стихотворную сказку для детей «Мал-Кок-Тит» (1966) – рассказ про желудевых человечков. Отпечатанная в Испании на мелованной бумаге с 28 черно-белыми рисунками художника А. Бобра, она является образцом книгоиздательства.

В дальнейшем Ант работал в таких поэтических жанрах, как поэмы, баллады, сонеты и басни.

В 1971 году он выпустил книгу «Песни Космоса и Земли».

В 1977 с предисловием проф. М. Губерта издана книга стихов – «По следам Баяна», куда в цикле «Бессмертные» вошли поэмы «Достоевский», «Драматург Островский», «Русский гений Пушкин», «Великий Петр». Цикл «Наша романтика» утверждает красоту мира вопреки злу и ужасам бытия. «Ищите красоту не только там, где чисто, – пишет Ант, – Но даже среди руин, где пауки и прах». Исторический интерес представляет стихотворный рассказ поэта о переезде ди-пийцев в США («Исход из Старого Света»). Точностью наблюдений и оригинальностью формы отличается цикл «Собачьи сонеты» («Овчарка», «Дворняжка», «Бульдог», «Такса» и др.). Завершается книга циклом романтическим «Песни бриза», включающим в себя «Флоридские мелодии» и «Гавайские мелодии».

После смерти поэта в 1982 его вдова Людмила Владимировна Трипольская (Стоцкая) издала сборник неопубликованной лирики поэта «Прощальный ветер», куда вошли стихотворения о Киеве, поэма о Лермонтове и басни-сатиры.

Сочинения

Мои танки. Лирические миниатюры. – Н.-И., 1964

Мао-Кок-Тит. – Сан-Франциско, 1966

Песни Космоса и Земли. – Сан-Франциско, 1971

По следам Баяна. – Сан-Франциско, 1977

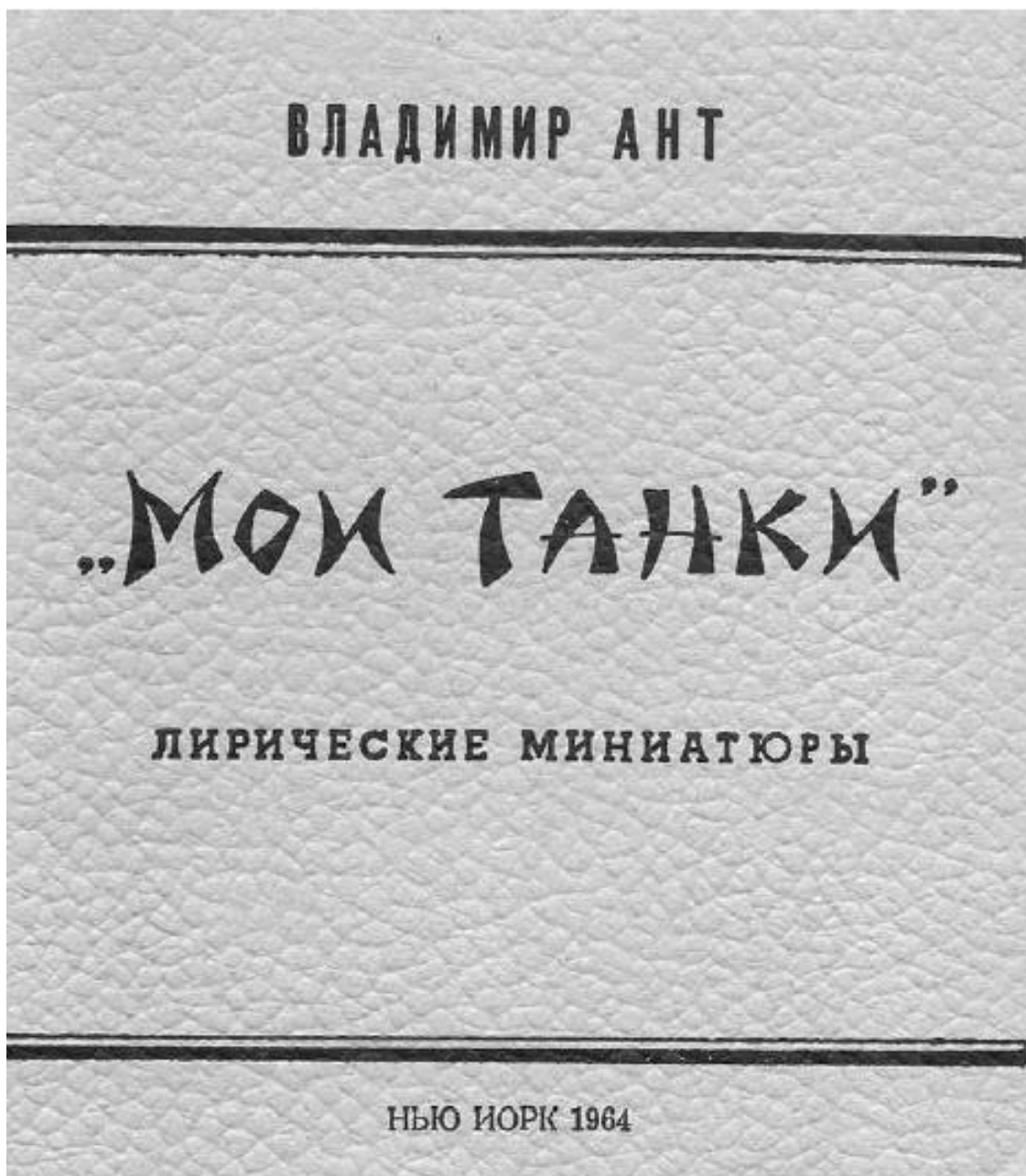
Прощальный ветер. – Сан-Франциско, 1982

О танке и танке (Вместо вступления)

Японская лирическая танка
Весьма отлична от стального танка.
Танк – это злой и грубый великан,
Который ходит всюду гибель сея,
А танка – бабочка дальневосточных стран,
А танка – нежная лирическая фея!..

Журавли

Летят на юг высоко журавли,
И листья желтые шуршат в моем саду,
И грустно мне уйти с моей земли,
И знаю я, что больше не приду...

Катастрофа

Я катастрофу видел проезжая,
Нагромождение вагонов и колес.
Казалось, то страна моя родная
На полной скорости сорвалась под откос.

Одиночество

Мычат коровы. Сизый пар
Клочками тянется с реки.
Весенний вечер. – «Ты не стар,»
«Но одинок...» Жужжат жуки...

Стриж

Подбитый стриж по берегу болота
Поспешно ковылял и волочил крыло.
Он мне меня напомнил отчего-то.
Не так ли я подбит невидимой стрелой?

Камень

Лежит здесь камень, видимо, давно,
А я стою и думаю над ним.
Пройдут века, но камню все равно,
А думавший рассеется как дым...

Сказка

Всплыла луны серебряная маска.
Мелькнул летучей мыши силуэт.
Казалось мне, сейчас начнется сказка.
Я ждал и ждал, а сказки нет как нет...

Тень Апокалипсиса

Как жаль, что славный город Сан-Франциско
На берегу холодных бурных вод
Впал в мерзость запустенья и невзгод.
По улицам ходить нельзя без риска,

Как по губам у пасти василиска,
Что стал гнездом пороков, гнусных мод,
Лохматых лбов, чудовищных бород,
С моралью, павшей небывало низко,

С господством разрушительных идей,
С людьми, что непохожи на людей.
И ждешь, как для Содома, наказания

И веришь, что наступит страшный миг,
Как говорят индейские сказанья,
Когда в волнах исчезнет материк.

Сенбернар

Он роста колоссального и силы,
Косматый, вислоухий великан,
В стране, где высится среди гор Монблан
И где солдат суворовских могилы.

Там тропы горные таят обман,
А пропасти туманны и унылы.
Но начеку бывают старожилы,
Когда в метель сигнал тревоги дан.

Давно в горах суровые монахи
Породу этой вывели собаки.
И путника, застрявшего в снегах.

Она находит с сумкой санитаря.
За ней спешат и горец, и монах,
Благословляя службу сенбернара!..

Тихий Океан

Он, верно, «Тихим» назван был в насмешку,
Холодный, бурный этот океан,
Над чьими побережьями туман
С беснующимся ветром вперемешку.
Неукротимый в ярости титан,

За кем луна ведет ночную слежку
И чьи приливы двигает, как пешку,
К далеким берегам различных стран.

Он опьянен чудовищными снами...
Родятся в нем тайфуны и цунами!
Вулканами, как стражей, окружен.

От мыса Горн до пасмурной Камчатки,
Он всюду дерзко лезет на рожон
И проявляет хищные повадки!..

Бабенко Виктория Александровна (род. 1924) – поэт

Родилась в Одессе. Уехала из России в 40-х гг. В 1959 г. окончила Гамбургский университет в Германии. Работала в журнале «Der Spiegel». В 1964–1968 гг. преподавала русский язык и русскую литературу в Институте Американской Армии в Гармиш-Партенкирхене.

Эмигрировала в США в 1968 г. Была профессором русской литературы в Университете штата Огайо (1968–1973) и в колледже Уильяма и Мэри в штате Вирджиния (1973–1989)

Стихи начала писать в школьном возрасте, но серьезно занялась поэзией только в эмиграции. Источником лирического вдохновения стали встречи в различными людьми, в том числе с вузовскими коллегами и студентами; путешествия по различным странам. По ее собственному утверждению, «стремление к свободе и духовным высотам наряду с разрушительными силами – войной, техникой и государственными репрессиями человека – занимают важную часть сборников “Грусть” (1972), «Струны сердца» (1973). Отсюда скрещение риторики и иронии со строгостью и четкостью музыкального слога».

Сочинения

Грусть. – Columbus, Ohio: Б.и., 1972.

Струны сердца – Columbus, Ohio: Б.и., 1972.

Публикации

Стихи // *Встречи*. 1990

День за днем. И не видно конца.
Месяц в тучах глядит бледнорогий
На осенние камни дороги,
На смертельную бледность лица.
В гости едет отец одноногий,
Дочь-калека встречает отца.

Осень

Желтые деревья.
Красные кусты.
Опадают перья
летней пестроты.
Ржавчиной покрылись
влажные поля.
Тихо омрачились
небо и земля.
Снова осень. Снова
в сердце грустью бьет.
Скоро всё сурово
снегом занесет.
Красные деревья.
Желтые кусты.
Годы лицемерья, —
времени кресты.

Слово

Г.Л.

1

И опять мне от тебя ни слова...
Жаром обжигает грудь.
Дикое отчаяние снова
Не дает мне ночью отдохнуть.
Вероятно, потеряли силу
Непроизнесенные слова.
Вероятно, много я просила, —
Глупая, бездомная сова.

2

На стене старинные картины —
Чей-то мир зовет издалика.
А закат в кровавые гардины
Смотрит взглядом дикого быка.
Я одна. И никого со мною.
Зарево и с окон и с углов.
Это ты со всех концов за мною
Посылаешь пламенных послов.
Выполнят приказ они суровый,
И должны меня испепелить...
Только силу снова получило слово
Мир смогло оно остановить.

Мой город

Страшен,
Страшен мой город.
Дрожит он в оковах бетона.
Тонны бетона,
Запах бензина, гудки...
Ах, эти тонны!
Под ними не слышишь ты стоны,
За ними не видишь
Зовущей на помощь руки.

Руки, вы руки!
Машете тоже не часто.
Даже и муки
Не могут вас приподнять.
Жесты страдания,
И неудачи, несчастья —
Камни терзанья...
Кого же на помощь позвать?

Молча, все молча
Спешат на работу,
С работы —
Маски – не лица!
Везде только масок толпа.
Молча и молча...
Жизнь эта дикая, волчья,
Иль это снится?
И я – чуждых нравов раба?

Лица вы, лица!
Нет, ведь это не снится:
Грустные лица,
Холоден бетон мостовой.
Даже улыбки —
Только гримасы, ужимки,
Только привычки
Потерянной жизни иной.

Холод
Тянется в душу.
Холод под солнцем палящим.
Жаркое солнце,
Оно не согреет сердец,
В камнях рожденных
И превращенных

В такие же камни,
Где человек – лишь делец.

Страшен,
Страшен мой город.
Дрожит он в оковах бетона.
Тонны бетона,
Запах бензина, гудки...
Ах, эти тонны!
Под ними не слышишь ты стоны,
За ними не видишь
Зовущей на помощь руки.

Березов (Акулыпин) Родион Михайлович (1896–1988) – поэт, прозаик, мемуарист, публицист, артист-песенник

Родился в с. Виловатое (Поволжье) в семье крестьянина, был 13 ребенком. От матери – первой поселницы в деревне, от отца – балагура и рассказчика и старшего брата – гармониста усвоил любовь к песне и частушке, пляске, играл на балалайке.

С 1915 года до 1923 года работал учителем с. Сорочинском, г. Бузулуке, с. Виловатове, Самаре, Москве.

В 1923 году переехал в Москву и 2 года учился в Литературном институте им. Брюсова, входил в литературное объединение «Перевал». Был близким другом Сергея Есенина. Позднее написал о нем воспоминания («Новое русское слово», 16.11.1975). Дружил с Василием Наседкиным, Сергеем Клычковым и Петром Орешиним. Встречался с В. Маяковским, Б. Пастернаком, Демьяном Бедным, А. Твардовским, М. Волошиным, О. Мандельштамом, В. Мейерхольдом, И. Москвиным

В первый раз напечатался в уездной бузулукской газете «Свободное Слово» в марте 1917. Стихи (в том числе детские) писал в 1923 года, прозу – с 1925. Особый успех имел сборник «О чем шептала деревня» (1925). Его книги были замечены А. Воронским (1927) и М. Горьким (1929). Предисловие к его сборнику очерков «Развязанные снопы» (1927) написал Федор Раскольников. Пьесу «Окно в деревню» поставил В. Мейерхольд (1927).

Мобилизованный в 1941 г. по «писательскому призыву» в народное ополчение, 5 октября того же года в бою под Ельней попал в плен и был отправлен в Германию, после освобождения американскими войсками оказался в лагере для перемещенных лиц под Зальцбургом.

Р. Березов назвался поляком, уроженцем Люблинской губернии и примерно в 1950 г. переехал в Соединенные Штаты. Преподавал в школе военных переводчиков в Монтерее (штат Калифорния).

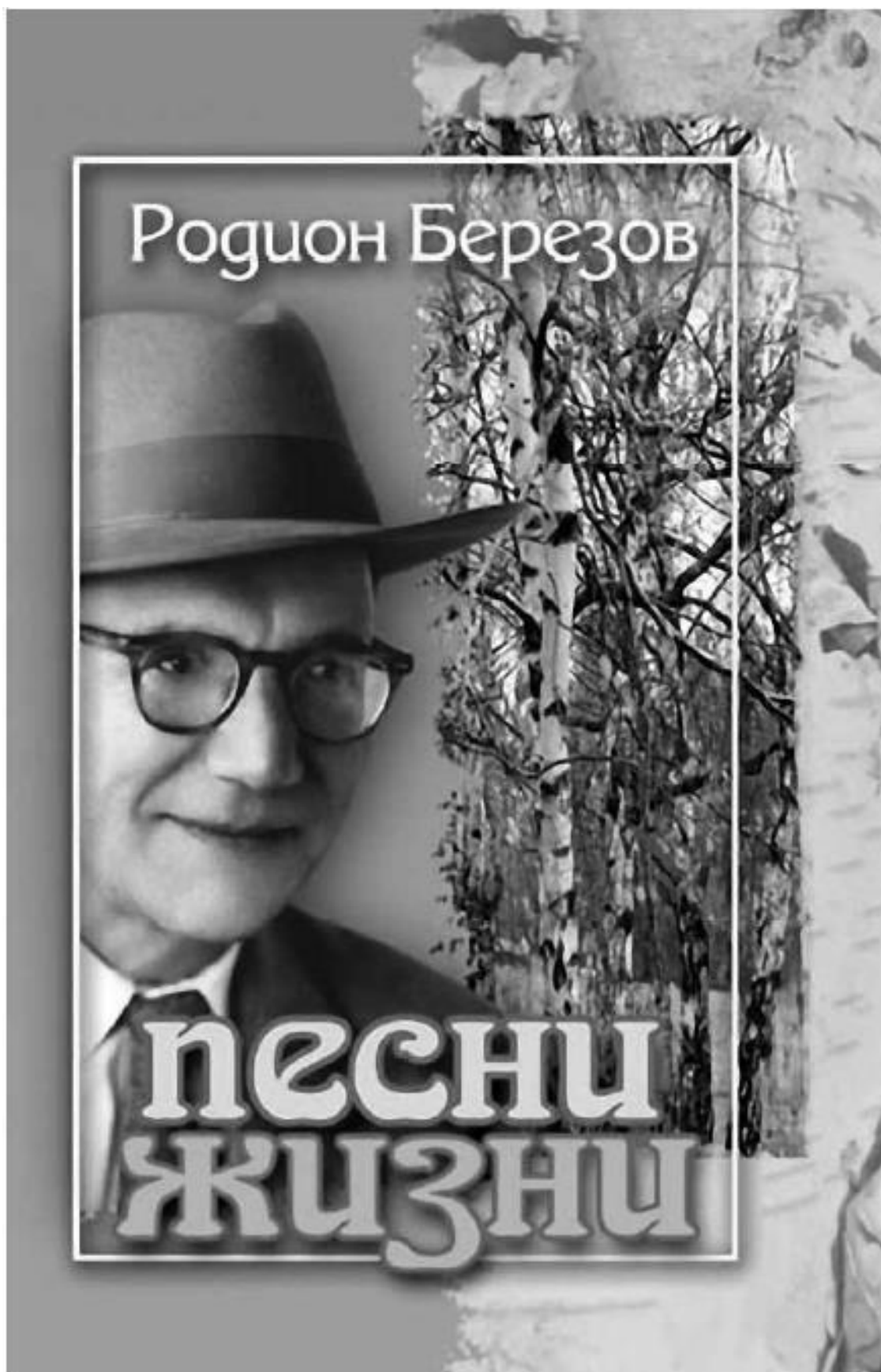
В 1953 году Березов принял баптистское вероисповедание.

После принятия закона о перемещенных лицах при оформлении документов признался, что скрыл свою истинную фамилию и гражданство. Против него было возбуждено уголовное дело, грозившее депортацией на родину. Лишь в 1958 году благодаря широкой защите общественности (в том числе А.Л. Толстой) сенатор Дж. Кеннеди внес в Палату представителей

законопроект о легализации иммигрантов, которые при въезде дали о себе неправильные сведения, чтобы избежать выдачи большевикам по Ялтинскому договору между СССР и западными союзниками. Принятый закон позволил 25 тысячам бывших советских граждан, имевших, как тогда говорили, «березовскую болезнь», легализовать свою жизнь в Америке.

Последние годы жизни писатель провел в доме для престарелых, прикованный к постели, и скончался в 1988 году в Ашфорде (штат Коннектикут, США).

Березов – один из самых плодовитых авторов послевоенной эмиграции. Им написаны песни и частушки, воспоминания («Что было» и др.), целый ряд поэм на темы Ветхого и Нового Завета, роман «Разлука» (1970), сатирические рассказы – всего около 24 книг.

Уже заголовок первого сборника Березова «Веруй, надейся и жди» (1948) дает представление об оптимистическом мировосприятии автора, идущего как от фольклора, так и от хри-

стианской традиции. О добродетелях русских людей, их самоотверженности и религиозности писатель рассказал и в прозе («Русское сердце», 1954). Убеждение, что «где б ни был я, Господь со мною» и «я солдат из армии Господней» проходит через все творчество поэта. «На склоне лет, в чужой стране, / Когда кончается дорога, / Остались две отрады мне: / Писать стихи и славить Бога» («Две отрады», 1955), – писал Акульшин. «Мне хочется, чтоб в строчках расцвели / Все краски мира, все земные трели», – скажет он в одном стихотворении; «твори восторженно» – в другом. «В моей душе добро всегда сильнее зла», – напишет в статье «Вступление к словесным излияниям». Это не значит, что поэт не видит зло мира (в целом ряде его произведений рассказывается об этом), не испытывает ностальгию по утраченной родине, но он верит в «свободную Россию» («Будем верить», 1953; «Возвращение», 1954; «Наш путь», 1954 и др.). Березов уверен, что «все немудрые оковы» стряхнет «радость бытия». Даже драматический судьбоносный разговор ди-пийца с американским офицером Березов передает с мягким юмором («На скрининге»). И лишь в поздних сборниках поэта появятся «Грустные строки» и драматические сомнения в человеческой природе («Меньшее зло»).

Значительный интерес представляют мемуары писателя «Лебединая песня» (1978) содержащие воспоминания о С.А. Есенине и В.Э. Мейерхольде, Демьяне Бедном и А.Т. Твардовском, о жизни литературно-театральной Москвы 1920-30-х годов.

Сочинения

Веруй, надейся и жди. – Зальцбург, 1948.

Дождь и слезы. – С-Франциско, 1951.

Народные жемчужины. Рассказ и 555 частушек. – С-Франциско, 1951.

Далекое и близкое. – С-Франциско, 1952

Радость: стихи. – Лос-Анжелос, 1953

Русское сердце. – США Б.м.: Б.и., 1954

Песни души. Стихи. – С-Франциско, 1955

Золотая ракета. – 1956

Пророк. – С-Франциско, 1957

Что было. – С-Франциско, 1958

Йосиф Прекрасный. Сб. поэм на библейские сюжеты. – С-Франциско. 1959

Окно в Евангелие. – С-Франциско, 1960

Чудо (Сб. рассказов и стихов). – Н.-Й., 1960

Иов. Поэма о многострадальном Иове и о страданиях нашего времени. – Н.-Й., 1962

Красота. – Н.-Й., 1963

Вечно живет. Т. 1 – Н.-Й., 1965

Разлука. Т. 2.-Н.-Й., 1966

Все новое. – Монреаль, 1966

Раздумья. Лирика. – Калифорния, 1966.

До заката. Стихи. – Майами, 1973

Лебединая песня. – 1978

Лебединая песня: [Репринт, изд.]. -М.: Протестант, 1991.

До заката: [Стихи]. – М.: Протестант, 1993.

Публикации

Больш//*Возр.* 1971. № 233.

Год уничтожения //*Возр.* 1952. № 23; 1953. №№ 25–27.

Закрытые двери //*Возр.* 1956. № 54.

Отчаяние //*Возр.* 1950. № 9.

По советской провинции // *НЖ.* 1953. № 33.

Проданное на слом // *Возр.* 1956. № 52.

Сестра // *Лит. совр.* 1954.

Усталость // *Возр.* 1951. № 13.

Песня

В печали и в тревоге
Бегут за годом год.
Тропинки и дороги
Влекут всех нас вперёд.

В душе то грусть, то жалость,
То сумрак, то просвет.
С тоской всегда сражаясь,
Спешим купить билет.

Коль мыслей нет о смерти,
Исполнится мечта.
Друзья мои, поверьте,
В движеньи красота.

«Чужие страны, люди, города...»

Чужие страны, люди, города,
Но в полночь надо мною, как родные —
Стожары, Орион, Полярная Звезда,
Медведицы – орехи золотые.

В далеком детстве, летнею порой,
Я спал в телеге, на душистом сене,
А надо мной – веселый звездный рой,
И Млечный Путь в белесо-мутной пене.

Казалось, будто звезды говорят,
Что сделать, чтобы людям лучше стало...
Лишь утренняя, ранняя заря
Небесную беседу прекращала.

В войну, когда нас посылали в бой,
Веления Творца позабывая,
Как и всегда над нашей головой —
То звезды, то лазурь небес без края...

Где б ни был я, с какими бы людьми
Судьба меня в скитаньях ни сводила,
Я слышу глас неведомый: «Вонми,
Тебя ведет Божественная сила!»

1949

«Где жизнь творить – мне все равно...»

Где жизнь творить – мне все равно,
Где б ни был я, Господь со мною.
Им все ко благу решено:
В пустыне Он струит волною,

Во мраке Он горит звездой,
В алканьи щедро насыщает,
Идет за плугом бороздой,
В тюрьме несчастных навещает.

Порой неправдой потрясен,
Порою пытками измучен,
Я не погибну, если Он
Со мной в скитаньях неразлучен.

1950

Клубочек жизни

В хороший день – хорошие слова.
Душа поет, не плача, не стеная.
Перед глазами – неба синева
И живописность вечная земная.

Вдали стеной лиловые леса,
Вблизи луга и мотыльков порханье,
И облаков спешащих паруса,
Как в дни разлук платков и рук маханье.

Всю красоту и неба и земли
Не раз творцы великие воспели.
Мне хочется, чтоб в строчках расцвели
Все краски мира, все земные трели.

Как это сделать, Боже, подскажи,
Ведь Ты – Художник: нет таких на свете!
Что лучше синих васильков во ржи
И музыкальных птичьих междометий?

Я удивлен Твоею добротой
И щедростью, которой нет предела.
Мне жизни крикнуть хочется: «Постой!»
А жизнь летит, как до сих пор летела.

Остановить ее ничем нельзя,
Бесплодны все усилья и попытки.
Но пусть земная краткая стезя
Подобна будет золоченой нитке.

Та нить давно протянута к Творцу —
По рвам, горам, путям и бездорожьям...
Клубочек жизни катится к концу —
К той цели, что зовется Царством Божиим.

Мечтатель

Мечтал я мальчиком – немало
Свершить в преклонные года.
Пора преклонная настала,
Но от свершений ни следа.
Мечты предстали заблуждением,
Повержен счастья пьедестал.
И ныне стало наслаждением:
Мечтать, чтоб мальчиком я стал.

Грустные строки

Земля, земля, безропотная странница,
О, как устала ты с людьми скорбеть.
Исчезну я, но красота останется,
И будут так же утром птицы петь...

Жизнь не замрет, лишь для меня, несмелого,
Закончится цветов и звезд парад.
Березка возле дома опустелого
Заплачет янтарями в листопад.

Навек замолкнут выступленья устные —
Что ж делать? Знать, всему – своя пора.
Ах, почему такие строки грустные
В тетрадь заносятся из под пера?

Меньшее зло

Святой Антоний льнул душой к святыне,
Упорством он боролся с сатаной
В безлюдной и безжизненной пустыне,
Где изнуляли и песок, и зной.

И одержав не малые победы,
Он к людям шел бороться со грехом,
Но на него обрушивались беды,
И сатана казался меньшим злом.

К пескам, колючкам, возвращаясь снова,
Он отдыхал душой и телом там
От яда человеческого слова
И от грехов, бегущих по пятам.

1973

Закон сердца

Немцы отступали.

– Где жена и дети? Успели эвакуироваться в первые дни войны или пережили оккупацию со всеми ее ужасами? – думал Николай Кораблев. – Повидаться бы со своими, побыть вместе хоть полчаса, а потом снова гнать неприятеля – до Берлина и дальше... до полного уничтожения.

Как лейтенант запаса Николай Кораблев был мобилизован в первый день войны. Вечером на станции провожали жена и дети. Последний взлет белого платочка, машущие ручки малыша на руках матери, заплаканное лицо старшего... И с тех пор жизнь разделена на два не сообщающихся мира: ни одной открытки от него, ни коротенькой весточки от них. Был человек – и нет. Была семья – и остались только воспоминания.

Малыш при расставании умел говорить два слова: «Мама» и «Папа». Старший учился уже во втором классе. Прошло два года. Теперь, конечно, выросли, поумнели, погрустнели.

Жди меня – и я вернусь,

Только очень жди.

Кто не знал этого стихотворения наизусть среди бойцов и командиров?

Передовая часть приближалась к родному городу. Отступая, немцы сдерживали натиск атакующих, отдавая желанные минуты свидания Николая Кораблева с семьей.

О, этот трепет всеобъемлющего нетерпения! Как будто горит дом, а в доме семья, и нет никого, кто бы вывел ее из пламени. Это сделает только он, но его не пускают.

– Потерпите еще день... еще час, – умоляет он всем напряжением любви.

Город занят. Но что это? Где улицы, скверы, красивые здания? Всюду развалины, обломки, угли, зола... А среди всего этого – бункера, окопы, блиндажи.

Николай бежит на свою улицу – «Имени Тимирязева», но улицы нет. Не уцелел ни один дом. Напротив была водопроводная колонка. Вот она. За домом был садик. От него остались обгорелые кустики.

Николай бродит по двору, среди обломков кирпичей. Найти бы хоть что-нибудь, напоминающее о своих... Вот корешок какой-то книги. Наклоняется. Поднимает. Разглядывает. Боже мой: это уголок от альбома с семейными фотографиями... Значит, ничего не успели вынести из дому. Что стало с ними? Где они? Спаслись или погибли? У кого спросить? Как напасть на след?

Тяжелое, жгучее, мешающее дышать разрастается в груди – отомстить! За все: за разорение, за гибель близких, за уничтожение родного гнезда, за горе и слезы!..

Каждая радио-передача вопит:

– Убей немца!

Плакаты, в тот же день развешанные на развалинах домов убеждают:

– Убей немца!

«Жди меня – и я вернусь»...

Но как могут ждать мертвые?..

– Мстить! Мстить без жалости! Без содрогания! Не может быть речи ни о какой человечности! Убью первого живого человека на немецкой земле, кто бы он ни был! Пусть девушка, пусть старуха, – все равно! Немцы убивали наших родных матерей и жен... Какое мы имеем право на милосердие?

Волна наступления, нарастая, катится на запад. Земля врага приближается. Скоро! Скоро!

Вся рота любит Николая Кораблева. Все знают о его решении – убить первую живую душу на немецкой земле.

– Товарищ командир, коль понадобится помощь, кликните меня.

– Спасибо, обойдусь без помощи!

Два года накаливалась мстью душа. И вот наступил январь 1945 года. Отдан приказ:

– На Берлин!

Страшная техника, сокрушая все на своем пути, движется неумолимой лавиной. Все большее заноза в душе Николая Кораблева:

– Убить на немецкой территории! Все убитые до сих пор в русских и польских пределах, не в счет!

Раннее утро. Какой-то хутор. Радио об'являет:

– Товарищи! Мы в пределах Германии! Николай бежит: «Не будет пощады!»...

Но вместо хутора – пепел, развалины, все сметено артиллерийским огнем. Ни одной живой души. Какая досада!..

Но что это за вздохи и стоны под досками упавшего забора?

– А, вылезай, голубчик!..

Мальчик. Лет десяти – бледный, изможденный, перепачканный, испуганный, качающийся от голода, холода и ужаса.

Николай Кораблев лихорадочно выхватывает из кобуры револьвер, а мальчик протягивает тонкую дрожашую рученку:

– Майн Герр... штикхен... брот... битте...

Опустилась рука с револьвером. Угас огонь, два года толкавший вперед. Вспомнился свой, старший. Ему теперь столько же. Может быть так же когда-то прятался под забором, так же умолял немецкого офицера о маленьком кусочке хлеба... Убил ли его за эту просьбу офицер?

– Как зовут?

Мальчику непонятен вопрос на чужом языке.

– Ну, Фриц, Петер, Пауль?..

Голодное существо догадывается: спрашивают имя.

– Иоганнес...

– Вон оно что... Иван, значит?.. И у меня такой же... И звать Ванькой... Как же я тебя убью?.. Повезло тебе, хлопец... Не подымается рука... Двухлетний накал – впустую... Ну, ничего, может быть это даже к лучшему... Есть хочешь?.. Во тебе сухари, копченая колбаса, шоколад...

Подбежали красноармейцы.

– Товарищ командир! Это что же значит? Хотели убить, а вместо этого отдали весь неприкосновенный запас?

– Мало ли чего болтает язык?.. У сердца свои законы и приказы... На сынишку похож... И зовут так же: Иваном.

– Гут морген, немецкий Ваня!

– Обманул тебя твой фюрер!

– Обещал весь мир, а дал погибель! – шумят красноармейцы, а сами закутывают мальчика в шинель, суют конфетки.

Грязное лицо малыша освещается подобием улыбки. В этом выражении надежда:

– Не убьют эти люди, о которых он слышал много страшного от родителей, учителей и священника.

1953 г.

На скрининге

Американец сидит за столом с бумагами. Подходит дипист. Молча приветствуют друг друга вежливыми поклонами. Американец жестом приглашает сесть.

А. Ду ю спик инглиш?

Д. Никс ферштейн.

А. Шпрехен зи дойч?

Д. Чутько шпрехаю. Только самую малость.

А. Говорить по-русски? Я хоть и американец, но русского происхождения. Дома, в семье, мы говорим только по-русски. Расскажите откровенно о себе. Вы понимаете меня?

Д. Ну ещё бы! Кто ж русского языка не понимает! А насчёт откровенности не сумлевайтесь, всё будет точно, как в аптеке.

А. Значит, приступим к скринингу. Имя и фамилия?

(Дипист роется в карманах, что-то бормочет про себя)

Д. Да где ж она проклятущая?! Всё время в руках держал!

А. Вам понятен вопрос? Имя и фамилия?

(Дипист перестаёт шарить по карманам)

Д. Придётся, видно, без записки говорить. А-а... моё имя, стало быть, спрашиваете? – Иван, то есть нет, нет... – Осман. Осман Кату шкин.

А. Осман? А почему ж в прежней анкете написано: «Абдул»?

Д. Так-так, правильно! Абдул! Спасибо, что напомнили! Это я себя с батькой спутал. Батьку, действительно, Османом кликали, а меня – завсегда Абдулом.

А. Когда родились?

Д. Это знаю точно, никак не собьюсь. В год вступления на престол его императорского величества, государя императора Николай Александровича в 1894 году.

А. А месяц и число?

Д. Таких точностей не помню.

А. Где родились?

Д. Ну... в этой... как её... ну... в Турции!

А. О! Так вы, значит, турок?

Д. А как же. Самый, можно сказать, закоренелый.

А. И, конечно, говорите по-турецки?

Д. Не-а, это особая статья, уж больно трудный ихний язык. Ну, прям неподсильный для нашего брата.

А. А почему ж так хорошо говорите по-русски? Возможно, родились в Турции, а жили в Советском Союзе?

Д. Что вы, что вы, да я этого проклятого СССР никогда и в глаза-то не видал. А по-русски, ну как же не говорить, коли так уж испокон веков заведено? Как деды и прадеды... Нам, окромя русского, никакой другой язык в голову не лезет.

А. Хорошо. Пусть так. Значит, родились и проживали в Турции. Где именно? В какой местности?

Д. Турецкого названья не припомню, но говорю без обману, что от Курска не менее 20 километров в сторону. Ежели говорить по-русски, то вроде как бы колхоз.

А. Колхоз? Недалеко от Курска? Так разве это в Турции?

Д. Извиняюсь, господин Скрининг, я малограмотный, географию не проходил, разве ж мыслимо все турецкие места удержать в голове наизусть?!

(Дипист опять шарит по карманам и достаёт бумажку)

Ага, вот она! Мне вчера наши ребята кое-что записали, что б я, значит, не растерялся.

А. Хорошо.

(Американец закуривает и угощает диписта. Последний читает бумажку).

Д. Так-так, вот, правильно. Абдул Катушкин, родился в 1894 году в забытом месяце, верно. Ну вот, и не Курск, а Карс! Видите? Почти то же самое, только у меня выговор-то не турецкий, а твёрдый, российский.

А. Ну, а колхоз?

Д. Да не колхоз! А видите – кишлак! Ах-ха-ха-ха! И придумают же названия! «Кишлак»!. Чудные эти турки! Право слово – чудные!

А. Чем занимались в Турции?

Д. И-и-и, чем! Был, как и все, самым рядовым колхоз...тьфу ты...э-э...самым рядовым турком, в полеводческой бригаде.

А. А до какого года?

Д. Да это уж не иначе как до 1939.

А. А дальше?

Д. А дальше тоже, как по нотам. Вот у меня всё тут записано. «С сентября 1939 года по сентябрь 1944 в польском городе с чесноком». Нет, погоди, что-то не так, с каким же чесноком... Васька спешил и плохо накорябал...

А. Может, Ченстохов?

(Дипист вглядывается в шпаргалку)

Д. Пра-авильно, Ченстохов! Это уж я сам виноват, не разобрал.

А. А в Германию как приехали, добровольно или принудительно?

Д. Да где там добровольно! Разве оттуда сам добровольно выдерешься?! Принудительно немцы вывезли, спасибо, всё-таки вытащили из того окаянного лиха.

А. А где работали в Германии?

Д. А мы все пятеро, земляки то есть к богатому бауэру под Мюнхеном.

А, Земляки? Значит, все турки?

Д. Какой там! – Все разные нации. Один я – турок. А Никита Сундуков – галичанин, Семен Вахромеев – итальянец, Матвей Чупоров – персиянин, Захар Овечкин – индус, а Васька Самородов – халдейского племени. Это мы все твёрдо заучили, пять вечеров бились.

А. Как вам жилось у бауэра?

Д. Да конечно, хвалить-то надо погодить, иначе всё-таки лучше, чем в окаянном колхо... то бишь... э-э...в кишлаке-то том самом... эх, да что там уж!., в советском раю-то, стало быть!

А. А с какого времени в лагере Ди Пи?

Д. Как все – с 1945 и по сей момент.

А. А обратно на родину хотите?

Д. Ох... и не спрашивайте. До чего хочется на родину, на родимую сторонущку, что, кажется, босиком бы, в ночь бы, в ненастье побежал бы туда, ведь там у меня, господин Скрынинг, жена осталась, детишки. Чай, понимаете?

А. Очень хорошо понимаю. Так можно хоть завтра?

Д. С превеликим удовольствием, хоть и сегодня, если сегодня там сатанинская власть сгинет в тартарары! А покуда она там существует, потуда и разговору нет. Понятно?

А. Ну а куда бы хотели?

Д. В любую страну, только не в большевицкую! На любую работу, только не к большевикам. Тут весь мой сказ и последнее слово. Хорошее, серьёзное слово.

А. Я прекрасно вас понимаю. Вы нас тоже должны понять. Зачем «Абдул», зачем «кишлак», зачем вся эта шутка?

Д. Милый ты мой, господин Скрынинг! Не шутка это, а с перепугу всё делается, Не знаешь, что придумать, в какую нацию записаться, чтоб на красную живодёрню не попасть. Знаете

вы, как мы все намучились, как настрадались-то. Ну, а ежели пошло на чистоту-на совесть, завтра приду с утра и расскажу всё без утайки, как на исповеди, можно?

А. О кей.

Д. За сегодняшнее простите, завтра другое будет. До свиданья, добрый человек.

А. О' кей. До свиданья, до завтра.

Бернер (псевдоним – Божидар) Николай Федорович (1890–1969)⁶⁴ – поэт и литературный критик

Родился в Киеве. После окончания там гимназии получил юридическое образование в Московском университете. Одновременно посещал лекции по истории и литературе на филологическом факультете. Впервые арестован в Москве в 20-годы. Некоторое время жил в Брянске и Калуге. В мае 1933 года осужден тройкой ОГПУ по статье антисоветская деятельность. Отбывал срок в лагере на Соловках. «Моя жизнь после пребывания на Соловках, – писал Бернер, – перемежалась тюремными отсидками», между которыми он, лишенный права жить в больших городах, скитался по России. Последняя высылка была в Воронеж.

Во время войны попал в Зальцбург, затем в Мюнхен, где выполнил для Института по изучению СССР работу «Внутренняя эмиграция и интеллигенция на Соловках».

В дальнейшем переехал во Францию, где бедствовал. В начале 1950-х попал в туберкулезный санаторий глухого поселка Уссу (Ous-soulx) при Главном управлении Российского общества Красного Креста (департамент Верхняя Луара). В 60-е годы находился в старческом доме в Орлеане в полном отрыве от литературной жизни.

Литературным творчеством Н. Бернер занимался еще до революции. Своим учителем считал В. Брюсова, посвятившего Бернеру сонет «Немеют волн причудливые гребни» (1912). Поэт выпустил 2 небольших сборника стихов «Одиннадцать» (1915) и «Осень мира» (1922). В начале 20-х годов входил в кружок «Московский цех поэтов». Был знаком с О. Мандельштамом, С. Парнок, Л. Горнунгом и др.

В эмиграции поэт издал тиражом в 500 экземпляров 56-страничный сборничек стихов «След на камне», объединенных темой «людских страданий», в первую очередь, страданий узников ГУЛАГА («Кто раз на камень каземата...», «Когда б себя забыть, отбросить пережиток...»). Просветом для лирического героя Бернера служат «образы развеянных годов»: воспоминания о друзьях, о любви («если для меня в котомке дум осталось / Звено с ушедшим – я живу!»), но и они окрашены в трагические тона: «Мой одинокий диалог / С самим собой, кому он нужен».

До 1960 года Н. Бернер изредка еще печатался в «Новом журнале», чаще – в «Литературном современнике». Затем полностью исчез из литературной жизни. Характерно, что редакторы антологии «Содружество» (1966) сопроводили публикацию стихов тогда еще живого поэта примечанием: «Дата смерти Николая Бернера нам не известна».

Сочинения

След на камне / Предисл. Божидара. – Зальцбург: Колумб, 1955.

Публикации

Воспоминая // *НЖ*. 1953. № 34.

Из цикла «Раздумья» // *Лит. совр.* 1952. № 4.

«Как будто через много лет...» // *Совр.* 1960. № 2.

«Какое в огнях возрастанье надежд!..» // *НЖ*. 1955. № 43.

«Неповторимое всего дороже...» // *Лит. совр.* 1952. № 3.

«Проходят Времена! Еще пирует осень...» // *Лит. совр.* 1954.

Разговор с музами // *Лит. совр.* 1954.

⁶⁴ М. Юпп с присущим ему апломбом настаивает, что поэт родился в 1893 г. Однако в «Книге памяти Калужской обл.», составленной на основе арестантского дела Бернера, указан 1890. Сам поэт также указывал именно 1890.

Раздумье //НЖ. 1954. № 37.

Робинзон Крузо //Лит. совр. 1954.

Слово другу //Лит. совр. 1952. № 4.

Стихи //Лит. совр. 1952. № 4.

«Там под ивой свиданье и ласки...» // Совр. 1960. № 2.

«Кто раз на камень каземата...»

Кто раз на камень каземата,
На хладный сей гранит поник,
Тому, как праздник голос брата,
И – ч е л о в е ч е с к и й язык.

Я постигаю ненароком
Такие шорохи тоски,
Каких не ведают в далеком
Пространстве... Это – Соловки.

«Когда б себя забыть, отбросить пережиток...»

Когда б себя забыть, отбросить пережиток
Всех чуждых лет, но нет запрета снам.
А память разворачивает свиток
Такого горя, что по временам
Боюсь понять, как вынесло сознание
Всю эту тяготу на каменных плечах.
Пусть затухает свет! Последнее дыханье
Рождает жажду жить и не дает молчать.
И вырывается единственное слово —
То слово – Родина! Какой упорный дух
Терпенья и тоски, какая сила зова
Н е о б о р и м о г о! Когда бы слух
Из мрака уловил шаги событий,
Хотя бы луч один прорезал мрак,
С тягчайшим буднем обрываю нити
И вдруг читаю: заповедный знак.
Знак мудрой нови – говорит потомок
Словами мудрости, воззваньем чувств
Сейчас невнятных Веку. Пусть не громок
Тот голос правды – ей молюсь!

Раздумье

На расстояньи многодумных лет
Родных следов не затеряла память.
Заманчивее даль и возрастает пламя
В огнях непотухающих бесед.
И утро близится проникновенной встречи,
Дух озарен видением лучей,
Лучей чудесной силы!.. Вы далече,
Далече вы, друзья, а зовы горячей.
И с верой жизнь на час не расставалась,
Вязь мудрой памяти не оборву,
И если для меня в котомке дум осталось
Звено с ушедшим – я живу!

«Слушай, непорочная Венера...»

Слушай, непорочная Венера
Мне приснилась нынче поутру.
Проплывала сонная галера
На адриатическом ветру.

И волна плескалась, убегая.
Был восход и розов и высок,
И Венера – девочка нагая
Падала на золотой песок.

Воспоминание

Когда моряк находит сон и кров,
Забыв о штормах бедственного моря,
Когда ребенок, одолевший горе,
Мужает и становится суров,
Когда любовь из будней – берегов
Вдруг вырывается и на просторе
К ней обращается далекий зов
И с ней сливается в сердечном разговоре —

Тогда в кошницы солнечных стихов
Ты опускаешь руку за подарком
От щедрой юности, а в небе ярком
Встают все образы развеянных годов...
И кажется, ты жизнь принять готов,
Как в двадцать лет, когда в полудне жарком
Ее нога ступала и тонула
В глубоком, сине-золотом песке.
Она купалась в солнечной реке,
Купаясь, гибкая на берегу уснула,
Вся молодость в забвенном далеке.

«Мой одинокий диалог...»

Мой одинокий диалог
С самим собой, кому он нужен?!
Одна из крохотных жемчужин
Над тонкой вязью тайных строк!

Порой грущу, что после смерти
Наследье избранных стихов
Кто сбережет? Увы, поверьте
Здесь нет друзей!
Во власти снов
Забиться бы! Еще сознание
Любимых в памяти хранит.
Но здесь их нет. Одно молчанье
Кругом!
Да разве загрустит
Моя душа в час расставанья
С сим захолустьем навсегда?!

Лишь обозрю тогда года
Судьбы нележкой и превратной,
Да пред лучом зари закатной
Едва затеплится звезда —
Как тень исчезну навсегда.

«Рощ бронзовых задумчивая просинь...»

Рощ бронзовых задумчивая просинь,
В ней колоннадой вставшие дубы.
Меня зовет не Болдинская осень
В торжественную сень живой судьбы.
В даль позвала тоска совсем иная.
С повязкой на глазах пошел за ней,

Рукою Дон Кихота обнимая
Обрывки ускользающих теней.
А Русская Камена, став бродягой,
Цыганствовать пошла на милость стран —
Кастальский ключ не закипает влагой,
Как осень мира – осень россиян.

«Благодарю тебя – слова не могут...»

Благодарю тебя – слова не могут
И не умеют так благодарить.
Я привыкаю снова верить в Бога
У той прохлады, где я начал жить.
Мир увидал, как давнюю дорогу,
Где ты роняешь солнечную нить...
О нежная, да, если бы любить
Как на рассвете жизни! за тревогу,
За невозможный трепет все на свете
Отдать и громко через все года
Запеть, как не певалось никогда.
И стать на час, как возгласы, как дети,
Как полдень, как нагорная вода.

Боброва (урожд. Рунг, по второму мужу Боброва-Цукерт) Элла Ивановна (род. 1911) – поэтесса, переводчик, критик-литературовед

Родилась в Николаеве (Украина), выросла и работала в Ворошиловграде (Луганске). Училась в музыкальной школе (фортепьяно), но в консерваторию не стала поступать: после ареста в 1937 г. отца, техника-приемщика паровозостроительного завода, и брата перешла на работу в кооперативно-финансовую контору. В октябре 1941 г. мать и сестра поэтессы и были высланы в Казахстан. Ее первый муж Н.Ф. Бобров вместе со всем мужским населением Луганска был вывезен из города за три дня до вступления немецких войск. Сама Э. Боброва переехала в Днепрпетровск, затем в Кривой Рог.

В 1943 г. оказалась на Западе: сначала в Чехословакии, затем в Германии.

В 1945 г. она попала в американскую оккупационную зону в Баварии, прошла через лагерь ди-пи, а в октябре 1950 г. переехала в Канаду. Некоторое время работала на швейной фабрике, затем в конторе одной из канадских фирм. Там вторично вышла замуж за композитора Л. Цукерта, положившего ряд ее стихов на музыку.

Стихи начала писать в Баварии, но публиковаться стала в 60-е годы в журнале «Современник», в создании и редактировании которого принимала участие с 1960 по 1976 гг. Печаталась также в «Новом журнале» и в «Возрождении». Пишет на русском, английском и немецком языках. Автор 6-ти книг (стихи, легенды, переводы, сказки, монография). Перу Бобровой принадлежит эпическая повесть в стихах «Ирина Истомина» («Современник», 1967. № 16).

С 1971 по 1979 г. участвовала в русских передачах Радио Канады.

За более чем сто лет жизни Э. Боброва не растратила интереса к жизни, хотя жизнь ее долго не баловала. Даже в автобиографической поэме «Ирина Истомина», состоящей из 2-х частей («1937 год» и «На Западе») лирическая героиня сохраняет оптимизм и веру в чудо. Типично для Бобровой построено стихотворение «Встреча» о вымышлении свидания лирической героини с мужем уже после войны в Крыму. «А эти речи / и у изменчивого моря встречу / я в ночь тревожную изобрела – / в Крыму с тобой, увы, / я не была». Но сама возможность представить такую встречу позволяет поэтессе утверждать: «Кто вам сказал, что сказок не бывает, / что юности годам возврата нет / и что любовь в разлуке угасает?».

Тема женской любви и переживаний составляет существенную часть поэзии Э. Бобровой. Не случайно ей принадлежит превосходное стихотворение «На смерть Анны Ахматовой» («Современник», 1966. № 13) Боброва пишет о разлуке («Апрель...», «Перрон») и о встрече («В последний раз...»), о тревоге за любимого и ревности к нему («Нет вести...»), о драме охлаждения: «Лишь дверь меж нами в темноте ночной, / А днем – Китайская стена / молчанья» («Спокойной ночи!...»).

Ценитель поэзии Серебряного века, Боброва посвятила ряд стихотворений изложению своего видения поэзии. Поэт, по ее мнению, сочетает в себе «Боязливость ребенка. / Бесстрашие льва / и святого прозренья». А в стихотворении посвященном Д. Кленовскому пишет:

Первый крик... Долгий вздох. Миг рождения, умиранья.
Жизнь и вечность – на всем
неразгаданных тайн печать.
Но прибой? Но сирень? Но любовь?.. Черепки мирозданья,
Их находит поэт и – о чудо! – легким касаньем

он умеет разрозненное
в одно связать.

(«Зарождались стихи»)

А о себе Э. Боброва сказала: «Я тайно подписала с жизнью пакт / и радуюсь цветам, / закату, / Маю». И в другом стихотворении: «Пусть тонут тени без возврата – / Ни туч теперь, мой друг, / ни ночи нет».

Критика отмечала и мастерство поэтессы как пейзажного лирика.

Э.И. Боброва переводила на английский язык стихи Ирины Одоевцевой, Ивана Елагина, Татьяны Фесенко, Клавдии Пестрово и других, на русский – эскимосские легенды.

Как критик-литературовед написала монографию «Ирина Одоевцева. Поэт. Прозаик и мемуарист» (1995), первую о творчестве этой писательницы; выступала со статьями об А. Радищеве, Д. Кленовском, В. Савине, Э. Золя, с рецензиями книг И. Сабуровой, И. Чиннова, Г. Свирского, Л. Чуковской и др.

С 1991 года печатается и на родине.

Живет в Торонто.

Сочинения

Сказка о том, как смелые снежинки помогли девочке Маринке – Торонто, 1961.

Ирина Истомина. Повесть в стихах – Торонто, 1967.

Я чуда жду – Торонто, 1970.

Янтарный сок. Стихи, легенды, переводы. – Торонто, 1977.

Autumnal Cadenza. – Oakville, 1985.

Ирина Одоевцева: Поэт, прозаик, мемуарист: Литературный портрет. – М.: Наследие, 1995.

Публикации

«Без оглядки бегут часы...» // *Совр.* 1974. №№ 26/27.

В лучах Северного сияния. // *Совр.* 1976. №№ 30/31.

В разлуке. Сонет VI. // *Совр.* 1962. № 5.

«Вдруг поворот...» // *Совр.* 1966. № 13.

Вулкан. // *Совр.* 1976. № 32.

«Давно...» // *Совр.* 1975. №№ 28 / 29.

Другу. // *Совр.* 1960. № 2.

«Зарождались стихи...» // *Совр.* 1977. №№ 33 / 34.

Ирина Истомина. // *Совр.* 1967. № 16.

Лада Николенко. // *Совр.* 1974. №№ 26 / 27.

«Лечу...» // *Совр.* 1967. №№ 14 / 15.

«На лужах лед...» // *Совр.* 1968. №№ 17 / 18.

«На острове необитаемом...» // *Совр.* 1964. № 10.

На смерть Анны Ахматовой. // *Совр.* 1966. № 13.

Не верю. // *Совр.* 1960. № 2.

О радости. // *Совр.* 1961. № 4.

Один в толпе. // *Совр.* 1962. № 5.

«Однажды в ночь дождливую, осеннюю...» // *Совр.* 1964. № 9.

«Осенний ветер, старый Казанова...» // *Совр.* 1964. № 10.

Оттепель. // *Совр.* 1960. № 2.

Песнь старика-индейца. // *Совр.* 1977. №№ 33 / 34.

Последний луч. // *Совр.* 1962. № 6.

- «Предо мной необычный портрет...» // *Совр.* 1976. №№ 30 / 31.
«С неба звездного быстрой кометой...» // *Возр.* 1969. № 214.
«Синеет небо. Розы на окне...» // *Совр.* 1963. № 8.
Стихи // *Возр.* 1971. № 229.
Стихи // *Встречи.* 1983, 1985, 1997.
Стихотворения // *Возр.* 1969. № 214.
Судьба наследия Золя. // *Совр.* 1976. №№ 30/31.
«Считаю я часы...» // *Совр.* 1961. № 3.
«Тебя я не хоронила...» // *Совр.* 1973. № 25.
Три стихотворения. – *Нов. ж.*, 1966. № 82.
«Ты болен...» // *Совр.* 1963. № 7.
«Ты никогда...» // *Возр.* 1968. № 204.
«Ты с каждым днем все дальше ускользаешь...» // *Совр.* 1965. № 12.
«Ушла...» // *Совр.* 1965. № 12.
«Шесть лет прошло. И вдруг по телефону...» // *Совр.* 1964. № 9.

Статьи

- Александр Николаевич Радищев. К 225-ти летию со дня рождения. // *Совр.* 1974. №№ 26 / 27.
Аркадий Викторович Белинков. // *Совр.* 1975. №№ 28 / 29.
Д.И. Кленовский // *НЖ* 1980. № 138.

«Здесь...»

Татьяне Фесенко

Здесь
не печальная осень вдовица:
ветру, выдавшему виды, пришлось
встретить не часто тщеславней девицу —
как ведь умеет
и любит рядиться!
Редко заметны следы ее слез.
Там в волосах еще молодо пышных,
бант завязала – ну, чистый кармин!
Здесь же подол свой пытается вышить
охрой умело – посмотришь, и вышел
наилегкомысленный
кринолин!
Тучи, влюбленные в осень, ревниво
мстят от солнца красавицу скрыть.
Солнце сильнее: лучами игриво
вдруг рассмешит и поникшую иву!
Может ли осень его не любить?
Может ли
грустною быть?..

«В последний раз...»

В последний раз
мы расставались вечером —
отцвел внезапно почему-то май.
Вот год прошел...
Вновь день встает навстречу нам
и первый утренний звенит трамвай;
шел ночью дождь
и смыл он с неба синего
все пятна туч —
я знаю почему:
и улицы, и тротуары вымыл он —
все, милый друг,
к приезду твоему.
С вокзала возвратимся
не в трамвае мы:
поток автомашин нас понесет...
Шофер такси
улыбку, нескрываемо —
лукавую, нам в зеркальце пошлет...
И позади останется вокзал —
ты словно
никогда
не уезжал

«Спокойной ночи!..»

– Спокойной ночи! —
Слышу на прощанье.
И ночь пришла.
Но где мне взять покой?
Лишь дверь меж нами в темноте ночной,
А днем – Китайская стена
молчанья.

Надеюсь.
Жду признания.
Страшусь...
И за тобою тайно наблюдая,
То вдруг ревнивых мыслей я стыжусь,
То новым подозреньем загораюсь.
Спокойна ты.
Но вижу я не раз:
Рука с иглой застынет на коленях...
Улыбка – ответ мысли – на мгновенье
Мелькнет
и оживит взгляд темных глаз...
Вновь вечер.
Ровное «Спокойной ночи».
Но знаю:
ночь
покоя
не пророчит.

Встреча

Кто вам сказал, что сказок не бывает,
что юности годам возврата нет
и что любовь в разлуке угасает?
Исчезли вдруг при встрече
двадцать лет!

В Крыму вдвоем... И, с морем состязаясь,
твои глаза меняют цвет, живут...
Разлуки нет, но как часы бегут!
И я комок тоски с трудом глотаю.

Стараясь обещание сдержать —
о будущем ни слова — мы шутили,
дразня друг друга; или фронта-тыла
события пытались вспоминать.

— А помнишь? —
с губ срывалось то и дело, — налет!
Бежать в подвал я не хотела,
и мне ты делал «страшные» глаза:
«Ты не ребенок... рисковать нельзя...»

Потом в Тюрингии:
дочь на коленях
в убежище дремала у меня;
просил рассказов сын под вой сирены
(не испытали, к счастью, мы огня),
и «мечь» была (неслись мы с ним в Диканьку,
и голос мой таинствен был и тих)
страшнее бомб, не все ль равно каких,
немецких, русских иль американских?

Отбой!
А сын все просит: «Расскажи,
колдун был в самом деле пан Данило?
Я не усну... скажи, что дальше было?»
Убежище покинуть не спешим.

Был слушатель наш сын неугомонный;
скажу: — Рассказов нет... — А он:
— Ну, вспомни
о том, как папу в играх брал я в плен... —
Ты был одной из наших «вечных» тем.

А помнишь, как тебя я провожала?

На Дон!
Согнувшись, все вы шли пешком
с узлами: ведь машин не оказалось
в поникшем городе полупустом.

Всего три дня прошло. Еще дымились
пожарища: то патриотов рать,
приказу следуя «Уничтожать!» —
в развалины заводы превратила.

Смотрели мы, глотая гнев и боль.
Окопы? Враг их просто не заметил.
В молчании врага наш город встретил,
посыпались стаккато
«Хальт!»,
«Яволь!»

Ждала. В плену? Ушел ли на погибель?
Я помню, как страдальческим изгибом
на лбу твоём морщина залегла.
Ее разглядить лишь теперь смогла:

– Я, помнишь, арией всегда дразнила
тебя «Зачем вы посетили нас?..»
– «Письмо Татьяны» потому любил я,
мне слышался твой голос каждый раз.

– А помнишь, отпуск в мае в Ленинграде?
Смеялся ты над жадностью моей:
«По счастью, вечером закрыт музей,
в Александрийском – Юрьев в “Маскараде” ...» —

Спешим!
Вот Ласточкино ждет гнездо...

Сюда мы собирались в Сорок Первом.
Ты говорил: «На этот раз – наверно!»
Разрушен первой бомбой был наш дом.

И все разрушено.
А эти речи
и у изменчивого моря встречу
я в ночь тревожную изобрела —
в Крыму с тобой, увы,
я не была.

В больнице

Синее небо.
Розы на окне.
Жизнь за окном. Я слышу шум трамвая.
Лечусь, хоть жить уже недолго мне —
все думают, я ничего не знаю.

Нет! Не хочу из жизни я уйти
теперь... теперь, когда я так богата,
когда со мною неразлучно ты —
а пред тобою так я виновата!

Я тайно подписала с жизнью пакт
и радуюсь цветам,
закату,
Маю.
Коль жизнь игра, ее последний акт
я для тебя... по-своему сыграю.

«Мне говорят: плакучей ивой, плаксой...»

Юрио Терапиано

Мне говорят: плакучей ивой, плаксой
слыла я в детстве;
в школе же не раз
за взрывы смеха «выйдите из класса!»,
я помню, строгий слышала приказ —
смеялась так, что весь смеялся класс.

Дразнили «хроматической гаммой»
за неудержный звуковой каскад.
Как выстрел,
окрик оглушил неожиданно.
Надолго всхлипом стал мой смехопад —
в класс не вернулась больше я назад.

Покрыло зрячий лоб слепое темя;
куда-то вглубь ушли и плач, и смех...
И я теперь с сутулым поколеньем,
неся слов гнева
нерожденных
бремя,
расплачиваюсь за молчанья грех.

«Боязливость ребенка. Бесстрашие льва...»

Надежде Мандельштам

*И блаженных эсен родные руки
Легкий пепел соберут.*

Осип Мандельштам

Боязливость ребенка. Бесстрашие льва
и святого прозренья, —
в светлой раме является мне обновленный портрет.
Кистью друга воссоздан для будущих он поколений.
Мир узнал, вопреки искаженьям судей,
их запретам презренным:
Был в России двадцатого века затравлен поэт.

Не умел семенить за судьей. Отрекаться.
Челом бить с повинной.
Как герой из Ламанча копье, поднимал голос свой.
(А Россия теряла в бессилии сына за сыном.)
О грузине всевластном сказал:
«Что ни казнь для него, то малина...»
Волки приняли вызов: был злобен их скрежет и вой.

Слежка. Обыск. Вот груда стихов на полу.
На сонете Петрарки
дописал перевод каблуком полицейский сапог.
За окном где-то ворон привычно-пророчески каркнул,
и поэта, подвластного злейшей
в истории всех олигархий,
увели за порог майской ночи, за жизни порог.

Друг-жена и свидетельница
долгих с Музою споров поэта
в память сердца сумела подслушанное заключить.
Защитив от Серпа и от Свастики черных наветов,
пронесла она клад свой бесценный,
чтоб снова отдать его
свету —
низко хочется голову мне перед нею склонить.

О «Портрете в рифмованной раме»

Ирине Одоевцевой

Предо мной необычный портрет
в светящейся «лунной» раме.
Акварелью?
Маслом? О, нет!
Написал свой портрет
в красках слова поэт.
Ну, а я (вдруг у вас его нет...)
опишу его здесь
стихами.

Полотно соткано
из улыбок,
отчаянья,
любви к жизни, раскаянья...
Сколько, сколько в нем красок,
тонкой кистью начертанных масок!

Вот глаза голубые:
то кокетливо-нежно-живые,
то вдруг темные, мўкой залитые,
горем, горем убитые...
Но всегда умно-добрые
и лучистые, звездоподобные.
Лишь порой – гневно-бешено-гордые.

Искрометен в «Портрете» смех
и невинно-беспечен «грех».
Своенравная мысль – царица:
лунной нитью засеребрится
и... спешит в легкой шутке
скрыться.

*(«Во всем виноват верблюд,
Отдать верблюда под суд!»)*

А каноны,
предначертанные законы —
для других!
Вольным-волен в «Портрете» стих.
Разностопны ямбы? Так что же?
Краски радуги – в слово!
Оно
все может!

*(«В лунном свете блекнет повилка,
В лунатичности серебряного лика
Воскрешает призрачно и дико
Прошлое на новый лад...»)*

Вы осудите: много цитат...
А ведь стих здесь – оттенок цвета.
Упущу – не будет портрета.

Но каким же я вижу поэта
На «Портрете»?..

Грусть и радость
живут в нем, как сестры,
рядом,
а слеза дуновенью веселья рада.

*(«Как мне грустно, как весело мне!
Я левкоем цвету на окне,
Я стекаю дождем по стеклу,
Кольхаюсь тенью в углу...»)*

Светлой верностью
дружба озарена;
а любовь – сердцем-памятью сохранена.
Чувствую молодость в новом портрете
(как в виденном прежде, в мягком берете).
И нового века вижу черты
в лице прежней
«невской» красоты.

*(«Лейте, лейте, херувимы,
как на розы Хиросимы,
райский ужас между слов!..»)*

В «Портрете» – ни Пиренеев, ни Сены:
есть свет петербургских
ночей весенних.

«Пушкин...»

Памяти Юрия Галанскова

Пушкин.
Лермонтов.
Лорка.
Сколько в самом расцвете
(вспомнить страшно и горько)
сгублено было поэтов.

Взяли в слуги мы
атом.
Смерти пыл укротили.
Им – безоружным солдатам —
песни одной не простили.

Потьма. Хмурый край света.
Маска.
Ланцет «хирурга».
Снова в нашем столетье
люди лишились друга,
Музы – поэта.

Январь 1973

Бонгард Сергей Романович (1918–1985) – художник, поэт, педагог

Родился в семье юриста в Киеве, который он, по воспоминаниям В. Синкевич, называл «самым красивым городом в мире». С детства проявлял способность рисовать, учился живописи в Киеве и Праге, позже – в Вене и Мюнхине. Его первым учителем был М.М. Яровой.

В 1943 году в потоке беженцев попал в Германию, прошел через лагеря Ди-Пи в американской зоне и в 1948 году эмигрировал в США, где преподавал живопись, позже открыл собственную школу живописи в Санта Монике (штат Калифорния), пользовавшуюся известностью у американских деятелей театра, кино и музыки, и филиал этой школы в Рексбурге (штат Айдахо), по природным условиям напоминавшем родные края. Этой школе Бонгард дал название «Киевщина».

Стихи писал с юности. Его поэтическим наставником и другом с киевских времен был Иван Елагин. Тесная дружба связывала его и однокурсником Киевского художественного училища поэтом и художником Владимиром Шаталовым. Оба они удостоились чести стать членами Национальной академии художеств (Нью-Йорк). Именно Бонгард оформил обложку первого серьезного сборника поэтов Ди-Пи «Стихи» (Мюнхен, 1947), куда вошли и 9 его стихотворений: «Актрисе», «Пора расстаться нам», «Когда из этой жизни прочь», «Зима», «Отплытие», «Нет, поступить иначе я не мог», «Сегодня день так сумрачен и мглист», «Шторм», «Ей». Почти все они обращены к Галине Нечи, с которой автор расстался. Позже, как вспоминает В. Синкевич, Нечи объяснила этот разрыв кратко и выразительно: «Оба мы были артистами». Лирический герой сравнивает прежние чувства с бушующим от восторга театральным залом. Тем горче осознание ушедшей любви, когда

на сердце щемящая жалость
Обманувшей когда-то мечты...
И, как память о прошлом, осталось
Между нами ненужное «ты».

И грусть разлуки соединяется с осознанием своей вины перед «стройной девушкой и ласковой женой», «которую я так нелепо бросил», и пониманием, что «что жизнь моя по швам / Разлезлась, как пиджак потертый / и помятый», а «для жизни искалеченной протезов / Еще никто не мог изобрести».

Характерно, что цикл завершается стихами, связывающими любимую и родину:

И годы скитаний, и суетность дней
Горячую память во мне не осият
О той, что не знала России моей,
Но столько напомнила мне о России.

Россия для Бонгарда неразделима с Украиной («Детство мое тихое. / Тын, да хата с мальвами»), с залитым дождем Киевом.

В более поздних стихах поэта появляется Волга, «Невы зеленое игорное сукно», купол Исакия, темный петербургский двор Раскольниковова, «душистый стог и сеновал», березы.

Ностальгия неизменно присутствует в стихах поэта. Но никогда не принимает трагического характера, хотя порой и вырываются строки вроде: «Все ушло навсегда и не жди» или «Горько мне, что не сложились жизни / Так как надо – даже у берез!».

Но поэт мужественно переживает такие мгновения, жизнь привлекает его во всех ипостасях

В поэзии Бонгарда можно найти восхищение стихийными силами природы («Начало бури», «Вздымались и рушились тучи...»), не похожей на олеографические открытки. Характерно, что ветер, месяющий волны, сравнивается со скульптором, мнущим глину; «бешеный круговорот» воды – с рвущимся на свободу рабом Микеланджело Буанароти, а «крутые бугры» волн – с торсами Огюста Родена.

Есть у Бонгарда и другая природа, родственная человеку, придающая людской жизни радость существования и позволяющая сказать: «Не знаю, как там на Олимпе, / Но тут – боже-ственно у нас!» («Дождь в засуху», «У океана», «Осень в горах»).

Художественным образом, воплощающим красоту мира стала у Бонгарда сирень:

Сады бушуют, рвутся в небо, даже
Его просторы стали им тесны,
И улицы кипят в ажиотаже
От ливня, от сирени, от весны...

Не случайно, Иван Елагин в стихотворении «Памяти Сергея Бонгарта» написал:

Мы выросли в годы таких потрясений,
Что целые страны сметало с пути,
А ты нам оставил букеты сирени,
Которым цвести, и цвести, и цвести...

Любовь к жизни отчетливо проявилась в стихах поэта о смерти:

С курносой смертью ежели
Я встречусь наяву,
Немногие пережили —
Но я переживу.

И вновь мысль художника обращается в родине:

Пес идет умирать из дома —
Человек возвращается в дом.
Не с того ли я вижу всё чаще
Крест с рябиной, где к небу лицом,
В самой гуще кладбищенской чащи
Похоронены мать с отцом?

Уже будучи тяжело больным он мужественно говорил о своем конце: «Мне последнее время труднее уснуть, / Уже меньше надежд, и желаний, и планов. / Знать, пора собираться в положенный путь, / В путь, в который с собой не берут чемоданов».

Художник по профессии, С. Бонгард удивительно живописен в стихах. Цвета, тона, оттенки моря, дождя, городского пейзажа или гор, даже запахи поражают своей точностью (в шторм у моря «черное лоно», «лиловая вода», «зеленая вода»; «полынный запах солнечного луга»; «молочная завеса» тумана; «птица сонная»; «кривые вербы»).

Удачны и метафоры поэта («космы небес», «сосняк на скале, как гребенка», «как рубанком стругает с утра океан, / Выются белые стружки у желтого берега»; «солнце кажется гонгом

лучистым»; «дубы, величавые бонзы / Над ущельем стоят каменистым»; горы «горбят спину»; «туман-иллюзионист»; «ветряная мельница / Неустанно крестится»).

Публикации

Память // *Грани*. 1946. № 2.

Стихи // Стихи. – Мюнхен, 1947

Стихи // *Встречи*, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985.

Стихи // *Встречи*. 1983–1985.

Стихи // *Перекрестки*, 1979–1982. №№ 3–6.

Актрисе

Г. В. Н.

Это было, но память упорно
Сохранит, как недавнюю близь,
Этот сумрак актерских уборных,
Этот приторный запах кулис.

Помню: зал до краев переполнен,
В дымном воздухе гулкая дрожь —
Это плещутся звуки, как волны,
У кильватерной линии лож.

Ты поешь. В нарастающей крепи
Голос к люстрам взлетел и упал.
Длится миг... И как будто бы с цепи,
Обезумев, срывается зал.

Бьет крылами, как дикая стая,
Стонут ярусы гудом перил,
Хлынет к рампе, бушует – и, стая,
Снова рушится всплесками крыл!

Вьется занавес в буре оваций,
Я смотрю на тебя, не дыша —
И цветами душистых акаций
Осыпается в счастья душа.

...Это было. Прошло, как проходит
Все. Как ты, моя жизнь, отгоришь.
Лишь висят в театральном проходе
Пожелтевшие ключья афиш,

Да на сердце щемящая жалость
Обманувшей когда-то мечты...
И, как память о прошлом, осталось
Между нами ненужное «ты».

«Пора расстаться нам. Давай рассудим...»

Г. В. Н.

Пора расстаться нам. Давай рассудим
резво.
Напрасно мы себя надеждой льстим.
Для жизни искалеченной протезов
Еще никто не мог изобрести.

Как объяснить тебе, чтоб поняла ты четко,
Что мы не можем!.. Незачем – вдвоем!
Как не сдаваться, если дрогнет нотка
В усталом голосе твоём?

Сложить бы вещи и скорей – на поезд!
Письмо короткое тебе оставить здесь,
Чтоб на вторые сутки, успокоясь,
В свою работу по уши залезть!
Чтоб лгать друзьям о легкости разлуки,
А возвратясь домой в свою пустую клеть,
Присесть к огню и стынущие руки
Теплом искусственным стараться обогреть.

Чтоб поздней осенью, под веток
черствый скрежет
И тусклый свет ущербленной луны,
Грустить о той, с которой я пережил
Три страшных года мировой войны.

«Когда из этой жизни прочь...»

Когда из этой жизни прочь
Я отойду в пределы ада —
Все будет так же. Та же ночь
Придет сюда в окно из сада.

И не изменится ничто,
Ни эта ложь, ни эти бредни,
И будет также здесь пальто
Висеть на вешалке в передней.

Как и теперь, сухой листок
Уронит тихо ветка клена,
И так же поезд на восток
В два сорок отойдет с перрона.

На темной насыпи кусты
Мелькнут за поворотом снова,
И так же, так же будешь ты,
Как и меня, любить другого.

Зима

Воют вьюги по неделям, —
Видно, норов их таков,
И хребты ломает елям
Непосильный груз снегов.

Убегу – тогда ищи-ка!
Из-за ветл зовет река.
Будет мною лед исчиркан
Беглым почерком конька.

За рекой чернеют срубы,
Я с тобою встречусь там.
Приморозит «ветер губы
К ярким девичьим губам.

Приморозит, не отпустит!
Он шутить не любит зря!
Я вернусь, когда за устьем
Будет снег топить заря.

Отплытие

Уже качнулся серый борт,
Уже толпой гудят причалы!
Передо мной туманный порт
И дышит море за плечами.

Я отплываю на восток.
Скрипят расшатанные рей.
Прощальный белый твой платок
Там над землей, как чайка, реет.

Пускай не порвана тесьма
Соединившего нас горя,
Но ты мне не пришлешь письма,
Когда меж нами ляжет море.

Когда я стану одинок,
Разлукой нерушимой ранен...
Плывем. А белый твой платок,
Как чайка, мечется в тумане.

«Нет, поступить иначе я не мог...»

Г. В. Н.

Нет, поступить иначе я не мог.
Теперь ничто меня с тобой не свяжет
И память о тебе, как вечное клеймо,
Морщиной темной над бровями ляжет.

У чьих-то бедер жадных и тугих
Пойду мутить назойливую память,
Но в сердце вновь возникнет горький стих
И буду жечь, упорствовать и плавить.

Однообразные, ненужные года!..
Ничто не исцелит от тяжкого недуга,
Но слово “родина”, быть может, мне тогда
Придет на ум, как имя друга.

И я вернусь. Угрюмый паровоз
Уволочет меня от тления и сплина,
И осень каплями тяжелых грустных слез,
Как мать, оплачет возвращенье сына.

Там будет все, как будто бы вчера:
Весь город мой в людском немолчном гуде,
И те же дни, и те же вечера...
Но только там одной тебя не будет.

И где-нибудь, не знаю точно – где,
Мой любопытный друг меня расспросит
О стройной девушке, о ласковой жене,
Которую я так нелепо бросил.

«Сегодня день так сумрачен и мглист...»

Сегодня день так сумрачен и мглист,
В холодном небе затерялась просинь...
Я так любил, когда шуршащий лист
Мне на плечо клала спокойно осень.

Когда, от сутолоки дней устав,
Наполненный тоской однообразных будней,
Уходишь за город, и блеклый цвет листа
Вспоминанья потихоньку будит.

Так было раньше. Но сегодня – нет!
Пускай не опадают листья!
Они во мне шевелят только бред
Твоих волос туманно-золотистых.

Куда итти, куда бежать теперь?
Мне не найти покоя в желтых ветвях.
Вернусь домой... Ехидно скрипнет дверь,
Вползая в комнату на заржавелых петлях.

Потом безвольно брошусь на кровать,
Линялым пледом с головой укроюсь,
И в сотый раз попробую понять
Свою беспутную, мучительную повесть.

И буду медленно, но нагло по пятам
Преследовать события и даты,
И, наконец, пойму, что жизнь моя по швам
Разлезлась, как пиджак потертый
и помятый.

Шторм

Косая молния стегнула горизонт
И подала сигнал к началу боя.
И гром скомандовал. И дрогнул гарнизон,
И ветер двинул тучи за собою.

В открытом море, огибая мол,
Построившись у крепостного форта,
Побатальонно цепи черных волн
Неутомимо шли на приступ порта.

И взяли порт. Они прорвались там,
Где берег был песчанее и ниже.
А ветер мчал за ними по пятам
И вел их в бой на штурм рыбацких хижин.

Всю ночь сопротивлялись берега
И медлило сдаваться плоскогорье.
А на рассвете, с жадностью врага
Собрав трофеи, отступило море.

Ей

Мы встретимся снова на этом углу...
Все снова и снова, и так до разлуки.
Но в памяти я навсегда сберегу
Твои обнаженные нервные руки,

Бездонную глубь твоих ласковых глаз,
Такой необычный изысканный профиль —
Я все постараюсь запомнить сейчас,
Я их зазубрю, как любимые строфы!

Потом мы простимся. Расстанемся, — пусть
Но я тебя всю в ореоле былого,
Как эти стихи, буду знать наизусть
От рифмы до рифмы, от слова до слова.

И годы скитаний, и суетность дней
Горячую память во мне не осият
О той, что не знала России моей,
Но столько напомнила мне о России.

«Вздymались и рушились тучи...»

Вздymались и рушились тучи,
А в сердце вползала тоска мне.
Все море как будто в падучей
Ревело и билось о камни.

И ветер, бросаясь в пучину —
Шипящее, черное лоно,
Как скульптор буграстую глину
Месил и месил исступленно.

Плащом запахнувшись потуже,
Кляня ураган то и дело,
Я шел по камням неуклюже
Туда, где оно сатанело.

Как будто в неслыханных пытках
Был стон его глух и неистов;
Не то что на этих открытках
Для легковерных туристов.

Не то что на этих шедеврах,
Написанных бойким мазилой,
Ревело, играло на нервах
И целому миру грозило.

Оно наливалось валами,
Шипела лиловая пена,
Ярилось крутыми буграми.
Как торсы Огюста Родена.

И в бешеном круговороте.
Швыряя зеленую воду,
Рвалось словно раб Буонаротти
Из массы своей на свободу.

«Ты помнишь, у нашей калитки...»

Ты помнишь, у нашей калитки
Сияющим утром, лениво,
Прибой разворачивал свитки
И клал их к покромке залива.

Там крейсер стоял на причале
И высился серую глыбой,
Отчаянно чайки кричали,
Кидаясь в пучину за рыбой.

И соль на губах от прибоя,
Клочок облюбованный суши,
И ветер и море. И двое
Влюбленных друг в друга по уши.

«Детство мое тихое...»

Детство мое тихое.
Тын, да хата с мальвами.
Я не знал о них тогда.
Океанах с пальмами.

За кривыми вербами,
У болотной ямы,
Мне лягушки первыми
Были кобзарями.

Сумрак дымкой ладана.
Вился над бурьяном,
И в копилку падало
Солнце за курганом.

Вечер в поле стелется,
Тихий свет от месяца.
Ветряная мельница
Неустанно крестится.

Звездными миражами
Пруд сиял у берега,
И не снилась даже мне
Та страна Америка.

«С курносой смертью ежели...»

С курносой смертью ежели
Я встречусь наяву,
Немногие пережили —
Но я переживу.

Скажу ей – нету в мире
Для жизнелюбов мест,
И яма-то не вырыта,
И не сколочен крест.

Иди к соседу – пьяница.
Ленив, завистлив, слаб.
Он сам к тебе потянется,
До смерти любит баб.

Ей-Богу, парень стоящий,
Спьяна на все готов;
А мне б, картин хоть сто
Да книжечку стихов.

Дождь в засуху

Дождя все ждали долго, долго,
А он все набирался сил,
И вдруг залил мой сад, как Волга
Мой дом как баржу накренил.

Шумят, кипят деревьев кроны.
Летит поток с мансарды вниз,
И тучам рукоплещут клены —
Еще дождя! Дождя! на бис.

«Присела птица сонная...»

Присела птица сонная
На черное окно.
Внизу Невы зеленое.
Игорное сукно.

Всю ночь знаменья всякие,
Да шорохи окрест.
На куполе Исакия
Как туз трефовый крест.

Дорогами окольными.
Бочком как будто вор.
Вновь месяц как Раскольников
Проходит в темный двор.

Опять при мертвом свете том
Ползет по этажам,
Уже почти столетие
Кого-то ищет там.

Обрывки фраз до Невского
Доносит шепотком,
«Вам, сударь, Достоевского? —
Пошел в игорный дом».

Русский Парнас в рассеянии

Там в этой книжной лавке,
Где букинист рассеянный
Чахнет на старом прилавке.
Русский Парнас в рассеянии.

Книги стоят рядами
В темном углу скучая.
Нетронутые годами
Возле халвы и чая.

Непроданная поныне
Горечь русской души —
Этот рыдал в Берлине,
Тот голосил в Виши.

Этот поэт без звания,
Тот – титулованный князь;
У князя давно графомания
В скитаниях развелась.

Тлеют давно страницы.
Выцвело имя поэта,
Лирик скончался в Ницце,
Трагик в Бельгии где-то.

Слава их редко тешила,
Статуи им не высила,
На шею наград не вешала.
Не клала венков на лысины.

Жили с мечтой о чуде —
Хоть в виршах восстать из мертвых!
Только стихи как люди —
Мало стихов бессмертных.

Многих уже не стало
В майской звенящей сини.
На кладбищах полыхала
Сирень, как тогда в России.

Спит букинист у кассы,
Похрапывает глухо,
В стаканчике из пластмассы
Чай и дохлая муха.

Робко через оконце,
Грязную раму минуя,
Входит мутное солнце
В эту тоску земную.

Спит букинист, не слышит,
Как обкарнав сатирика.
Трагика съели мыши
И доедают лирика.

Новогоднее

В декабре вспоминается май,
Вспоминается юность все чаще.
Мокрый Киев, веселый трамвай
На зеленую площадь летящий.

Там в саду за кривой мостовой
В синих блестках и ливня и мая.
Ты стоишь под сиренью густой.
На свиданье меня поджидая.

Мы по площади старой пойдем,
Мы еще не предвидим разлуку,
Как чудесно под этим дождем!
Как волшебю держать твою руку!

Я совсем еще юноша, я
Нерешительный и неуклюжий,
И в глаза твои жадно глядя,
Попадаю ботинками в лужи.

Как привольно, как радостно тут
По проулкам шататься без цели!
Водосточные трубы поют
И грачи от весны оголтели.

Счастье жизни – хмельное вино,
Город так по-весеннему светел...
Боже мой! Как все это давно!
Как давно это было на свете!

Тридцать первое декабря.
Шторы окон опущены низко.
Неуверенный свет фонаря
Освещает клочок Сан-Франциско.

Шум кварталов к полночи иссяк.
Тротуары пустынные и сизы,
Лишь стоит охмелевший босяк
На углу, словно башня из Пизы.

Я в гостинице этой опять,
Я давно уже маюсь по свету.
То же кресло и та же кровать
И уюта по-прежнему нету.

Где-то там за домами луна.
Стих мой дом, заварю себе чаю.
Вот дошел до чего! Без вина
Новогодние ночи встречаю!

Без вина, без подруги моей,
Без веселой пирушки – куда уж!
Растерял я по свету друзей,
Всех подруг своих выдал я замуж.

Был я молод и ветрен тогда,
К тем остыл, эти бросили сами.
Не сыскать их уже никогда.
Устарел мой блокнот с адресами.

Все ушло навсегда и не жди.
Унесло как плоты по теченью,
И трамвай, и весну, и дожди,
Что проходят над русской сиренью.

И косматый обрыв у реки,
Где от вязов корявые тени,
И касание милой руки
С ароматом дождя и сирени.

«Опять октябрь листвой сверкая...»

Опять октябрь листвой сверкая
На землю по садам пустым.
Как Зевс когда-то на Данаю,
Пролился ливнем золотым.

Шуршит, звенит листва повсюду,
Как будто музыка сама.
Поэты благодарны чуду,
Художники сошли с ума.

Я сам хмельной в саду у липы.
Вином встречаю этот час.
Не знаю, как там на Олимпе,
Но тут – божественно у нас!!

Forest Lawn **(Самое известное кладбище в Лос-Анджелесе)**

Forest Lawn – говоря попроще —
Место проводов, слез и бед.
Место, где покупают жилплощадь
С перспективой на тот свет.

Выбор есть: вот участки двухспальные,
Это, если клиент женат —
Даже с видом на улицу с пальмами.
Подороже – на нежный закат.

Наглый агент – с беспечной небрежностью
Объясняет опять и опять.
Как по низкой расценке с вечностью
Вы смогли бы легко переспать.

Не пугает он вас преисподней,
Рай сулит и воркует о том,
Что в могилу – хотя бы сегодня,
А платить – даже можно потом.

Торгаши промышляют идеями.
Но доходнейшая из идей:
Чтоб при жизни еще сумели вы
Погрустить над могилкой своей...

Чужды мне эти склоны с полянами
Без крестов, без оград и без роз
На земле не дружившей с бурьянами,
Не обласканной шумом берез.

В Калифорнии – осень как в Киеве,
Если б только не этот прибой.
Что ж поделаешь, – видно такие мы
Напоследок нас тянет домой.

Всё живущее – по-иному
Смерть встречает, не зная о том —
Пес идет умирать из дома —
Человек возвращается в дом.

Не с того ли я вижу всё чаще
Крест с рябиной, где к небу лицом,
В самой гуще кладбищенской чащи
Похоронены мать с отцом?

Туман

Уже опал последний лист.
И с той горы, что горбит спину,
Туман-иллюзионист,
Спустился медленно в долину.

И вот пополз во все края,
Укрыв молочною завесой
Шоссе, конюшни, тополя,
Аэропорт за дальним лесом.

Шагая к дому наугад
Под всё густеющую дымкой,
Я вижу, как бледнеет сад.
Как елка стала невидимкой.

Как все теряет плоть и вес,
Становится бесцветно, мглисто.
О Боже, даже дом исчез
По воле иллюзиониста!

Исчез, и не ищи – ведь зря!
Он был – и нет. Он канул в бездну,
Как горы и как тополя,
Как я когда-нибудь исчезну.

Вот даже самый ближний куст
Передо мной растаял сразу.
И мир, знакомый наизусть
Уж недоступен больше глазу.

Береза

У шоссе – за первым километром.
Где дорога круто рвется вниз,
Извиваясь под осенним ветром,
Исполняет дерево стриптиз.

Сбросив наземь все свои одежды —
Всё дотла, не сыщешь и листок.
Лишь остался на точеной ножке
Белый ослепительный чулок.

Как в тяжелом приступе психоза,
В голубом бензиновом дыму —
Пляшет обнаженная береза
У машин проезжих на виду.

Плавен выгиб тоненького стана,
Нежен веток дымчатый плюмаж;
Ей бы на холсте у Левитана
Украшать какой-нибудь пейзаж.

Или в русской выситься деревне,
Где растут поэты от сохи,
Где березы, стройные издревле,
Попадали в песни и стихи.

Я стою, как будто бы на тризне
У шоссе, где смрад и визг колес...
Горько мне, что не сложились жизни
Так как надо – даже у берез!

Влюбленные лошади

Глубокий дол, и словно пламя всполохи, —
Хвосты и гривы рыжие полощутся,
И нежно, наклонив нечесанные головы,
Стоят под ветром две влюбленных лошади.

Над ними небо – лучезарным куполом.
Полынный запах солнечного луга;
Ну, а они – так влюблены по-глупому.
Вот в этот мир цветущий и друг в друга.

А ветер дует, ковыли обшаривая,
И никого вокруг, их только двое —
Замкнутые в два дивных полушария:
Одно зеленое, другое голубое.
Замкнутые в два дивных полушария.

Осень в горах

Осень – вылитая из бронзы.
Солнце кажется гонгом лучистым,
И дубы, величавые бонзы,
Над ущельем стоят каменистым.

Тихо все, у песчаной запруды,
Спят рыбешки на каменном донце;
Валуны, ожиревшие Будды,
Животы согревают на солнце.

Облака над вершинами низко
Проползают всё мимо и мимо,
И как будто бы в храме буддийском
Аромат горьковатого дыма.

У океана

For Patricia Le Grande

Ветер дует и дует, – напорист и рьян,
Пальмы гнет и пылит у курортного скверика.
Как рубанком стругает с утра океан,
Вьются белые стружки у желтого берега.

Распирает под ветром опять паруса
И веселое солнце на запад катится.
Золотит берега, розовит небеса
И на каждой волне, расколовшись, дробится.

Вот в сверкающих брызгах волны поперек,
Под шального прибоя размерные залпы,
С оснеженной вершины скользит паренек
И тотчас же взлетает на новые Альпы.

И девчонка бежит по песку босиком,
А за нею собаки, – отчаянно лают,
Пахнет рыбой, смолою и мокрым песком
И три тысячи чаек кричат и летают.

То кидаются в небо, над пляжем паря,
То в прибой окунутся – высокий и хлесткий;
Белый парус до самой волны накрена,
Кто-то ловит ладонью слепящие блески.

А девчонка бежит вдоль шипящей межи,
Мимо мокрых камней в голубой крутоверти.
И повсюду грохочет и буйствует жизнь, —
Жизнь чистейшего сплава, – без примеси смерти!

«Не зачерствей как пень с годами...»

Не зачерствей как пень с годами,
Окаменеть не торопись,
Опять вишневыми садами
В далекой памяти пройди.

Мимо давно знакомой хаты
Перешагни за перелаз,
Где рыжий клен, как пес кудлатый.
Тебя облизывал не раз.

Где с детства были сердцу любви
Душистый стог и сеновал.
Где частокол, оскалая зубы,
Крапиву в зарослях жевал.

Пройди к ручью, где вечность не был.
Где в зной, чтобы набраться сил.
Ты, над водой склонившись, небо,
Хватая пригоршнями, пил.

Остановись у той же липы,
К земле колени приклони
И из ручья, как прежде, выпей,
Вновь неба русского хлебни.

Потом в густой траве укройся,
Приляг и сквозь завесу трав
Смотри, как вытянется поезд,
Лиловым дымом степь застлав.

Как поравнявшись с лесом вскоре,
Переползет через поля,
И в небо – голубей, чем море —
Уйдет, как молодость твоя.

Уйдет, как жизнь, неповторимо!
Зови и плачь – не возвратишь!
Побед и поражений мимо —
В ночную синь, в ночную тишь.

Начало бури

Откатится, вновь наплывает,
Швыряет зловещей волной,
Голову разбивает
Об острые камни прибой.

Ударит то глухо, то звонко,
То рушится в полный свой вес.
Сосняк на скале, как гребенка,
Запутался в космах небес.

Такой удручающей хмури
Давно этот край не видал.
Вот первый, изваянный бурей,
Взметнулся чудовищный вал.

Теперь уж пойдет! Начинай-ка,
Нахлынь все кроша и круша, —
И падает белая чайка,
Как в адскую бездну душа.

Мастерство

Ивану Елагину

Читая стихи твои снова,
Я просто поверить не ног,
Как ловко упрямое слово
В бараний ты скручивал рог.

И мне оставалось дивиться,
Как смог ты в ловушку увлечь,
И как укротить эту львицу —
Строптивую русскую речь.

Она меня лапой стегнула
И клык обнажила, как нож,
А ты без хлыста и без стула
К ней в клетку так запросто вхож.

И шаг твой почуя спросонок,
Она встрепенется и вот —
К тебе подбежит, как котенок,
И мастеру руку лизнет.

Буркин Иван Афанасьевич (1919–2011) – поэт, прозаик, переводчик, скульптор

Родился в Пензе. В конце 1920-х гг. его отец, содержавший мельницу, дважды арестовывался как эксплуататор и, предчувствуя третий арест, отправил семью всю семью (жену и двух сыновей) в никуда.

После долгих мытарств Иван оказался в Мордовии, где закончил филологический факультет Саранского педагогического института. В 1940 г. был призван в армию, в 1941 отправлен на фронт, через год попал в плен.

После освобождения остался в Германии, несколько лет провёл в беженских лагерях.

С 1950 г. жил в США. В Колумбийском университете получил степень доктора философии. Преподавал русский язык и литературу в Сиракузском университете, в Сан-Францисском колледже.

Стихи писал с 13 лет. Первая публикация еще в Саранске 1938 году. В 1947 выпустил книгу стихов «Только ты, Мюнхен». В эмиграции печатался в журналах и альманахах «Грани», «Мосты», «Перекрестки» («Встречи») Автор 11 поэтических сборников (4 опубликованы на родине) и романа «Не бойся зеркала» (1950, опубликован в 2005). Печатался в журналах и альманахах «Грани», «Мосты», «Перекрестки», в газетах «Новое русское слово» и «Русская жизнь». С 1988 г. несколько раз посещал Россию.

И. Буркин был в числе основателей альманаха «Перекрестки», но в 1983 году вышел из редакции в связи с разногласиями с другими членами редколлегии, протестовавшими против наметившегося модернистского уклона публикаций.

На творчество поэта оказали влияние различные авангардистские традиции: с одной стороны, «прыжки воображения» в стихах В. Хлебникова (что Буркин отметил в эссе 1996 г. «Цветок на могилу Хлебникова»), с другой – эксперименты в области свободного стиха (верлибра), с третьей – абсурдизм и ирония обэриутов.

«У поэта-эмигранта, – писал Буркин в предисловии к сборнику “Берег очарованный” нет массового читателя. Его поэзия часто обращена к самому себе и носит интроспективный характер. Рефлексия, подробная фиксация пережитого и переживаемого – вот ее главные черты. Из-за отсутствия массового читателя <...> можно писать не заботясь о простоте и доступности.

<...> Лиризм в таких стихах принимает утонченный характер, ибо внутренний мир человека подается со всеми нюансами и глубиной».

«Густая метафорическая ткань стиха, – писал Буркин о себе в статье “Одинокий парус”, – должна не уговаривать, а заговаривать, создавать, подобно музыке, особое настроение. И там, где выступал лирический герой, в центре внимания были глубина и нюансы его психологического рисунка («Мечты на маневрах», «Листья падают», «Мета-роза»)). Лирический герой Ивана Буркина живет яркой жизнью, категорически не приемлет стандартное мышление, позу, высокий стиль; иронизирует над любой «красивостью».

Образы Буркина оригинальны, порой нарочито алогичны, но всегда зримы. Слово для него «не хозяин, слово – лакей». В его стихах пространство «ревет как медведь на мачты и на капитана», арбуз «на солнышке греет живот», телефонная трубка «точь-в-точь как только что родившийся щенок лежит на животе телефона». В одном стихотворении адрес скитается вместе с лирическим героем, в другом – автор «едет в мемуары», а навстречу ему «мчится старина», в третьем – «одинокое, бездомное, оторвавшееся или потерявшее своего хозяина» имя летает по комнате «как огромная бабочка», вглядывается в портреты на стене и чего-то ожидает. «Кроме грамматической абстракции, – продолжает поэт в уже названной статье, – мои эксперименты выразились и в поисках “обратной метафоры” («Медленное описание игры на рояле», «Путешествие поэта на край абсолютного сна»))».

Похоронен на православном сербском кладбище Сан-Франциско.

Сочинения

Только ты. Стихи. – Мюнхен, 1947..

Путешествие из черного в белое. – Мюнхен, 1972.

Рукой небрежной. – Мюнхен, 1972.

Заведую словами – Филадельфия: Перекрестки, 1978.

13-ый подвиг. – Филадельфия: Перекрестки, 1978.

Голубое с голубым. – Филадельфия: Перекрестки, 1980.

Луна над Сан-Франциско. – СПб.: Журнал «Юность», 1992.

Путешествие поэта на край абсолютного сна. – СПб.: Петербургское соло, 1995.

Возмутительные пейзажи, лабиринт и так далее. – СПб.: Библиотека альманаха «Петрополь», 1996.

Не бойся зеркала. – Донецк, 2005.

Берег очарованный. Стихи. -М.: Советский спорт, 2006.

Здравствуй, вечер! – СПб.: Фонд русской поэзии, 2006.

Публикации

Вниманье: будьте осторожны! Не наступите на живот! *И ДН.* 1997. № 8. Догоревшие свечи. (О русской поэзии) // *Грани.* 1964. № 55.

И в две и в четыре стопы. // *НМ.* 1995. № 2.

Прогулка // *Грани.* 1959. № 43.

Прощание с Пушкиным // *Совр.* 1979. № 43 / 44.

Симфонический скандал // *Эхо.* 1980. № 4.

Сомнения // *Опыты,* 1953. № 1.

Стихи // *Встречи.* 1977–1982, 1989, 1990, 1993, 1994, 1996.

Стихи // *Грани.* 1960. № 46.

Стихи // *Мосты.* 1959. № 3.

Стихи о животных // *Грани.* 1960. № 45.

Три стихотворения // *Грани.* 1959. № 41.

Человек // *Совр.* 1979. № 43 / 44.

Лагерь военнопленных 1941

И этот вот сейчас умрет.
В глазах уже знамена смерти.
Надежно, верно заперт рот.
Душа навьлете, в конверте...

Как прост последний переезд:
Ведь никуда не надо ехать.
Порой опаздывает крест,
Но это тоже не помеха...

Никто не ведает, куда
Уходят тихо, глаз не прячут.
Как хорошо, что здесь не плачут,
Рукой не машут уходя.

На белом свете побывали,
Все в общей яме, все Иваны...

Тихоокеанские сонеты

1.

Открой мне дверь, осенний тихий вечер,
Я дальний путник, я почти без сил.
Я тишину с собой принёс – не ветер.
Луну на всякий случай пригласил.

Я двигаюсь короткими шагами,
Но длинным глазом я повсюду зрел
Зимою вьюги песни мне слагали
И вихри войн достались мне в удел.

Горят в камине тёмные поленья
И задышаются и в дыме, и в огне.
Двойная смерть их греет мне колени
И пошевеливает жизнь во мне.

Когда золою станет всё, как прахом,
Я на подушку лягу, как на плаху.

2.

*И кто умножает познания –
умножает скорбь.*

Книга Экклезиаста

Чем больше знаешь, тем сильнее скорбь.
Недаром головой качаешь часто.
Я в Библию смотрю, как в микроскоп,
И плаваю в словах Экклезиаста.

В великой мудрости живёт печаль.
Чем больше знаешь, тем она сильнее.
Она растёт, она наш капитал,
И нам нельзя уже расстаться с нею.

Что было и что будет – суета.
Кривая и останется кривою.
Но есть у слов большая высота.
Вот здесь уже киваешь головою.

И может статься, что наш белый свет

Задуман был как суета сует.

3.

Кончай, пластинка. Покружилась вдоволь.
Похоже, ты – ну, вылитая я.
Ты так послушна, так всегда готова
Кружиться в тёмных дебрях бытия.

Тебя, склонившись, бедная иголка
Царапает, выгаскивая боль.
Тебе давно невыносимо горько,
Печальная тебе досталась роль.

Меня царапает игла другая,
И из меня опять на белый свет,
От жажды острой жить изнемогая,
С оглядкой вышел медленно сонет.

И он кружиться будет, как пластинка,
С надеждою, задумчиво и тихо.

4.

Без объявления стучится строчка
Осенним вечером часам к восьми.
Со словом просится, конечно, точка,
И запятая просится: «Возьми».

Иная строчка, словно ожерелье.
Слова сияют, точно жемчуга.
Другую вдруг постигло ожиренье,
У толстых слов всегда растут рога...

И есть слова, что умирать готовы
Или идти легко на компромисс.
И есть такие – им нужны подковы.
Будь начеку, поэт, посторонись.

Пуškai бегут себе подальше, мимо.
Поэзии нужны слова без грима.

5.

Я очень временный хозяин стен,
Благодарю и временную крышу.
Ведь я уже давно доволен тем.
Что всех рыданий ветра я не слышу.

И дождь как будто не жалеет труд,
И стены чисты и всегда умыты.
Картины в окнах разные растут.
Какая радость: окна плодovиты.

Я процветаю в бедности святой,
Любуюсь подвигом цветущей орхидеи
И, кроме верной точки с запятой,
Я двоеточием ещё пока владею.

Другим владениям твоим, поэт,
Цены базарной не было и нет.

6.

В пространстве громко дышит моя грудь.
Сирень на столике, словно сиделка.
Во времени кратчайший путь
Охотно, честно совершает стрелка.

Надежда варится точь-в-точь, как суп,
И через час она уже готова.
Немного позже и с бесцветных губ
Слетит ругательство с цветами снова.

О времена! О губы! Да и ты,
Пространство, вскормленное мною, —
Все исказило образ красоты,
И зло творится за моей спиной.

Пока она ещё мне не видна,
Но где-то кроется моя вина.

7.

Победа сумерек. Увядший свет
Пытаются поймать слепые окна,
И первая звезда (о, сколько лет!)
На землю тихо смотрит из бинокля.

Куда-то облако опять спешит,
Намазав губы толстые закатом,
Но улица моя (вернее, уже стрит)
Цветами тёмными весьма богата.

Вдали от родины чего ещё я жду?
Душа теплом неведомым согрета.
Встречаю с радостью я первую звезду,
Чуть слабый блеск её привета.

Быть может, где-то за её спиной
стоит душа иная, мир иной.

8.

Снимаю тень свою, как бы с креста.
За что и кем была она распята?
Иду по улице, чуть-чуть грустя.
Как хорошо грустить всегда по благу.

Одно и то же, кажется, везде.
Как далеко находится нирвана?
Одни застряли глубоко в беде,
Другие в роскоши бесцельно вянут.

Так было, скажут мне, вчера,
Так будет, пояснят мне, завтра.
Живи в рассрочку, слёзы вытирай.
Какой посев – такой и будет жатва.

Никто не думает, как тень сберечь,
Когда над головой повиснет меч.

9.

Мучительны бывают вечера,
Когда из памяти, уже довольно зыбкой,
Всплывает заблуждений мишура,
Когда блестят отчаянно ошибки.

Мерцанье молний тех далёких встреч
И неизбежный зов и звон бокалов,
Сияние случайных голых плеч
В разгаре пьяных и весёлых балов.

Но от себя бежать уже нельзя.
Ты заперт в прошлом, как в звериной клетке.
Идешь вперёд, а вот живёшь назад,
Глотая настоящего таблетки.

И в прошлом, и теперь кружись,
Тебе дана как бы двойная жизнь.

10.

Октябрь в окне. Мой клён совсем разделся.
Он – вот пример! – всегда навеселе.
Из пальцев образуя быстро дельту,
Рука течёт свободно на столе.

В наш разговор влетает ветер темы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.